ISSN 3034–1396 (print)
ISSN 3034–1388 (online)

Абел **Аганбегян**

Александр **Артамонов**

Валерий **Виноградский**

Ольга **Виноградская**

Татьяна **Заславская**

Сергей **Зуев**

Елена **Ленская**

Вадим **Радаев**

Владимир **Роговский**

Анна **Турчик**

Татьяна **Черкашина**

Пути России

Научно-практический журнал социальных и этнографических исследований

30-летие Шанинки

Том 3 №3
2025

Пути России

Том 3 № 3 2025

Научно-практический журнал социальных
и этнографических исследований

30-летие Шанинки

Пути России

Научно-практический журнал социальных и этнографических исследований

Том 3 № 3 2025

ISSN 3034–1388 (online)

www.jrsre.ru

Издается с 1993 года. В 1993–2003 гг. выходил ежегодный альманах под заглавием «Куда идет Россия?» С 2004 по 2021 гг. ежегодный альманах под заглавием «Пути России». До 2021 года включительно все выпуски выходили в печатном виде. В 2023 году вышло в свет два пилотных номера. С 2024 года журнал выходит один раз в квартал в электронном и печатном виде.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер: ЭЛ № ФС77–86371 от 27.11.2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 г. Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Опубликованные в журнале материалы распространяются свободно. Ссылка на журнал при перепечатке и цитировании материалов обязательна.

Редактор: Катя Наумова
Секретарь: Максим Григоренко, МВШСЭН
Дизайн: Максим Григоренко
Редактор сайта: Александр Артамонов

© ОАНО «МВШСЭН», оформление, 2025
© Авторы статей, 2025

Главный редактор:
Дмитрий Рогозин, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, РАНХиГС, Москва.

Заместитель главного редактора:
Александр Никулин, канд. экон. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Роман Бумагин, канд. социол. наук, Фонд «Общественное мнение», Москва,
Анастасия Гачева, докт. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва,
Ирина Дуденкова, канд. филос. наук, МВШСЭН, Москва,
Анна Ипатова, канд. культурологии, независимый исследователь,
Ольга Карпова, МВШСЭН, Москва,
Никита Петров, канд. филол. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва,
Ольга Солодовникова, канд. филол. наук, РАНХиГС, Москва,
Александр Сувалко, НИУ ВШЭ, Москва,
Андрей Тесля, канд. филос. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград,
Александр Фокин, канд. историч. наук, МВШСЭН, Сеченовский университет, Москва,
Татьяна Черкашина, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Роман Абрамов, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Светлана Барсукова, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Татьяна Богомолова, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т,
Леонид Бляхер, д-р филос. наук, Тихоокеанский гос. ун-т, Хабаровск,
Сергей Зуев, канд. искусствоведения, МВШСЭН, Москва,
Марина Карцева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,
Гульнара Краснова, д-р филос. наук, РАНХиГС, Москва,
Виталий Куренной, канд. филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Татьяна Малева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,
Штефан Мерль, д-р философии, Ун-т Билефельд, Германия,
Ольга Моляренко, канд. социол. наук, Фонд Хамовники, НИУ ВШЭ, Москва,
Сергей Мохов, канд. социол. наук, Ливерпульский ун-т Дж. Мурса, Великобритания,
Юрий Плюснин, д-р филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Вадим Радаев, д-р эконом. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Мария Сигова, д-р эконом. наук, МВШСЭН, Москва,
Денис Стребков, канд. социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Ирина Тартаковская, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва,
Ирина Троцук, д-р социол. наук, РУДН, Москва,
Валерий Фёдоров, канд. полит. наук, ВЦИОМ, Москва.

Russia's Directions

The Journal of Russian
Social Research and Ethnography

Vol 3 No 3 2025

ISSN 3034-1388 (online)

www.jrsre.ru

Published since 1993.

Frequency — four issues per year.

ESTABLISHER
The Moscow school of social
and economic sciences

ADDRESS
3–5 Gazetny Lane, bld. 1, Moscow,
125009

@RUSSIANWAYS

Editor: Katia Naumova
Secretary: Maxim Grigorenko, MSSES
Design: Maxim Grigorenko
Site editor: Alexander Artamonov

Editor-in-chief:
Dmitry Rogozin, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, RANEPA, Moscow.

Deputy editor-in-chief:
Aleksandr Nikulin, Cand. Sc. (Economics), MSSES, RANEPA, Moscow.

EDITORIAL BOARD
Roman Bumagin, Cand. Sc. (Sociology), FOM (Public Opinion Foundation), Moscow,
Anastasiya Gacheva, D. Sc. (Philology), IWL RAS, Moscow,
Irina Dudenkova, Cand. Sc. (Philosophy), MSSES, Moscow,
Anna Ipatova, Cand. Sc. (Culturology), independent scientist,
Ol'ga Karpova, MSSES, Moscow,
Nikita Petrov, Cand. Sc. (Philology), MSSES, RANEPA, Moscow,
Ol'ga Solodovnikova, Cand. Sc. (Philology), RANEPA, Moscow,
Aleksandr Suvalko, HSE University, Moscow,
Andrej Teslya, Cand. Sc. (Philosophy), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Aleksandr Fokin, Cand. Sc. (History), MSSES, Sechenov University, Moscow,
Tatyana Cherkashina, Cand. Sc. (Sociology), IEIE SB RAS, Novosibirsk State University.

EDITORIAL COUNCIL
Roman Abramov, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Svetlana Barsukova, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Tatyana Bogomolova, Cand. Sc. (Sociology), Novosibirsk State University,
Leonid Blyaher, D. Sc. (Philosophy), Pacific National University, Khabarovsk,
Valerij Fyodorov, Cand. Sc. (Politics), VCIOM (Russian Public Opinion Research Center), Moscow,
Marina Karceva, Cand. Sc. (Economics), RANEPA, Moscow,
Gul'nara Krasnova, D. Sc. (Philosophy), RANEPA, Moscow,
Vitalij Kurennoj, Cand. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,
Tat'yana Maleva, Cand. Sc. (Economics), RANEPA, Moscow,
Stepfan Merl, Prof. Dr. Dr. h. C. mult., Bielefeld University, BRD,
Ol'ga Molyarenko, Cand. Sc. (Sociology), Fund of support of social researches «Hamovniki», HSE University, Moscow,
Sergej Mohov, Cand. Sc. (Sociology), Liverpool John Moores University, UK,
Yurij Plyusnin, D. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,
Vadim Radaev, D. Sc. (Economics), HSE University, Moscow,
Mariya Sigova, D. Sc. (Economics), MSSES, Moscow,
Denis Strebkov, Cand. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Irina Tartakovskaya, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, Moscow,
Irina Trotsuk, D. Sc. (Sociology), PFUR, Moscow,
Sergej Zuev, Cand. Sc. (Art Criticism), MSSES, Moscow.

© The Moscow school of social and economic sciences, design, 2025
© The authors of the articles, 2025

Содержание

Социологические исследования

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская — Недалеко от Москвы: феноменология пригородного фермерства — **9**

В. С. Роговский — Исторический опыт учреждающего взаимодействия левого и правого поля при трансформации режимов на выходе из авторитаризма — **30**

30-летие Шанинки

С. Э. Зуев — «Пространство эксперимента Шанинки очерчено энергией изначальной идеи»
Интервьюер О. Б. Солодовникова — **55**

В. В. Радаев — «Шанинка была личным проектом Теодора» Интервью о создании Шанинки
Интервьюер И. В. Дуденкова — **66**

Е. А. Ленская — «Умение принять чужого, сильно от тебя отличающегося...»
Интервьюер А. В. Турчик — **79**

А. Г. Аганбегян — «...тут никакого КПСС. Тут музейный работник или социолог»
Интервьюер И. В. Пресняков — **94**

Т. И. Заславская — «Больше всего хотелось бы к Шанину». Фрагменты писем Т. И. Заславской, 1992–1996 гг.
Предисловие и комментарии Т. Ю. Черкашиной — **104**

Т. И. Заславская — О советской сельской социологии
Интервьюер А. М. Никулин — **138**

Научная жизнь

А. А. Артамонов — Библиотека Шанинки: проектный замысел и его воплощение — **161**

А. В. Турчик — Шанинка — педагогика отношений. Круглый стол выпускников социологического факультета МВШСЭН разных лет — **175**

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

В. В. Федоров	Плюснин, Ю. Промыслы российской провинции. Неформальные экономические практики населения. М., ИД ВШЭ, 2024.	**191**
С. В. Козин, Т. П. Жидяева	Мартынова, М. Ю., Тишков, В. А. [и др.] Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022	**195**
А. А. Тесля	Павел, Т. Жизнь романа. Краткая история жанра / Пер. с фр. О. Волчек под ред. С. Фокина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025	**199**
В. В. Федоров	Атнашев, Т. Бюрократия, или Порядок без хозяина. СПБ, Европейский университет в СПБ, 2025	**207**
С. В. Козин, Р. Р. Закиева	Коленникова, О. А. Социальные проблемы рабочей силы в современной России. ФНИСЦ РАН, 2024	**210**
Д. Д. Сушков	Кальтенбруннер, Г-К. Элиты. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / Пер. с нем. А. В. Чёрного. М.: Silene Noctoflora, 2025	**214**
К. А. Никулин	Посадский, А. В., Булгаков, А. О. Народная армия в Прихопёрье: зелёные и белые летом 1919-го года. М.: Квадрига, 2024	**218**
В. В. Федоров	Пинчук, О. Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М., Хамовники, 2021	**224**
Т. Ю. Черкашина	Канунников, С. Хочу машину! Личный автомобиль в советской повседневности (1917–1991). М.: Новое литературное обозрение, 2025	**228**
S. Merl	Сафронова, А. Блеск и нищета российской кооперации. Как народ приучали к современности, 1860–1930 / Пер. с фр. А. Сафроновой. М.: НЛО, 2024 (Histoire des coopératives russes et soviétique (1860–1930). Moderniser Le Peuple (= Problematiques de traduction 34). Paris: Classique Garnier 2023)	**234**
М. В. Григоренко	25 книг об исследовательском университете	**245**

Contents

SOCIAL RESEARCH

V. Vinogradsky
O. Vinogradskaya
Not Far from Moscow:
Phenomenology of Suburban Farming **9**

V. Rogovskii
Historical experience of constitutive left-right interaction
in regime transformation at the exit from authoritarianism **30**

THE 30TH ANNIVERSARY OF SHANINKA

S. Zuev
"The space of Shaninka's experiment is outlined
by the energy of the original idea"
Interviewer O. Solodovnikova **55**

V. Radaev
"Shaninka was Teodore's personal project"
Interview about the creation of Shaninka
Interviewer I. Dudenkova **66**

E. Lenskaya
«The ability to accept someone else who is very different from you...»
Interviewer A. Turchik **79**

A. Aganbegyan
"...no CPSU here. Only a museum worker or a sociologist"
Interviewer I. Presnyakov **94**

T. Zaslavskaya
"... Most of all I would like to go to Shanin"
Fragments of letters by T. I. Zaslavskaya, 1992–1996
Preface and comments by T. Cherkashina **104**

T. Zaslavskaya
On Soviet Rural Sociology
Interviewer A. Nikulin **138**

ACADEMIC LIFE

A. Artamonov
The MSSES Library: the concept and its implementation **161**

A. Turchik
Shaninka — Pedagogy of Relationships
Alumni roundtable discussion featuring MSSES sociology faculty
graduates from various years **175**

BOOK REVIEWS, OVERVIEWS, ABSTRACTS

V. Fedorov	Plyusnin, Yu. Promysly rossijskoj provincii. Neformal'nye ekonomicheskie praktiki naseleniya. M., HSE, 2024.	**191**
S. Kozin, T. Zhidyaeva	Martynova, M. Yu., Tishkov, V. A. [i dr.] Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i nacional'noj politiki / Otv. red. M. Yu. Martynova. M.: IEA RAS, 2022	**195**
A. Teslya	Pavel, T. Zhizn' romana. Kratkaya istoriya zhanra / Per. s fr. O. Volchek pod red. S. Fokina. M.: Ad Marginem Press, 2025	**199**
V. Fedorov	Atnashev, T. Byurokratiya, ili Poryadok bez hozyaina. SPB, EU SPB, 2025	**207**
S. Kozin, R. Zakieva	Kolennikova, O. A. Social'nye problemy rabochej sily v sovremennoj Rossii. FCTAS RAS, 2024	**210**
D. Sushkov	Kal'tenbrunner, G-K. Elity. Vospitanie na sluchaj chrezvychajnoj situacii / Per. s nem. A. V. Chyornogo. M.: Silene Noctoflora, 2025	**214**
K. Nikulin	Posadskij, A. V., Bulgakov, A. O. Narodnaya armiya v Prihopyor'e: zelyonye i belye letom 1919-go goda. M.: Kvadriga, 2024	**218**
V. Fedorov	Pinchuk, O. Sboi i polomki. Etnograficheskoe issledovanie truda fabrichnyh rabochih. M., Hamovniki, 2021	**224**
T. Cherkashina	Kanunnikov, S. Hochu mashinu! Lichnyj avtomobil' v sovetskoj povsednevnosti (1917–1991). M.: NLO, 2025	**228**
S. Merl	Safronova, A. Blesk i nishcheta rossijskoj kooperacii. Kak narod priuchali k sovremennosti, 1860–1930 / Per. s fr. A. Safronovoj. M.: NLO, 2024 (Histoire des coopératives russes et soviétique (1860–1930). Moderniser Le Peuple (= Problematiques de traduction 34). Paris: Classique Garnier 2023)	**234**
M. Grigorenko	25 books about the research university	**245**

Социологические исследования

В. Г. Виноградский
О. Я. Виноградская

Недалеко от Москвы: феноменология пригородного фермерства[1]

Валерий Георгиевич Виноградский — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Выпускник МВШСЭН 1998 года. **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 84, корпус 9. **Электронная почта**: vgrape47@yandex.ru.

Ольга Яковлевна Виноградская — старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Выпускница МВШСЭН 1997 года **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 84, корпус 9. **Электронная почта**: vgrape58@yandex.ru.

Аннотация. Статья представляет собой попытку анализа и осмысления практик сельскохозяйственных производителей, работающих не в сельской российской глубинке, где размещено их статистическое большинство, а вблизи Москвы. Нас интересовала совокупная картина хозяйственных практик фермеров, работающих неподалеку от мегаполиса, их мотивационно-деятельностная энергетика и, в особенности, «архитектура» их самоорганизационных инициатив. Кратко говоря, мы пытались увидеть и осмыслить то, что можно назвать «феноменологией фермерства». Этот ракурс рассмотрения несколько отличается от популярного в современных научно-исследовательских акциях, посвященных фермерству и имеющих социально-экономическую ориентацию, подхода, нацеленного на организационно-экономические параметры фермерских судеб, как-то: роль государства в развитии КФХ, его господдержку в виде привлечения государственных и частных инвестиций, повышение конкурентоспособности фермерских хозяйств, способствующей развитию сельхозкооперации; создание системы переработки фермерской продукции, а также привлечения инвестиций за счёт создания аграрных экономических зон.

Отечественные и зарубежные исследователи, изучающие формы и практики самоорганизации сельского населения, как правило, рассматривают их через призму факторов, которые воздействуют на темпы, формы и качество социально-экономических преобразований, материальный облик и событийную динамику негородского жизненного пространства страны. К числу наиболее действенных факторов, которые влияют на реконструкцию социального пространства сельской местности и в целом на оптимизацию сельского мира, относят факторы управленческие, социально-экономические, инновационные, урбанистические, экологические и др. Авторы систематизируют основные

[1] Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХИГС

принципы исследования практик самоорганизации представителей фермерского сообщества, которые эмпирически проявляются в их региональной и предметно-деятельностной специфике. Эти принципы исторически складываются в некий genius loci («дух места», «гений локуса»), упакованный в рамки обычаев и определяющий институциональные механизмы выработки и принятия инициативных решений субъектами самоорганизации. Сформированные при этом практики сначала способствуют переходу на новую траекторию развития отдельных сегментов сельского социума (домохозяйств, фермерских объединений и т. п.), а затем и всех его базовых элементов, воплощённых в повседневности сельских «локальностей».

Ключевые слова: феноменология фермерства, практики самоорганизации пригородных фермеров, сельские сообщества, сельская повседневность, образ жизни.

Для цитирования: *Виноградский, В.Г., Виноградская, О.Я.* Недалеко от Москвы: феноменология пригородного фермерства // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 9–29.

«Далеко от Москвы» — название нашумевшего в свое время производственного романа о строительстве нефтепровода на Дальнем Востоке. Читательская память сохранила эпизод, связанный не с нефтью, а с сельским хозяйством. Глядя из нынешнего дня, мы понимаем, что в романе описан некий протовариант нынешнего фермерства. При этом времена перекликаются, сходясь и взаимодействуя.

Читаем отрывок:

> «...несколько ключей, расположенных ближе к деревне, колхозники накрыли деревянными коробами. Даровая горячая вода собиралась в деревянные же трубы и шла в парниковое хозяйство и на отопление домов. Под стеклянной крышей парников, словно выросшей из сугроба, было жарко, на длинных стеллажах буйно кустилась зелень: редиска, салат, огурцы, помидоры. У приезжих невольно заблестели глаза, они с удовольствием отведали свежих овощей.
>
> — Кругом стужа и снег, а тут лето, тропики! — восхищенно озирался Беридзе, аппетитно хрустя огурцом. — Волшебник ты, Иван Лукич!
>
> — Парниками мой папаша управляет, он у нас голова сельскому хозяйству, — отвел от себя похвалу Карпов... — Ребятишек и больных всю зиму кормим свежими овощами. Своим хватает, и соседним деревням продаём» [Ажаев, 1966, с. 450].

«Бывают странные сближения» (А. С. Пушкин). Социологически наблюдая хозяйственные практики фермеров, работающих не «далеко от Москвы», а рядом, в ближнем Подмосковье, мы во всю силу чувствуем похожее настроение самоорганизации, а также изобретательного и победительного производственного азарта, 78 лет назад замеченное писателем Василием Ажаевым.

Вводные замечания

Относительно феноменологического ракурса интерпретации сущего Э. Гуссерль фиксирует «первый методический принцип», суть которого он раскрывает следующим образом: «я... не могу высказывать или полагать значимым ни одного суждения, которое я не почерпнул бы из очевидности, из *опыта*, в котором соответствующие вещи и положения вещей присутствуют для меня как *они сами*» [Гуссерль, 2010, с. 26].

Что означает этот методический принцип применительно к нашей исследовательской проекции, обозначенной как «феноменология фермерства»?

Наиболее детально чувственно-органолептическую «биомеханику» феноменологического видения описал русский философ В. В. Бибихин: «Мы *хотим иметь дело просто с самой вещью, с энергией*, раз она и так уже нас задела. Не с концепцией, не с именем,

не с определением. Один из способов иметь дело с самой вещью — не упустить так называемого первого впечатления, „первого приближения“, первого взгляда — того первого взгляда, когда и мы взглянули на вещь, и вещь взглянула на нас: встреча с лицом вещи, пока мы ещё ничего не успели с ней сделать, не успели манипулировать ею, не начали „обработку“ впечатлений, данных, восприятий... Существо феноменологии — в доверии к этому первому лицу вещей, к тому, что открывается *внезапно*, что нас захватывает или вернее уже захватило *врасплох*, до того, как мы сообразим» [Бибихин, 2009, с. 16–17].

Такого рода познавательная ориентация, конечно, предполагает выбор особого исследовательского подхода. Им является качественная социологическая методология, а конкретнее — тот её фирменный инструментарий, который именуется «включённым наблюдением» (Participant observation). Это качественный метод социологического и этнографического исследования, позволяющий проводить полевое изучение жизнедеятельности индивидов в их естественной среде и в повседневных жизненных обстоятельствах, то есть это изучение социальной материи «изнутри».

Для авторов статьи доверие к «первому лицу вещей» — позиция привычная, давно освоенная. Это навык, которому они начали обучаться четверть века назад, оказавшись призванными в социологическую команду Теодора Шанина, организовавшего две крестьяноведческих экспедиции в семи сельских регионах России в начале 1990-х гг. Именно тогда авторы прибыли в дальние деревни, чтобы прожить там годы, и начали записывать семейные истории коренных сельских жителей и создавать картины социально-пространственной эволюции самих этих деревень. В течение продолжительных месяцев наше внимание было приковано именно к «вещам» — к подлинным «голосам снизу» [Виноградский, 2017], фиксируемым на диктофонную ленту. Результаты этой большой работы закреплены в монографии [Рефлексивное крестьяноведение..., 2002], вышедшей в свет при жизни Шанина (1930–2020), и в многочисленных статьях и книгах участников экспедиций. Созданная феноменологическая картина русской сельской повседневности оказалась достаточно впечатляющей, поскольку вещи деревенского существования наблюдались, что называется, в «упор».

Как справедливо пишет известный специалист по методологии социологических исследований И. Ф. Девятко, «преимущества включённого наблюдения связаны с возможностью уточнения и усовершенствования теоретических понятий в ходе непосредственного взаимодействия исследователя с описываемой им реальностью, что особенно существенно в том случае, когда сам исследователь исходно не принадлежит к изучаемой культуре или сообществу» [Девятко, 1998, с. 16].

Обдумывая замысел изучения феноменологии пригородного фермерства, в ходе полевой работы мы ощутили потребность в уточ-

нении самого теоретического понятия «включённое наблюдение», поняв, что мы в данном проекте не столько наблюдатели, сколько непосредственные участники повседневных фермерских занятий. Наиболее точным описанием нашей роли может послужить отглагольное существительное «включённость», ставшее для нас основным рабочим термином. Ведь мы не были просто наблюдателями. Живя в построенных на фермерских землях компактных домах, мы с утра до вечера занимались не столько сторонним наблюдением, сколько согласованной с хозяином простой крестьянской работой, в основном, каждодневным уходом за землёй — на пастбищном выгоне остро заточенными лезвиями лопат срезали туго прошитые сорной травой, неподатливые кочки, вырубали и вырезали секаторами ненужный колючий кустарник у ограды выгона, перетаскивали в хлев на корм коровам и овцам корзины с упавшими с ветвей яблоками, каждодневно привозимыми на ферму соседями-дачниками, покупавшими у фермера молоко и сыр. В перерывах работы (чаще всего, в час обеда и по вечерам) мы включали диктофоны и, задавая различные вопросы, расспрашивали фермеров о соображениях, из которых складывались их повседневные хозяйственные и социальные практики. Эти вещи мы видели ежедневно воочию и, по причине своей включённости в фермерские работы, имели возможность оценивать их на свой манер. В этих ситуациях нас занимала еще и фермерская рефлексия их трудов и дней и вырастающие на этой ткущейся ежедневно основе различные событийные феноменологические сгущения.

В чём смысл работы нынешних фермеров, в том числе и пригородных? Они на свой лад реализуют натуральный ресурсный потенциал сельского хозяйства. Именно сельское хозяйство призвано решать базовые проблемы первичного жизнеобеспечения (в основном, пропитания) населения. Известные русские поговорки «Хорошо живём — сыты, обуты, одеты», «Где бы ни жить, только бы сыту быть» лаконично указывают на те основы полноты органического существования человека, которые обеспечиваются агрикультурными практиками.

Так, в поэме Гесиода (VIII век до н. э.) «Труды и дни» многоаспектно изображённый аграрный технологический процесс античности позволяет убедиться, что само существо производительных сельских занятий совсем не изменилось за прошедшие три тысячи лет, за исключением того, что усовершенствовались технологические приёмы и появились новые, прежде небывалые орудия. Однако налицо и очевидная новизна. И она заключается в том, что некая часть сельских «трудов и дней», отличающаяся штучным и даже причудливым обликом (например, производство органических фруктов и овощей, цветов, пищевых полуфабрикатов, сублиматов и пр.), начинает мало-помалу, но неостановимо и уже «в промышленных масштабах» перемещаться из традиционно предназначенных для земледелия

полевых просторов в компактные пригородные пространства и даже в сами городские кварталы. Возникает вопрос: останется ли надёжно выполнимой в данной ситуации древняя жизнеобеспечивающая задача сельских «трудов и дней»?

И совсем не случайно наиболее типичные, часто поднимаемые проблемы, находящиеся в центре нынешнего исследовательского дискурса, касающегося данной предметной области, связаны с потенциальными возможностями и перспективами развития как пригородного, так и городского сельского хозяйства. Поэтому всё больше исследователей по всему миру приходят к пониманию необходимости рассмотрения в единой связке продовольственных стратегий городов и окружающих их местных сообществ с целью достижения устойчивого и качественного питания населения в целом [Dwiartama, 2016]. Устойчивость таких сложных продовольственных систем вместе с тем определяется и целым рядом внешних динамичных факторов: например, экстремальными погодными условиями или рыночной конъюнктурой.

Такие подходы важны, поскольку они образуют исходный, прагматический аспект анализа практик ведения пригородного и городского сельского производства. Несомненно, этот проблемный срез выступает в качестве базового, первичного, поскольку именно здесь, на уровне насущных жизненных интересов людей, начинается реальное, эмпирически наблюдаемое движение к новому очертанию «трудов и дней», — к постепенному дополнению рутинных технологий производства продовольствия новыми формами получения продукции, прежде всего органической. В процессе такого движения уже достигнуты определённые результаты.

С связи с этим важно обратить внимание на наиболее приемлемые и рациональные формы ведения пригородного и городского сельского хозяйства. Дело в том, что продукция как обычного, привязанного к почве, так и инновационного, построенного уже на принципах Zero Farming — «обезземеленного» сельхозпроизводства, расположенного в закрытых помещениях горизонтального или вертикального типа с использованием интенсивных гидропонных, аэропонных и аквапонных установок замкнутого цикла, относительно «малотоннажна», если сравнивать её с традиционными технологическими схемами крупномасштабного сельскохозяйственного производства. То есть на стадии готовности, «на выходе» можно наблюдать сравнительно небольшие партии товара, в основном, овощей, фруктов, цветов, а из продуктов переработки — варенья, разнообразных овощных солений, сублимированных ягод, фруктовых порошков, упакованного мёда и т. п.

Судя по нашим экспедиционным наблюдениям, указанные «штучные» технологии изобретательно и интенсивно развиваются теми людьми, которые сознательно привержены идеалам органического земледелия и, как сами они выражаются, «сберегающего при-

родопользования». При этом существенно, что наиболее типичные зоны дислокации подобных хозяйств — это городские окраины и ближайшие пригородные окрестности в диапазоне от 15 до 30 км от центров городов.

В пользу выбора производства «органики» говорят два главных фактора: 1) возможность получить в собственность компактный участок земли размером в несколько гектаров, где размещается жильё и помещения для переработки продукции, а также 2) удобная транспортная связанность с городскими потребителями (как правило, это хорошо знакомая, постоянная и проверенная клиентура) и, что не менее важно, с общедоступными городскими местами продажи (рынками, палатками, павильонами, торговыми рядами и т. п.).

Что же представляет собой феноменология фермерства ближнего Подмосковья? Его акторы не крестьяне, а горожане с хорошим образованием, имеющие солидный опыт работы либо в крупных сельскохозяйственных институциях (нередко зарубежных), либо в иных бизнес-отраслях (транспортных, торговых и т. п.). Они обладают знаниями в сфере отраслевой экономики, менеджмента и знакомы с соответствующим юридическими механизмами. Переход в пригородную агросферу для такого рода людей — это вопрос энергичной перекройки собственного жизненного проекта, позволяющей всё «начать с нуля» и самостоятельно выстроить собственный перспективный бизнес.

Труды и дни подмосковного фермера

Владимир, создавший молочную ферму в одном из посёлков Коломенского района Московской области, начал рассказ о своем переходе в пригородное сельское хозяйство именно с саморефлексии по поводу собственной нетипичности. Цитируем и комментируем избранные места из расшифровки интервью с ним, записанное нами в 2019 г.

Владимир: «*Нужно с самого начала сказать, что я, скорее всего, не совсем правильный представитель того слоя пригородных сельских хозяев, который вас интересует. Дело в том, что я в этом перспективном бизнесе — новичок.*

Вот, всё, что вы видите — дом, коровник, курятник, камера для выдержки сыра, загоны для коров, коз, овец, маралов, доильный цех — всё это недавнее, новое, не унаследованное, как это обычно бывает, от сгинувших колхозов. Я своим хозяйством занимаюсь всего-то ничего — четыре года. А до этого здесь было пустое поле, бурьян, кочки. Как я к этому пришёл? Да просто захотелось стать себе хозяином!

До этого я работал в одной американской компании. На нормальной должности, на хорошей зарплате. Почему оттуда ушёл? Потому что рано или поздно возникает ощущение, что тебя мощная

невидимая рука жмёт и давит. Мне один умный дядька красочно объяснил моё положение. „Ты, Володя, — он говорил, — как половинка апельсина на роторной соковыжималке. И эта соковыжималка с каждым годом вращается всё быстрее и быстрее. И когда от тебя остается одна корка, тебя просто выбрасывают в мусорный контейнер...“

У меня это произошло 4 года назад. То есть я стал этой „коркой“ в 35 лет. Сейчас мне 39 лет. И я решился — купил землю, построил ферму. Всё это — за четыре года. Сейчас я занимаюсь тем, что можно назвать красивым словосочетанием organic food. Скорее всего, так. Но не совсем. У меня здесь сложился определённый формат. Вот, есть „семейный доктор“, а я, можно сказать, „семейный молочник“. Я не вожу молоко по магазинам, я продаю его своим людям. У меня есть отработанные клиенты в Москве и в Коломне, порядка сорока человек. И я в этих „своих людях“ живу, собственно говоря.

В отношении сбыта, реализации могу что ещё сказать — нас в определённой степени спасает наша близость к Москве. Я не устаю повторять: что город — это 12 млн голодных ртов в 80 км от нас. Вот это нас спасает. И чем ближе к Москве, тем лучше ситуация у людей, которые занимаются, в частности, как я, молоком. Я лично знаю кое-кого из Одинцова, которые умудряются молоко по 200 руб. за литр продавать. От Москвы — 30 км. Можно сказать, что с каждым километром от Москвы цена на молоко на один рубль убавляется. Вот, ребята приезжали из Чебоксар (650 км. от Москвы) и говорили, что у них и за 20 руб. за литр молоко никому не нужно.

Я начинал с 5 коров, сейчас у меня 10 дойных коров, немеряное козье стадо, которое само по себе живет. Я коз считаю, только когда ветеринары приезжают. Я предполагал, что у меня коз голов 45–50. Они приехали, говорят: „Шестьдесят пять“. Так что я ошибся немножко...»

В ходе интервьюирования понемногу начинает вырисовываться некий общий образ хозяйственных практик этого пригородного фермера. Его производительные акции рациональны, а их внутренние импульсы, вызванные увлечённостью работой с живыми существами, связаны с радикальным пересмотром собственных структур деятельностных интересов. Кроме коров и коз, Владимир держит маралов, перепёлок, цесарок и бройлеров. И вся эта продукция находит своего, в основном столичного, покупателя.

В процессе интервью была задана серия вопросов, нацеленных на выяснение перспектив развития данного типа пригородного хозяйства. Насколько выгоден и устойчив во времени его мясомолочный бизнес, рассчитанный на платежеспособных потребителей?

Владимир: «*Надо сказать, что при достаточно больших доходах, у меня имеют место очень большие расходы. Я, кроме обеспечения своей семьи, мало в чем могу по-настоящему развернуться.*

То, что я каждодневно делаю, это вот что: своим продуктом семью обеспечиваю, квартиру оплачиваю, а также мелкие текущие расходы. Но чтобы сказать о том, что налицо какое-то развитие, то развития у меня практически нет. А почему? Потому что такова природа моего бизнеса. Вот, мне постоянно предлагают: „Возьми кредит, возьми кредит“. Но животноводство, всё-таки, в отличие от растениеводства, — специфическая затея. Я не имею возможности, предположим, взять кредит под урожай, который надо собрать, продать, и кредит вернуть. У меня деньги всегда очень длинные. Верно, что у меня доходы устойчивые и постоянные, но и расходы постоянные. У меня сейчас заняты в моем хозяйстве два рабочих узбека, они по патенту работают. каждый из них мне обходится в среднем по 30 тыс. руб. Зарплата — 20 тыс. руб., патент 5 тыс., плюс по желанию еда и прочее. Каждый обходится где-то в районе 30 тыс. руб. И я в принципе доволен...»

В дальнейшей беседе с этим, типичным для столичного региона, пригородным фермером, обнаружились весьма интересные обстоятельства, касающиеся существования буквально по соседству с ним неких гомогенных хозяйственных структур, способствующих, во-первых, экономическому укреплению относительно автономных производственных институций (подобных той, что создана Владимиром), и, во-вторых, возникновению контура новых сетевых социально-экономических связей, позволяющих не только осознать такое фермерство в качестве комплементарного, взаимодополняющего сообщества, но и выстроить разноцветный, сельско-рекреационный, и, отчасти, туристическо-гастрономический мир.

Конечно, эта специфика свойственна регионам с плотной заселенностью, поскольку порождающий импульс данного процесса обусловлен наличием гравитационного поля столицы — мегалополиса, спектр потребительских желаний жителей которого широк и разнообразен.

Владимир: «*У меня имеется уже сложившийся круг клиентов. И мне помощь особенно не нужна. Но мы, фермеры и особенно заводчики, — мы всё равно здесь между собой постоянно общаемся. Здесь ребята интересные есть, они держат табун красивых лошадей. У них имеется конный завод. Они чувствуют потребности горожан и разводят породистых лошадей, чтобы организовать прокат коняшек для московской публики с детьми. Плюс к этому у них есть уютная кафешка. Они часто организуют праздники, свадьбы, корпоративы и прочее. Эти ребята у меня очень много покупают как раз вот этих моих редких сыров, берут у меня мясные деликатесы. Ведь мы успешно колбасу делаем, готовим различные крупнокусковые полуфабрикаты для грилей и мангалов. И мы с ними достаточно плотно общаемся*

и дружим. Мне очень нравится с ними работать в плане того, что я чувствую в них постоянство по части спроса. То есть они раз в неделю приезжают, тысяч на сорок берут и, как говорится, слава Богу. Они от меня недалеко, буквально километр. Как с ними познакомились? Они приехали, сыр попробовали, колбаску, и вот уже без них я не мыслю своего хозяйства.

Я им сено постоянно продаю для лошадей. Мы стараемся друг другу помогать. Тут без взаимопомощи вообще ничего не получается. У меня на связи здесь есть ребята, они картошкой занимаются. Буквально в 500-х метрах от меня — их ангар. Ещё одно овощехранилище у них в Коломенском. Они сейчас картошку копают. А мы зимой им снег чистим вокруг этих хранилищ — трактора с навесной лопатой и метлой есть у нас.

А они нам, соответственно, с переборки картошку отдают — весь брак и всю пересортицу. На корм моим коровкам. Я ими доволен, и они довольны. Они довольны, что им не надо грузить, вывозить, выбрасывать, а я доволен, что мне есть чем мою скотину вдоволь кормить...»

Этот сетевой обменно-сбытовой сюжет, возникший в процессе интервьюирования, имел важное в торгово-экономическом отношении развитие. Дело в том, что для продуктивных пригородных хозяйств, находящихся в зоне влияния крупных городов (в частности, Москвы), особой заботой оказываются организационно-технологические схемы и условия поставок крупных партий продукции в сетевую торговлю. Приведём расшифровку соответствующего исследовательского кейса:

Владимир: «*Вот что постоянно случается у моих соседей, картофелеводов братьев Б. Они выращивают стандартную обычную картошку, которую продают по 10 руб. Я им говорю: „Ребята, знаете, есть в природе фиолетовая картошка. Это — годная тема. Она идет по 100 руб. за кг“. Они говорят: „А сколько ты этой картошки продашь? Ну, даст бог, тонн сто. А у нас в хранилище лежит аж 7 тыс. т. картошки...“*

И тогда они пошли по другому пути, — по линии повышения товарного качества продукта. И хоть у них пока что не дорогая фиолетовая картошка, но у них — дешёвые переборщики. Они нанимают их из посёлка. Местные тётки картошку перебирают. И эти тётки буквально готовы повеситься, когда им приходится работать по так называемой „baby-картошке“. Ведь эти братья выращивают мелкую картошку, — она размером с перепелиное яйцо, её перебирают, сортируют и продают в рестораны. Там хорошо её берут... Но штука в том, что они торгуют картошкой не напрямую, — у них посредники фурами забирают и, соответственно, по ресторанам развозят. И она стоит уже не 10 руб., а 30 руб. за кг.

Тема интересная, хорошая, но сбыт этой продукции очень проблемный. Они рассказывают — у них заказали этой „baby-картошки“ аж 40 т.! Тётки-переборщицы обплевались, её сортируя. Ну, вот, набрали они эти 40 т. Отправляют в Москву. А им — возврат. Дескать, она недостаточно оранжево-жёлтая при обжарке во фритюре.

Куда девать её? Они мне ссыпали, за бесценок. Ну, у меня-то коровы ой как счастливы, — 40 т. мелкой картошки сожрали с удовольствием. А у них-то, у братьев, форменная трагедийная ночь! Как так? Считаем: 40 т. на 30 руб. умножить — они ведь на млн попали. Я-то думаю, что проблема была не в том, что она была недостаточно привлекательная в обжарке. Ресторанщики, скорее всего, нашли такую же картошку, но по 25 руб. И все дела!

У сетевых московских маркетов есть возможность капризничать. Как действуют сети? Они приезжают, смотрят — вроде, идеальная картошка. И вот они начинают её вдоль и поперёк разгребать, щупать, резать, искать дефекты и прочее. Говорят, что, мол, температура не та при приёмке и прочее. В итоге — возврат. Сети, когда принять не хотят, они находят причину, а поставщик, когда не может отправить качественную продукцию, отправляет всякую дрянь. Идиотизм полнейший. И мы идём пока по пути этого идиотизма. Я очень доволен, что с сетями никоим образом не связан.

Мне неинтересны сети своими объёмами, своим непостоянством и всякими выкрутасами. Наш путь — это, как я уже говорил, „семейный молочник“. Но этот самый „молочник“ должен быть информационно раскручен гораздо шире. То есть известен и знаком не только моим 40–50-и постоянным покупателям, а многим людям...»

Вот оно, — лукавое лицо торгово-экономических отношений! Этот производитель мясомолочной продукции точно чувствует конъюнктуру рынка пригородного органического продовольствия, а также понимает животворную необходимость выстраивания соответствующего информационно-медийного пространства.

Владимир: «На моей памяти уже раза три пытались сделать какой-то онлайн-сервис работы пригородных фермеров, через мобильное приложение. Было очень неплохое мобильное приложение, оно называлось „На рынок“. Ну, дальше того, что его инструментально создали, дело не пошло, потому что не раскрутили.

Потому что это сложно. Я сейчас пока только через „Одноклассников“ засвечиваюсь со своей продукцией. Но, судя по всему, надо выходить дальше. В плане того, что размещаешь там всякую фактологическую мелкоту. Взял и пошёл по ферме снимать всё подряд: вот коровы, вот козы, вот бараны, вот свинья ест, вот цесарки пасутся, вот сыр вызревает... Люди от этого тащатся. И я снимал это, выкладывал в сеть. И даже в „Одноклассниках“, которые, как мне сын

говорит, созданы специально для старых..., там лайков на эти мои видео сразу за 1000, буквально на каждое видео.

Поэтому необходим сетевой ресурс ещё круче. Например, зашёл в телефон, посмотрел, — о, прикольно! — лайк поставил, всё это мигом разлетается. А на тебя работает, что называется, „сарафанная реклама“.

Конечно, очень хорошее было приложение „На рынок“. То есть ты, допустим, забиваешь такую информацию: я — фермер, производжу то-то, по таким-то ценам, нахожусь там-то — ставлю свою геолокацию. Человек, которому интересно это показалось, едет на свою дачу. И я ему по дороге. И он думает: „Да, мне там интересно купить, предположим, творог или картошку“. Он забивает: „Хочу купить картошку в Коломенском районе“. И ему сразу выдаётся несколько точек. Но это приложение почему-то не раскрутили.

Надо каким-то образом, я точно не знаю каким, рекламировать нашу работу. Надо, чтобы через те же социальные сети, чтобы туда кто-то просто заходил и смотрел, потому что эта простейшая процедура исключает как раз эту пресловутую перекупку.

Вполне возможно, что вот этот формат, который типа „На рынок“, либо даже с какой-то доставкой, он осуществим. Но, опять, насколько это для нас удобно или неудобно? Предположим, для меня это удобно. Ведь я здесь, на ферме, постоянно не живу, я живу в городе. Я поехал домой, и по пути завёз несколько заказов. И мне это удобно.

А если человек живёт в деревне, насколько было бы ему это удобно? Здесь надо бы какое-то другое приложение разработать. Суть его такова — деревенскому хозяину кинули заказы, он посчитал и пишет: „Я к вам приеду тогда-то и в такое-то время“. Приехал, отдал продукцию, получил деньги (перевели на карту). Он эти деньги получил, и вроде как все счастливы.

Людям, по моим наблюдениям, становится удобным, чтобы всякий раз купить питание, лезть в телефоны. Достал из кармана, посмотрел. Я вот поэтому и говорю, что нам позарез нужны какие-то соцсети. Ведь там люди проводят много времени. Сейчас есть смысл создавать сайты... Ну, предположим, создать сайт моей фермы — молочная, козья и какая там ещё продукция? И хоть на продвижение ты потратишь много денег, но это стоит того. Это ведь — соцсети! Это тренд.

Я просто хочу сказать, что эти блоги все, которые на сайтах, они просто для зарабатывания на рекламе денег. Они на рекламе деньги зарабатывают, а не на продажах. А здесь именно вот по таким „сарафанным радио“ идет распространение.

В прошлом году мой племянник ходил по ферме, снимал на видео и в ВК сюжеты небольшие выкладывал. И чуть погодя продажи попёрли, покупатели по этой видеонаводке стали приезжать. Но потом эти моменты несколько погасли. Надо это снова продвигать. Надо

просто мне самому этим заниматься, просто ходить с камерой или с телефоном и снимать, и рассказывать, потому что здесь, на ферме моей, есть кого и что снимать...»

Освещая феноменологию практик ведения пригородного сельского хозяйства, нельзя упустить вопрос о состоянии *бизнес-сознания*, основанного на богатом производственном багаже нашего околостоличного фермера. Записанные в ходе интервью рассказы о масштабах и деталях его предпринимательского опыта ведения пригородного сельского хозяйства, а также его советы, касающиеся возможностей развития агробизнеса, могут оказаться весьма полезными для начинающих производителей, хозяйства которых территориально расположены далеко от Москвы, в «сельской глубинке», в периферийных местностях России.

Владимир: «*Если говорить о своём опыте, то он в основном позитивный. В начале у меня была возможность раскрутить дело, у меня был начальный капитал. Я получил грант как начинающий фермер, — полтора миллиона. Тем ребятам, у кого нет начального капитала, это сделать очень тяжело. Но вполне возможно.*

Правда то, что работать недалеко от столицы несколько легче и выгодней — потенциальных покупателей тьма! Но если взять вот эти дальние подступы к Москве — Оренбург, Саратов, Волгоград, Самару и прочие местности?.. Там ведь всё равно ребята работают, и они всё равно какие-то возможности выискивают. Просто здесь важно понимать, что, если ты хочешь зарабатывать, то торгуй с Москвой. Но торгуй с Москвой так, чтобы тебе было интересно.

Смотрите: Волгоград, Саратов, Оренбург — это великолепная пастбищная баранина. Ребята, это мясо сейчас очень востребовано. Ну, займитесь этим! С вашими-то степями это можно чуть ли не задарма делать!

Мне могут сказать: „О, — а где же я денег возьму, чтоб баранов этих купить?“

А ты не торопись. Ну, хорошо, начни ты не со стада в 1000 баранов, а со стада в 100 или в 50. Ты начни, потому что, если сидеть на печке, ты никогда вперёд не пойдёшь, никогда не начнёшь.

Я в свое время вляпался, у меня транспортный бизнес был, я в нём какие-то деньги заработал, ещё что-то. Но у меня это дело не пошло. И я пошёл дальше, к следующему. И я поначалу думал, что вот с этим, с молоком и сыром, мне труднее, наверное, будет. И надо будет это бросить и пойти к следующему.

Но я не хочу сейчас пойти к следующему, меня здесь всё устраивает. И, как это ни странно прозвучит, — мы повышаем не рентабельность хозяйства. Мы расширяем ассортимент. Москвичам нужны различные качественные продукты. Люди приезжают за молоком

и сыром, спрашивают есть ли у нас куриные яйца? И мы кур заводим. А перепелиные яйца есть у вас? Мы перепелов завели.

Птицей начали заниматься. Пока что немного её. У нас цесарки, перепёлки и куры в основном. Мы ориентируемся на спрос, танцуем от него. Я и баранов купил тоже, потому что у меня спрос был на баранов. И я мигом купил баранов. Вот был момент, — я их прямо тут, живьем продавал. Ну, весной празднуют Ураза-байрам, летом Курбан-байрам — по 500 руб. баранина разлетается».

Один из вопросов интервью был нацелен на выяснение перспектив развития, наиболее целесообразных в ареалах, расположенных вблизи мегалополисов.

Интервьюер: «*Владимир, а как Вы, видите будущее вашего хозяйства вообще в той же самой Московский области? Каково сельскохозяйственное будущее этой местности, — и не чисто сельской, но и не городской?*»

Владимир: «*Я вам могу сказать, что я много думал об этом. У меня мысль какая? Ведь, если подумать на перспективу, то очевидно, что по большей части мы не совсем готовы обеспечивать ежедневные потребности всей Москвы. Мы просто физически не потянем этот вопрос».*

Внимание — туманно засветилось будущее! В воображении фермера вдруг появляются новые лица вещей. Возникают в мыслях новые, пока что лишь предчувствуемые феноменологические сгущения, причём фермерство сохраняется как базовая платформа.

Владимир: «*А перспективу свою я вижу в развитии смежной области. Я раз от разу убеждаюсь, что сейчас очень активно развивается агротуризм. Мы, вот, тоже с братом недавно сидели, размышляли по поводу агротуризма. Я не хочу, честно говоря, укрупнять своё нынешнее производство.*

Ведь в моём положении есть два пути развития: либо ты занимаешься производством, либо ты занимаешься агротуризмом. Совмещать их практически невозможно. Если ты занимаешься агротуризмом, ты должен постоянно быть отвлечён на приезжающих людей. Тогда у тебя нет времени на производство. Вот, как вариант, нужен специальный человек. Я хочу сейчас найти такого. Но чтоб он не был чужой, чуждый этому моему хозяйству со всеми его, так сказать, „изгибами“ ... Вот, у меня дочке 10 лет, правда, она маленькая ещё, но скоро подрастет, может быть, она и займется агротуризмом. Ведь тут именно с людьми надо разговаривать, людям надо показывать, объяснять, увлекать. Я это могу сделать, но, если я это буду делать сам, то производство встанет. А туристы всегда хотят не только

поглядеть на животных, на процесс производства, но и купить свежую продукцию. А её качество зависит от того, насколько с любовью ты её производишь... Вот такие получаются мои перспективы...»

Таковы основные впечатления, полученные нами в режиме продлившейся в течение трёх августовских недель 2019 г. включённости в хозяйственные практики пригородного фермера, сосредоточенного в данный момент на молочном животноводстве и птицеводстве.

При изучении тех региональных кейсов пригородного сельского хозяйства, которые можно наблюдать в зонах притяжения городов-мегаполисов, обращают на себя внимание два не совсем обычных и, безусловно, побуждающих к дальнейшему анализу, момента.

Во-первых, это довольно экзотическое «меню» тех сельскохозяйственных акций, которыми заняты пригородные фермеры сейчас и особенно теми, которые планируются ими на перспективу. Хозяева подобного рода пригородных сельхозинституций, что называются, «горазды на выдумку». Это их человеческое качество в немалой степени обусловлено, как нам кажется, их нестандартным (относительно их нынешних занятий) образованием. Так, Владимир («молочник») учился на электроэнергетика промышленных предприятий, и только потом получил зоотехническое образование. Эти неожиданные и весьма существенные обстоятельства обусловливают, скорее всего, тот дополнительный запас широты взгляда на мир, который дает им возможность достаточно быстро и точно реагировать на рисунок современной событийности, в том числе на динамично меняющиеся запросы городских покупателей. Своеобразная, очевидно неполная «параллельность» их базовой образовательной культуры их нынешним, фермерско-природопользовательским акциям помогает им фантазировать, творчески создавать и реализовывать оригинальные проекты их нынешних и будущих занятий.

Во-вторых, сама тональность, смысловое настроение расшифрованных интервью со зрелым, вполне самостоятельным предпринимателем, создает устойчивое впечатление о том, что буквально на наших глазах формируется, создаётся и проходит стадию убедительности тот, несомненно, новый нарратив, который по его нацеленности и темпераменту резко отличается от уже хорошо знакомых по публикациям социологов [Виноградский, Виноградская, 2022] повествований завзятых фермеров «первого призыва», появившихся на развалинах советских колхозов и озабоченных лишь стандартными показателями продуктивности полей, ростом удоев и уровнем яйценоскости птицы.

Это, на первый взгляд, эфемерное, «стилистического» свойства, обстоятельство не осталось не отрефлексированным нашими подмосковными информантами, что дополнительно свидетельствует об их обострённой наблюдательности и изощрённом социально-

культурном чутье. Так, фермер Владимир высказался на этот счет следующим образом:

Владимир: «...*Я фермеров делю на две группы. Первое — это фермеры из девяностых годов. Это те, которые не хотят говорить, не умеют говорить, никого к себе не пускают, везде бурчат, брюзжат, и всем-то они недовольны. И развиваться не особо хотят. А вторая половина — это горожане, различные офисные сотрудники или ещё кто-то им подобный, кто из города или откуда-то ещё переехал в деревню и занялся фермерством. Вот они — более активные, они пытаются везде продвинуться. Они больше всего говорят, пишут в интернете. Они креативные, выдумщики. И я, по сути, наверное, из таких...*»

Какие же свойства характерны для подобного нового (а точнее говоря, модернизированного, обновлённого, но уже настроенчески знакомого нам по устным историям раскулаченных в 1929–1930 гг. единоличных крестьян, записанным в ходе легендарной полевой экспедиции Шанина начала 1990-х гг. [Голоса крестьян..., 1996]) нарратива? Какой человеческий мир встаёт за обстоятельными речевыми конструкциями этих пригородных фермеров?

Наиболее краткая формула ответа вполне может быть следующей: перед нами — дискурс пассионарности. Партитура записанных интервью наполнена интонациями азарта и воодушевления. И это выразительно свидетельствует, что подобного сорта люди наделены свойствами пассионарности. А *пассионарность*, по Л.Н. Гумилеву, «это характерологическая доминанта; это непреоборимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели...» [Гумилев, 2008, с. 48]. В нарративах наших собеседников такого рода одержимость буквально фонтанирует.

Владимир («семейный молочник»), несколько раз в ходе интервью возвращался к описанию своего собственного производственно-хозяйственного настроения:

Владимир: «*Мне с коровами интересно. Я всегда говорю о том, что животные более благодарные твари, чем люди. А вот люди, действительно, бывают как твари!*

Вот, вы спросили вчера, насколько я привязан к своему хозяйству? Как знать! Я сейчас могу сесть в машину и поехать какие-то дела на стороне решать. Могу спать, отдыхать или ещё что-то.

Ведь у меня брат остался здесь, на хозяйстве, я знаю... Но даже если его не будет, я знаю о том, что мои два узбека со всеми делами управятся. Но кто их направит? Кто научит? Кто им будет зарплату платить? Вот в чём беда! То есть я не могу уехать надолго. Могу ли я уехать отдыхать или ещё что-то? Конечно, могу! Но говорить

о том, что я свободен? Нет, я не свободен. Не крепостное право, конечно! Я по ногам, по рукам связан делами, но я свободен внутренне. Я знаю о том, что здесь для меня — это занятие любимым делом. А нет ничего лучше, чем когда твоё хобби тебе ещё какие-то деньги, ну, пускай, небольшие, приносит. И не столько деньги, а, по крайней мере, смысл к существованию даёт».

Таковы отдельные, фрагментарно изложенные примеры, характеризующие жизненное настроение работников околостоличных фермерских институций. Бросается в глаза заметная интенсивность, мало того — даже «кипучесть» их как хозяйственно-экономического, так и социально-культурного функционирования.

Вчитываясь/вслушиваясь в записанные в ближайших окрестностях Москвы рассказы пригородных фермеров, убеждаешься: любая из приведённых выше характеристик подлинного события может быть в полной мере отнесена к тем структурам повседневности, которые хотя и не были детально спроектированы этими акторами заранее, но каким-то волшебным образом появились своевольно, органически и чаще всего, — моментально, вдруг. Формы и обстоятельства подобного рода хозяйствования возникают именно в безостановочном деятельном движении, в исполненном пассионарности процессе «захвата вещей, пространств и времён».

Таковы, как нам представляется, характерные особенности ведения пригородного сельскохозяйственного производства, находящегося в «гравитационном поле» столицы и ориентированного на потребительские интересы жителей мегаполиса.

Заключение

Осуществлённое нами экспедиционное, буквально контактное, включённое экономико-социологическое исследование пригородного сельского хозяйства позволяет сформулировать ряд выводов, касающихся специфического профиля подобного рода институций. Каковы они, рассмотренные в их *базовой событийной определённости*?

Во-первых, само их возникновение продиктовано не столько соображениями жизненной необходимости или даже вынужденности (как это сплошь и рядом можно видеть, изучая нынешние хозяйственные практики «периферийных» фермеров, появившихся в экономическом пространстве на руинах колхозно-совхозных производственных структур), сколько осознанием (точнее говоря, *ощущением*, которое сродни предсознательному чутью) захватывающей возможности реализовать собственный *бытийный проект*, экзистенциально-метафизические начала которого до поры внутренне вызревали в сплетении жизненных

перемен и вдруг разом обрели реальную пространственно-вещную опору, стали вещами.

Этот вывод правомерен ещё и потому, что представители этого фермерского отряда, как правило, — носители специализированных знаний. Они же — обладатели таких профессий, которые вполне позволяют им выстроить достойную и рентабельную городскую карьеру. Однако statu nascendi их фермерских устремлений и хозяйственных практик — вовсе не статусные амбиции и не карьерная прагматика, не элементарное желание заработать, а (и лучше выразиться невозможно!) — «смутное влеченье чего-то жаждущей души» (А. Пушкин). Эта, по сути, метафизическая настроенность довольно отчетливо слышится в размышлениях наших респондентов.

Во-вторых, факт преимущественно пригородной дислоцированности подобных институций нельзя назвать случайным; «соседственность» города обеспечивает поддержание в режиме функциональной бесперебойности системы социально-экономических отношений — того пучка, снопа связей, по отдельным колоскам которого идут жизненно-необходимые (финансовые, экономические, социально-культурные, образовательные, технологические и т. п.) импульсы, позволяющие актору такой системы ни на минуту не покидать поле инноваций, быстро реагировать на рыночную конъюнктуру и предугадывать динамику потребительских настроений.

В-третьих, как уже ранее отмечалось, именно пригородным фермерам присуща особая тональность их нарративов — тот дискурс пассионарности, который буквально захватывает и эмоционально соблазняет как профессионально-ориентированного исследователя, так и случайного, ситуативного собеседника (покупателя, посетителя, аграрного туриста).

И этот настрой, пожалуй, основное, что инструментально-практически унаследовано нынешними пригородными фермерами из запаса тех тяжких, но поистине животворных и самодостаточных жизненных опытов корневого русского крестьянства [Виноградский, 2017]. Получается, что социальное время, являясь «пространством человеческого развития» (К. Маркс), закольцовывается, возвращаясь и вновь по-своему разворачиваясь. Координаты подлинного, испытанного крестьянского мира удивительным образом начинают прорезаться в круге актуальных фермерских забот и затаённо настраивать перспективы самоорганизационного обновления урбанистического жизненного пространства.

Поэтому «метафизика фермерства» — это, как нам думается, плодотворный проблемный ориентир для новых исследовательских опытов в социологии села.

Литература

1. *Ажаев В.Н.* Далеко от Москвы. М.: Известия, 1966.
2. *Бибихин В.В.* Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.
3. *Виноградский В.Г.* «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности / Валерий Виноградский. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017.
4. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я.* Фермерство: перемена поколений // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 92–100. DOI 10.31857/S013216250020154-2
5. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Моск. высш. шк. социал. и экон. наук; [Сост. и обраб. Е.М. Ковалев]. М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Лев Гумилев. — М.: Айрис-пресс, 2008.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2010.
8. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1998.
9. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред.: Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова // Авт. коллектив: Скотт Дж., Шанин Т., Фадеева О., Никулин А., Данилов В., Гордон А., Виноградский В., Виноградская О., Мореханова М., Штейнберг И., Ковалева Л., Линднер П., Ковалев Е., Рыженков М., Радаев В., Маилян А., Ястребинская Г., Мякиньков С. М.: РОССПЭН (Рос. полит. энцикл.), 2002
10. Dwiartama A., Piatti C. Assembling local, assembling food security. *Agriculture and Human Values*. 2016. Vol. 33. No. 1. P. 153–164. DOI: 10.1007/s10460-015-9624-9

V. Vinogradsky
O. Vinogradskaya

Not Far from Moscow: Phenomenology of Suburban Farming[2]

Valery G. Vinogradsky — Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Center for Agricultural Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. **E-mail:** vgrape47@yandex.ru.

Olga Ya. Vinogradskaya — Senior Researcher, Center for Agricultural Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. **E-mail:** vgrape58@yandex.ru.

Abstract: The article contains an attempt to analyze and understand the practices of agricultural producers working not in the rural Russian hinterland, where their statistical majority is located, but near Moscow. We were interested in the overall picture of the economic practices of farmers working near the metropolis, their motivational and activity energy and, in particular, the "architecture" of their self-organization initiatives. In short, we tried to see and understand what can be called the "phenomenology of farming". This angle of consideration is somewhat different from the approach popular in modern research campaigns dedicated to farming and having a socio-economic orientation, aimed at the organizational and economic parameters of farmers' destinies, such as: the role of the state in the development of peasant farms, its state support in the form of attracting public and private investment, increasing the competitiveness of farms, contributing to the development of agricultural cooperation; creation of a system for processing farm products, as well as attracting investment through the creation of agricultural economic zones.

Domestic and foreign researchers studying the forms and practices of self-organization of the rural population, as a rule, consider them through the prism of factors that affect the pace, forms and quality of socio-economic transformations, the material appearance and event dynamics of the country's non-urban living space. The most effective factors that influence the reconstruction of the social space of rural areas and, in general, the optimization of the rural world include managerial, socio-economic, innovative, urban, environmental, etc. The authors systematize the basic principles of studying the practices of self-organization of representatives of the farming community, which are empirically manifested in their regional and subject-activity specificity. These principles historically develop into a certain genius loci ("spirit of the place", "genius of the locus"), packaged within the framework of customs and determining the institutional mechanisms for the development and adoption of proactive decisions by the subjects of self-organization. The practices formed in this way first facilitate the transition to a new development trajectory of individual segments of rural society (households, farmer associations, etc.), and then of all its basic elements embodied in the everyday life of rural "localities".

Keywords: phenomenology of farming; self-organization practices of suburban farmers; rural communities; rural everyday life; lifestyle.

[2] The article was prepared as part of the research work of the state assignment of RANEPA.

References

1. Azhaev V. N. (1966). *Daleko ot Moskvy.* [Far from Moscow.] Moscow: Izvestiya. (In Russ.)
2. Bibikhin V. V. (2009). *Energiya.* [Energy.] Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. (In Russ.)
3. Devyatko I. F. *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya*. [Methods of sociological research.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 1998. (In Russ.)
4. Dwiartama A., Piatti C. (2016). Assembling local, assembling food security. *Agriculture and Human Values*. Vol. 33. No. 1. P. 153–164. DOI: 10.1007/s10460-015-9624-9
5. *Golosa krest'yan: sel'skaya Rossiya XX veka v krest'yanskikh memuarakh* [Voices of the Peasants: Rural Russia of the 20th Century in Peasant Memoirs.] (1996). Mosk. vyssh. shk. sotsial. i ekon. nauk; [Sost. i obrab. E. M. Kovalev]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
6. Gumilev L. N. (2008). *Konets i vnov' nachalo: populyarnye lektsii po narodovedeniyu* [The End and the Beginning Again: Popular Lectures on Ethnology.] Moscow: Airis-press. (In Russ.)
7. Gusserl' E. (2010). *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations.] Per. s nem. V. I. Molchanova. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.)
8. *Refleksivnoe krest'yanovedenie: Desyatiletie issledovanii sel'skoi Rossii* (2002). [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research into Rural Russia.] / Pod red.: T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilova // Avt. kollektiv: Skott Dzh., Shanin T., Fadeeva O., Nikulin A., Danilov V., Gordon A., Vinogradskii V., Vinogradskaya O., Morekhanova M., Shteinberg I., Kovaleva L., Lindner P., Kovalev E., Ryzhenkov M., Radaev V., Mailyan A., Yastrebinskaya G., Myakin'kov S. Moscow: ROSSPEN (Ros. polit. entsikl.). (In Russ.)
9. Vinogradskii V. G. (2017). *«Golosa snizu»: diskursy sel'skoi povsednevnosti* ["Voices from Below": Discourses of Rural Everyday Life.] Valerii Vinogradskii. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. (In Russ.)
10. Vinogradskii V. G., Vinogradskaya O. Ya. (2022). Farming: A Generational Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* No. 5. P. 92–100. (In Russ.) DOI 10.31857/S013216250020154-2 (In Russ.)

В. С. Роговский

Исторический опыт учреждающего взаимодействия левого и правого поля при трансформации режимов на выходе из авторитаризма

Владимир Станиславович Роговский — кандидат медицинских наук, магистр политологии. Выпускник МВШСЭН 2023 года. **Электронная почта:** alderqwerry@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы механизмов трансформации авторитарных режимов на примере трёх различающихся между собой кейсов трансформации XX века: Венгрии, Испании и СССР. Вводится понятие учреждающего взаимодействия как одного из важнейших факторов демократической трансформации режима. Под учреждающим взаимодействием в статье понимается совместное установление правил игры с участием акторов, представляющих различные участки лево-правого спектра.
Использование оптики учреждающего взаимодействия при анализе политической трансформации разных систем дает возможность вычленить базовые закономерности успешной трансформации, увидеть основные риски этого пути, а также аспекты, требующие наибольшего внимания для акторов политической трансформации.

Ключевые слова: учредительная власть, учреждающее взаимодействие, трансформация режимов, авторитаризм.

Для цитирования: *Роговский, В. С.* Исторический опыт учреждающего взаимодействия левого и правого поля при трансформации режимов на выходе из авторитаризма // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 30–53.

Введение

Трансформация авторитарных режимов — регулярно наблюдаемый процесс, однако, результаты подобной трансформации зачастую сильно различаются. В одних случаях на смену авторитарным режимам приходят демократические режимы, для которых характерна политическая конкуренция. В других случаях авторитарные режимы после своего кризиса меняются на во многом сходные режимы, известные также под такими названиями как бонапартизм, цезаризм, каудилизм, популизм и другими [О'Доннелл, 1994], формируя очередные витки спирали авторитаризма.

Можно выделить различные траектории трансформации режимов на выходе из авторитаризма. Эти траектории могут включать:

1. Трансформацию в сторону режимов с большей политической конкуренцией, в которых происходит реальная смена власти посредством конкурентных выборов.
2. Быстрый возврат к авторитарному правлению.
3. Возврат к авторитарному правлению через значительный промежуток времени (например, десятилетия).

Встаёт вопрос, какие же факторы являются важными для определения пути трансформации режима. От чего зависит, в какую сторон будет трансформироваться режим — в сторону большей политической конкуренции или в сторону нового витка авторитаризма?

Мы считаем, что важным фактором здесь является инклюзивное сотрудничество различных сил на лево-правом спектре в момент учреждения новых правил игры на выходе из авторитаризма. Такое сотрудничество при учреждении нового порядка можно назвать учреждающим взаимодействием. В настоящей работе мы, с одной стороны, раскроем понятие учреждающего взаимодействия, и, с другой стороны, применим его для описания конкретных исторических примеров разработки новых правил игры при создании нового порядка. Мы обоснуем важность двухэтапного хода учреждающего взаимодействия — когда на первом этапе проходят первоначальные переговоры широкого спектра политических сил об избирательных правилах, по которым будет избираться представительный орган, а на втором этапе происходит создание и утверждение новой конституции. Также мы обоснуем важность ориентированности политических сил во время учреждающего взаимодействия на недопущение роста неравенства.

Мы рассмотрим особенности учреждающего взаимодействия на примере трёх кейсов XX века, иллюстрирующих три вышеописанные траектории трансформации режима — кейсы Испании, Венгрии и СССР.

Траектории выхода из авторитаризма

Несложно сформулировать причины регрессии к авторитарным режимам — сам факт трансформации режима предполагает ослабление командного аппарата, что приводит к различным вызовам, с которыми сталкиваются выходящие из авторитаризма государства. Часто после окончания авторитарного правления общество находится в состоянии политической нестабильности, создающей угрозу основным свободам личности, зачастую не меньшую, чем предшествующий авторитарный режим. В такой ситуации вероятным или даже для многих желанным направлением для трансформации является новый виток авторитаризма, с сильным лидером, который обладает широкими полномочиями и может быстро и эффективно решить проблемы страны [Schnelle et al., 2021].

Однако новый виток авторитаризма не является предопределённым. В целом, опыт трансформации режимов на выходе из авторитаризма переживали множество сильно различающихся между собой государств, и во многих случаях для новых правил игры была характерна большая политическая конкуренция. В последующем, в качестве синонима для обозначения этого явления, мы будем использовать термины «демократическая трансформация» или «демократический транзит».

Есть мнения о наличии общих фундаментальных факторов, которые могут обуславливать переход к правилам игры с большей политической конкуренцией. Среди распространённых точек зрения можно выделить утверждение об экономической предопределённости демократического транзита, когда демократизация происходит при определённом уровне экономического и социального развития. Эта концепция известна как теория модернизации, важную роль в её становлении сыграли работы С. Липсета. Согласно этой концепции, экономическое развитие ведёт к социальным переменам, увеличивая долю среднего класса и изменяя привычки и обычаи людей [Lipset, 1959; Powell, 2015].

Также существуют мнения, согласно которым основные факторы демократического транзита — это, скорее, совокупность определённых решений, пактов, принятых элитами, а не предварительные социо-экономические условия. Данные взгляды составляют основу школы транзитологии, где, в частности, испанский вариант трансформации после окончания правления Франко имеет одно из ключевых значений [Powell, 2015, с. 39]. Также существуют взгляды, подчеркивающие важность гражданского общества для демократической трансформации. Для школы транзитологии важно, что демократизация осуществляется внутри государственных структур. В противоположность этому, для сторонников важности гражданского общества, демократизация — это партисипаторный процесс, для которого важны не столько институты, сколько «широкая социальная легитимация» [Powell, 2015, с. 41].

Данную картину можно дополнить акцентом на важности фундаментального фактора, который может препятствовать воспроизводству авторитарного правления — инклюзивное сотрудничество различных сил на лево-правом спектре в момент создания новых, устойчивых правил игры на выходе из авторитаризма. Это сотрудничество может позволить создать правила игры, приемлемые для большинства участников политического процесса, так как они будут предохранять политическую систему от чрезмерного усиления каких-либо групп. Понятно, что политические программы могут сильно различаться, но сотрудничество на этапе создания новых правил игры может позволить создать такие общие правила, которые будут приемлемы для всех, и в рамках которых затем различные политические силы будут мирно реализовывать свои интересы.

Такое сотрудничество может стать почвой для проявления учреждающей власти как публичного и кооперативного измерения суверенитета. Современный греко-американский философ Андреас Каливас акцентирует внимание на том, что идея суверенитета как высшего командования, идущая со времён Римской империи и перешедшая в современность с наследием Бодена, — только одно из пониманий суверенитета. Альтернативное понимание, прослеживаемое в трудах различных мыслителей, таких как Джон Локк и Эммануэль Сийес, рассматривает суверенитет не как власть командовать, но как власть основывать и учреждать, являясь учреждающей властью [Kalyvas, 2005, с. 225]. Такая учреждающая власть может учредить новые законы, которые будут лежать в основе нового конкурентного политического режима. Для этого требуется участие множества разных лиц, вовлечённых в учреждение новых порядков, которые для начала включат в учреждаемый документ те нормы, которые являются признаваемыми и желаемыми для всех. Учреждающая власть предполагает, что все те, кто является субъектом нового порядка, должны принимать участие в его создании [Kalyvas, 2005, с. 236–238]. При проявлении учреждающей власти, «несмотря на множество различий между учреждающими участниками, они обладают минимальной общей ориентацией, заключающейся в том, что все они вовлечены в процесс создания ('con-instituting') нового порядка» [Kalyvas, 2005, с. 236].

Учреждающее взаимодействие

Отталкиваясь от такой интерпретации учреждающей власти, возникает задача найти инструментарий для анализа трансформации политических систем, при которой происходит учреждение нового порядка с большей политической конкуренцией. Для этого мы предлагаем использовать понятие учреждающего взаимодействия, понимая под

этим учреждающее взаимодействие левого и правого поля. Требование совместного действия при учреждении нового порядка различными политическими силами мы переводим в задачу взаимодействия левого и правого поля. Спектр «левое — правое» давно применяется как «универсальный и глобальный» язык политики для самых различных лиц [Атнашев, 2022], поэтому сотрудничество на лево-правом поле можно охарактеризовать как вовлечённость максимального спектра акторов в политический процесс. Термины «левые» и «правые» зачастую понимаются по-разному, означая разные политические взгляды — в зависимости от времени и места действия, но в данной работе понятие «лево-правое взаимодействие» прежде всего обозначает взаимодействие всего спектра политический сил, вне зависимости от того, кто конкретно идентифицирует себя как левые или правые.

Учреждающим взаимодействием можно назвать совместное установление правил игры с участием акторов, представляющих различные участки лево-правого спектра. Таким образом, в понятии учреждающего взаимодействия акцентируется роль именно взаимодействия различных сил, что позволяет достичь совместности при учреждении новых правил игры. Без учёта учреждающего взаимодействия картина факторов, влияющих на процессы политической трансформации, может быть неполной.

В связи с вышесказанным, интерес представляет изучение опыта трансформации режимов в ряде стран на выходе из авторитаризма с целью осмысления факторов, которые вносят вклад в переход к более конкурентному политическому устройству. В настоящей работе мы проанализируем влияние и характер учреждающего взаимодействия в различных траекториях политической трансформации авторитарных государств с помощью анализа кейсов Испании, России, и Венгрии.

Кратко опишем различие траекторий трансформации в указанных кейсах. В Испании во время выхода из авторитаризма времен Франко было реализовано создание нового порядка «участниками-основателями», принадлежащими к различным участкам лево-правого поля. Испания указанного периода выбрана нами как яркий представитель относительно мирного учреждающего взаимодействия акторов, принадлежащих к различным частям политического спектра, а также ввиду наличия посредников, объединяющих ряд взглядов противоположных частей политического спектра, и обладающих легитимностью (фигуры короля Хуана Карлоса и премьер-министра Адольфо Суареса).

На примере СССР и первых лет постсоветской России можно рассмотреть, как неудавшиеся попытки учреждающего взаимодействия при трансформации режима привели к провалу попыток демократизации.

Венгерский пример показывает, как первоначальное широкое взаимодействие акторов левой и правой частей политического спектра в конце 80-х годов XX века помогло учредить новый конкурентный политический режим, однако впоследствии, по мнению многих

аналитиков, наблюдается новая трансформация в сторону авторитаризма (здесь и далее мы не выносим оценочного суждения, хорошо это или плохо). Пример Венгрии позволяет сделать предположение, что рост неравенства между выигрывающими и проигрывающими от экономических реформ, связанных с трансформацией режима, способствует появлению раскола в обществе, который может быть использован для продвижения авторитарных тенденций.

Важно отметить, что сама тема настоящей работы, казалось бы, предполагает, что системы с большей политической конкуренцией чем-то лучше, чем авторитарные системы. Однако это не обязательно так — многие могут полагать, что авторитарное правление предполагает ряд преимуществ. Так, в демократических системах при принятии решений обычно требуется множество различных согласований, учёт различных интересов, и прочее, что затрудняет принятие итоговых решений, а в ряде случаев может парализовать работу государственного аппарата. В этой связи, к примеру, модернизационные мероприятия зачастую легче проводить при авторитарных режимах, которые могут дать карт-бланш определенным экспертам для проведения необходимых реформ. Такого рода авторитарная модернизация была предпосылкой демократической трансформации в Испании. Экономические реформы, проведенные во время правления Франко, обеспечили устойчивый экономический рост, упростивший, по мнению ряда исследователей, последующую демократическую трансформацию. Также институты представительной демократии, в особенности, парламентской республики, ввиду необходимости формирования межпартийного консенсуса при формировании коалиционного правительства могут зачастую проводить решения, противоречащие воле большинства избирателей. Таким образом, сам факт демократического правления практически не даёт гарантированных преимуществ, однако, он является своеобразной страховкой от диктатуры [Przeworski, 2010; Гельман, 2019].

Факторы, важные при трансформации режима

На основе трёх рассматриваемых кейсов сопоставим различные факторы, важные при политической трансформации.

Учреждающее взаимодействие

Рассмотрев попытки учреждающего взаимодействия при трансформации режима в трёх различных кейсах, мы можем представить его в виде двух основных тактов и одного аспекта, который мы считаем важным выделить отдельно.

— Первый такт — это изменение избирательного законодательства, при участии максимального спектра политических сил, цель и результат которого — проведение свободных и конкурентных выборов в парламент.
— Второй такт — учреждение парламентом, при участии максимального спектра политических сил, новой конституции, закрепляющей основные правила игры.
— Согласие учреждающих элит по поводу того, что неравенство не должно расти в результате трансформации режима. Мы считаем важным выделить этот аспект отдельно, так как именно рост неравенства и низкие ожидания социальной мобильности привели к росту раскола между выигрывающими и проигрывающими от демократических реформ, шедших в случае Венгрии и России параллельно с экономической либерализацией. Этот раскол зачастую является базисом для консолидации нового авторитарного режима.

Первый такт полноценно прошел в двух кейсах — Испании (1976 год) и Венгрии (1989 год). В России (СССР — 1988–1989 года) у этого такта есть особенности, из-за которых его сложно назвать взаимодействием различных политических сил.

В Испании этот такт прошёл в кулуарных, но широких обсуждениях, затрагивающих как оппозиционные партии, так и различные сферы элит. В Венгрии он прошёл в интенсивных обсуждениях во время круглых столов между оппозицией и правящей партией. В СССР же он явился скорее результатом тайной операции, когда даже многие члены Политбюро не имели возможности разобраться в сути предлагаемых реформ, менявших политический облик страны (речь идёт о передаче реальной полноты власти в СССР, а позднее и в РСФСР от коммунистической партии Съездам народных депутатов) [Атнашев, 2018; Горбачёв, 1995; Рыжков, 2009].

О причинах такой специфики можно говорить отдельно — например, является ли она следствием сильного дефицита практик делиберации в СССР, по сравнению с Испанией и Венгрией, если таковой имелся. В Испании, как и в СССР, среди высших должностных лиц было множество противников радикальных политических реформ, однако король Хуан Карлос и премьер-министр Суарес предпочли путь кропотливых кулуарных переговоров с ключевыми группами. В СССР Горбачёву главной угрозой реформ также виделась высшая политическая элита страны — Политбюро, однако вместо переговоров использовалась тактика запутывания и сокрытия намерений [Атнашев, 2018; Рыжков, 2009]. Также контрастирует подход к работе со СМИ — если в СССР их критика использовалась в качестве силового тарана, направленного на консервативное крыло правящей элиты, то в Испании существовал негласный договор, согласно которому СМИ ограничивали критику власти на период учреждающего взаимодействия.

В отличие от первого такта, второй такт прошёл только в Испании — в 1978 году там была принята новая Конституция, разработанная при участии всех прошедших в парламент партий (в конституционный комитет из семи представителей входили по одному представителю от каждой партии, и три представителя от доминирующей партии). После серии рассмотрений и парламентских корректировок проект Конституции был одобрен обеими палатами парламента, и вынесен на референдум — в нём приняли участие более 67% имеющих право голоса избирателей, из которых 88% проголосовали «за» [Serrano, Garcia, 2018]. Можно утверждать, что эта Конституция — результат учреждающего взаимодействия практически всего спектра политических сил, от консервативной правой партии — наследницы франкистского правящего класса, центристской партии, куда входили многие реформаторы предшествующего режима, до левых социалистической и коммунистической партий. С одной стороны, принятую Конституцию можно назвать инструментом легитимации бывших сторонников Франко, но, с другой стороны, она обеспечила базис мирного сосуществования различных политических сил.

В Венгрии принятие новой Конституции признавалось необходимым участниками круглых столов, а текущая Конституция приняла статус временной, однако, после первых свободных парламентских выборов в 1990 году, конституционное строительство не состоялось: на фоне острой политической борьбы эта задача уже не казалась первостепенной. Конституция Венгрии, принятая в 2011 году, уже не была результатом взаимодействия различных политических сил лево-правого поля, а была, скорее, конституцией победителей на парламентских выборах 2010 года (партии «Фидес» во главе с Виктором Орбаном), получивших конституционное большинство [Kornai, 2015]. В это же время была проведена избирательная реформа — в частности, изменены границы избирательных округов, проживающие за рубежом этнические венгры получили возможность голосовать по почте (среди них абсолютное большинство — традиционные сторонники «Фидес»), в то же время венгры, временно проживающие за границей и имеющие основной венгерский адрес, вынуждены были голосовать в посольствах (среди них сильны критические настроения) [Magyar, 2012]. Утверждается, что таким образом, на будущее был упрощен перевод даже потенциально относительно скромной электоральной поддержки крупнейшей партии в парламентское большинство [Kornai, 2015].

В России парламентская конституционная комиссия, созданная Съездом народных депутатов РСФСР, продуктивно работала с 1989 года, однако, на фоне конфликта между парламентом и президентом конституционный процесс был прерван на этапе наличия готового проекта для вынесения на референдум [Румянцев, 2009, с. 356]. Конституционный кризис завершился роспуском и штурмом парламента по приказу президента в 1993 году [Поняев, 2017]. Конституция, принятая

вскоре после этого, как и в случае Венгрии, уже не была конституцией лево-правого учреждающего взаимодействия, а, напротив, была конституцией победителей в гражданском конфликте. В сравнении с Испанией, процесс её принятия больше напоминает не конституцию, принятую при демократической трансформации, а законы, принятые на заре франкистской Испании, закрепляющие результаты гражданской войны.

Есть и ещё одна важная черта попыток учреждения новой Конституции в СССР — это существование двух конституционных комиссий, на уровне Съезда народных депутатов СССР и на уровне Съезда народных депутатов РСФСР (в РСФСР, в отличие от остальных республик, вся полнота власти также была передана этому органу). Можно предположить, что наличие двух конституционных комиссий в двух конкурирующих Съездах, каждый из которых обладал полнотой власти, на тот момент скорее приводило к ускоренной дезинтеграции, мешая конституционному строительству.

Касательно согласия элит по поводу ограничения неравенства на фоне учреждающего взаимодействия, такие установки господствовали только в Испании, когда экономические реформы, предшествующие демократическому транзиту, имели целью ограничить возможный рост неравенства.

Экономические факторы

По характеру экономических факторов три исследуемых кейса значительно различаются: в Испании трансформация политической системы происходила на фоне, в целом, благополучного состояния экономики, явившегося результатом многолетнего устойчивого экономического роста в предшествующие полтора десятилетия. В СССР трансформация происходила на фоне беспрецедентной либерализации финансового рынка, вызвавшей коллапс распределительной системы, самым очевидным проявлением которого стал недостаток практически всех потребительских товаров [Зубок, 2023]. С 1992 года товарный дефицит сменился многократным ростом цен и фактическим обнулением сбережений вследствие инфляции. Случай венгерской трансформации представляет собой, скорее, промежуточный вариант между СССР и Испанией.

Как уже было отмечено выше, благоприятная ситуация в испанской экономике в период трансформации режима была не случайной: представители католической религиозной организации «Опус Деи» (лат. «Opus Dei» — «Божье дело»), идеологи реформ, начатых в 1959 году, видели экономическое развитие именно в качестве прелюдии к демократизации. Более того, они ставили готовность общества к демократизации в прямую зависимость от подушевого дохода.

Для них был важен такой характер экономического роста, который не допускал бы роста бедности и предпосылок к неравенству [Mackenzie, 1973]. Левые партии, которые получили допуск к выборам после политической реформы, также традиционно ратовали за внимание к социальной политике. Таким образом, трансформация режима в Испании проходила на фоне предустановленного согласия по поводу недопущения роста неравенства.

По результатам испанских экономических реформ, в период, предшествующий трансформации, существенно возросла доля среднего класса — с 14% до 45%. Это согласуется с утверждениями Липсета по поводу экономических предпосылок демократизации, для которого экономическое развитие важно именно в связи с появлением выраженного среднего класса. Согласно Липсету, многочисленный средний класс изменяет структуру общества, превращая её из пирамиды с большим основанием, состоящим из сравнительно бедных, в «алмаз», самая широкая грань которого состоит из представителей среднего класса. Средний класс здесь способствует понижению остроты общественных конфликтов, создавая запрос на умеренную политическую повестку и голосуя против радикальных групп [Lipset, 1959].

В отличие от Испании, в СССР трансформация политической системы происходила параллельно с экономическими реформами, перешедшими в экономический коллапс. В элитах отсутствовало согласие по поводу недопущения роста неравенства. Среди стран Восточного блока, реформы в России были наиболее радикальными, что привело к резкому падению уровня жизни основной массы населения прямо в процессе трансформации режима [Бокарев, 2009]. Степень социального расслоения можно выразить индексом P90/P10 (децильный коэффициент доходов), который показывает, во сколько раз доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения. За 1991–1995 гг. децильный коэффициент доходов увеличился в 3 раза, а в 1999 году превысил 14.0 [Росстат, 2006; Данканич, 2011]. Невиданный ранее рост неравенства разрушил устои социальных отношений, существовавшие на протяжении последних десятилетий [Данканич, 2011]. На фоне обострившегося и ярко проявляющегося неравенства формировался запрос на сильное государство, на сильную патерналистскую власть [Горшков, 2011]. Между тем власть в России воспринималась как все более слабеющая, росли центробежные настроения и фактическая автономия ряда регионов, в связи с чем в ряде элит также рос запрос на сильную власть, и, по словам Глеба Павловского, «рост угроз доставлял чувство общей судьбы» [Крастев, Павловский, 2018]. В дополнение к этому, бомбардировки традиционно политически и ментально близкой Югославии со стороны НАТО усиливали чувство внешней угрозы. Несмотря на запрос на создание нового порядка с сильной властью, детали нового порядка не оговаривались — запрос был на создание новой, более сильной

власти, а не на создание новых правил игры, которые в долгосрочной перспективе могли бы обеспечивать как политическую стабильность, так и сменяемость и ограничение произвола власти.

В Венгрии, вероятно, в виду более мягкого, по сравнению с Россией, процесса экономической либерализации, запрос на установление сильной и патерналистской власти консолидировался позднее — к концу первой декады 2000-х годов. Несмотря на отсроченный характер разочарования в венгерских реформах, там также, как замечает венгерский социолог Акош Силади, появилось большое количество людей, «многократно обойдённых в рыночной борьбе», обладающих скромными капиталами связей, «реально или мнимо потерпевших и недовольных» [Силади, 2009, с. 55]. В результате реформ уровень занятости населения с низким уровнем образования оказался в Венгрии на самом низком уровне среди всех стран ЕС. Также положение семей с детьми, особенно многодетных, ухудшившись в первой половине 1990-х годов, после некоторой стабилизации продолжало нисходящий тренд [Benyik, 2019; Tóth, 2015]. Что касается субъективного восприятия неравенства, то здесь также наблюдалось его увеличение на фоне экономического роста [Tóth, 2015, с. 4]. Многие исследователи обращают внимание и на низкие значения социальной мобильности, отражающие усиливающееся воспроизводство неравенства в Венгрии [Benyik, 2019]. В исследовании, анализирующем социальную мобильность в Венгрии с 1949 по 2017 год, отмечается, что уровень социальной мобильности при «коммунизме» был таким же, как и при последующем капиталистическом режиме [Bukowski, Clark, Gaspar,Peto, 2022]. Низкие значения социальной мобильности, в особенности, ее низкие ожидания (чувство у людей, что богаче и успешнее они вряд ли станут), могут обострять чувство социальной несправедливости, в особенности на фоне экономического роста, когда даже незначительное снижение реальных доходов одной части населения воспринимается на контрасте со значительным ростом доходов других групп. Снижение ожиданий социальной мобильности лишь усиливало запросы на государственный патернализм. С 2007 по 2010 год степень социального расслоения (P90/P10) доходов домохозяйств выросла в значительной степени, достигнув максимальных значений (более четырёх) с 1982 года (начальная точка приведенных данных) [Tóth, 2015, с. 12]. Как замечает венгерский социолог и политик Балинт Мадьяр, в середине 2000-х «Фидес» начала сочетать популистскую национальную и социальную риторику, привлекая на свою сторону левых избирателей, «ностальгировавших по мягкой диктатуре позднего социализма» [Magyar, 2012]. С одной стороны, в предвыборную риторику было включено понятие нации, «давно терзаемой злой судьбой», и, с другой стороны, рефлексия по поводу несправедливости к «маленькому человеку, брошенному на произвол судьбы» [Magyar, 2012].

Подход к исторической памяти

Современный немецкий социолог Андреас Лангеноль замечает, что историческая память тесно связана с условиями успешного создания пост-авторитарного демократического порядка — как в контексте обеспечения самой трансформации режима, так и для укоренения новых институтов [Langenohl, 2010].

Три исследуемые кейса в настоящей работе представляют собой различные траектории работы с исторической памятью при трансформации авторитарного режима. Путь испанской демократической трансформации связан с полным забвением исторической памяти о недавних трагических событиях. На фоне демократического транзита в 1977 году испанским парламентом был принят закон об амнистии, который, с одной стороны, амнистировал политзаключённых, и, с другой стороны, предоставлял иммунитет в отношении политических преступлений, совершенных до 1977 года, оставляя безнаказанными ответственных за репрессии [Calero, 2003, с. 302]. Этот закон был принят в рамках более широкого феномена в испанском обществе, получившего название «Пакт о забвении» (Pacto del olvido). «Пакт о забвении» являлся консенсусом различных политических сил в Испании о предании забвению событий гражданской войны и политических репрессий [Encarnación, 2014; Rigby, 2000]. Новый порядок предпочли строить, стремясь к образу будущего, привлекательного для различных слоев общества, пожертвовав осмыслением проблемного прошлого.

Путь венгерской и российской трансформации связан с активацией исторической памяти. В СССР дискуссия об исторической памяти была особенно активна в период перестройки, когда руководство страны способствовало общественному обличению различных преступлений режима [Атнашев, 2018]. В Венгрии трансформация режима сопровождалась активной работой с исторической памятью — проводилась политика люстрации, был открыт доступ к архивам, проходили активные общественные обсуждения проблем прошлого [Лёзина, 2015, с. 67].

Испанский пример выхода из авторитаризма показывает, что активная дискуссия и проработка исторической памяти не являются обязательным условием устойчивой демократизации. Венгерский пример показывает, что проработка исторической памяти не предохраняет от восстановления авторитарных тенденций. Более того, новый режим, характеризующийся всё большей степенью авторитаризма, может активно использовать историческую память для своей легитимации, формируя образ себя как защитника нации, издавна находящейся в кругу врагов [Медушевский, 2020, с. 7].

Можно предположить, что проработка исторической памяти, особенно в периоды политической трансформации, делает привычными практики обращения к прошлому. Эти практики могут стать очень

притягательными для новых режимов, давая им почву для своей легитимации как защитников «правильного» понимания прошлого.

Трудное прошлое зачастую сильно эмоционально окрашено и связано с диаметрально противоположным восприятием у различных групп населения. Формирующиеся линии раскола по вопросу отношения к сложным историческим событиям могут быть использованы для формирования нужной политической сцены различными авторитарными силами. Конечно, даже временное забвение исторической памяти является противоречивой практикой и может быть сложной для принятия многими людьми, но радикализация на фоне обостренных исторических воспоминаний может стать препятствием даже для минимальных учреждающих взаимодействий.

Стоит отметить, что забвение исторической памяти на время трансформации режима не исключает и, скорее, даже стимулирует последующее возвращение внимания к этому вопросу, когда институты политической конкуренции станут более устоявшимися. Наоборот, активное обращение к исторической памяти во время трансформации режима не предохраняет от всё большего забвения впоследствии памяти о трудном прошлом.

Другие факторы

Помимо трёх вышеизложенных факторов, важных для определения траектории политической трансформации, существует и множество иных различий между исследуемыми примерами, также оказывающих свое влияние.

Важным различием между тремя исследуемыми кейсами является наличие политических партий на момент трансформации. По результатам первых после авторитаризма свободных выборов в испанский парламент в 1977 году вошло много опытных политиков, представлявших различные политические партии. Несмотря на нелегальное положение при режиме Франко, это были устоявшиеся партии с богатым опытом и историей, разными способами сохранившие свою организационную структуру. Например, Испанская социалистическая рабочая партия к моменту выборов 1977 года имела почти 100-летнюю историю, коммунистическая партия существовала уже более 50 лет. «Союз демократического центра» действующего премьер-министра, хотя и был новой структурой, но объединял опытных функционеров режима Франко. В парламент также вошли депутаты партий от регионов, борющихся за автономию, например, члены Баскской националистической партии [Global data on national parliaments, 1977; Tusell, 2011].

К моменту политической трансформации в СССР попросту не существовало даже на нелегальном положении партий, альтернативных

КПСС. Последние партии были ликвидированы в начале 1920-х годов. Партийное строительство должно было начаться с нуля — уже после избрания Съезда народных депутатов. Венгрия, опять же, представляет собой промежуточный пример, хотя и более близкий к советскому. В Венгрии политические объединения, оппозиционные правящей партии, начали создаваться примерно за два года до первого такта учреждающего взаимодействия (изменения избирательного законодательства). В отличие от СССР, в первый после периода авторитаризма свободно избранный парламент вошли, хоть и недавно сформированные, но политические партии.

Также важным фактором является наличие посредника, обладающего легитимностью. Так, во время конфликта между Верховным Советом и президентом России важную роль в переговорах сыграл патриарх Алексий II, однако, его посредничество не предотвратило штурм парламента. Возможно, ключевым фактором здесь является отсутствие легитимности у посредника. Патриарх обладал определённым авторитетом, однако, в отличие от короля Хуана Карлоса в Испании, который являлся посредником между противоборствующими силами как при демократической трансформации, так и при попытке переворота в 1981 году, у него не было легитимности. Авторитет и легитимность Хуана Карлоса наглядно проявились при попытке военного переворота в Испании в 1981 году, когда к королю апеллировали как восставшие военные, так и правительство, против которого и был направлен правый переворот. Фигура короля была над политическими силами и его позиция, вероятно, оказалась ключевой в судьбе неудавшегося переворота [Хенкин, 2017].

Ещё одним фактором, который отличает именно венгерский кейс, является наличие определённой руководящей и посреднической роли Европейского союза. Взаимодействие между различными политическими силами облегчалось их общей ориентацией на евроинтеграцию [Барабанов, 2013, с. 71].

Особенности региональной политики также являются важным компонентом при трансформации режима. Это особенно актуально для российского и испанского кейсов. В обеих странах на момент трансформации существовали регионы, остро претендующие если не на независимость, то на существенную автономию. Здесь мы также видим различия — в отличие от Испании, трансформация в СССР шла параллельно с предоставлением независимости союзным республикам, что, вероятно, способствовало ещё большему обострению региональных конфликтов. Противоречия между различными региональными интересами сглаживались пребыванием в общем государстве. Однако как только вставал вопрос о реальном предоставлении независимости республикам СССР, обострялись даже ранее не артикулируемые, спящие региональные конфликты (Плохий, 2016, Пихоя, 2007). В связи с этим, учреждающее взаимодействие смещалось из актуальной повестки.

Одно из важнейших воздействий на процесс трансформации оказывает деятельность СМИ, задающих тон общественным дискуссиям. В СССР в момент перестройки появилась гласность и свобода слова. СМИ принадлежали государству и курировались определенными группами элит, в частности, реформаторски настроенным членом Политбюро А. Н. Яковлевым, отвечавшим за вопросы идеологии. Небывалый в истории СССР шквал критики и разоблачений преступлений режима использовался в качестве оружия против консервативной части элит для продвижения взглядов о необходимости демократизации политической системы. Перед испанскими реформаторами также стояла задача демократизации, но для её решения использовалась другая стратегия. В виду всеобщих опасений по поводу радикализации, видевшейся основной угрозой демократизации, СМИ продвигали демократическую повестку, но ограничивали критику правительства, не говоря уже о том, что, как было сказано выше, отсутствовало освещение преступлений режима [Montero, Virgili,Garcíaortega, 2008].

Место учреждающего взаимодействия среди остальных факторов

Учреждающее взаимодействие может быть самостоятельным и уникальным фактором демократической трансформации. Его уникальность состоит в том, что противоположные политические силы должны выработать пул общих решений, достигнув по небольшому количеству базовых вопросов не мнимого, но реального согласия. Таким образом, будут созданы правила игры, согласно которым в дальнейшем они будут вести политическую борьбу.

Вследствие необходимости продуктивного диалога между порой диаметрально противоположными силами, требуется создание благоприятных условий, делающих сам факт диалога возможным. Вышеперечисленные факторы могут служить компонентами этих благоприятных условий. Это объясняет необычность ряда компонентов, которые можно связать с успешной демократической трансформацией. Они могут даже противоречить представлениям о демократии и политической конкуренции. В частности, временное забвение исторической памяти и прекращение критики со стороны СМИ. Однако временное снижение давления проблемных вопросов может быть необходимо для облегчения переговоров противоположных политических сил, от которых требуется не столько изменение принципиальных позиций, сколько выработка минимальных правил игры.

Заключение

Представленные три траектории трансформации режимов на выходе из авторитаризма, конечно же, являются уникальными. Каждая траектория является результатом неповторимого стечения обстоятельств — например, у испанской трансформации перед глазами был пример португальской, более сумбурной и кровавой, где до учреждающего взаимодействия проводились попытки масштабных реформ на фоне борьбы различных политических сил (радикальная земельная реформа, национализация финансового и промышленного сектора). Возможно, наличие такого недавнего примера португальской трансформации 1974–1975 годов помогло избежать ряда «ошибок» во время испанских реформ — таких как созданий временных правительств и проведения масштабных реформ в экономике до установления базовых правил игры в процессе учреждающего взаимодействия. Проведение реформ до установления базовых правил игры зачастую может приводить к тому, что начинает реализовываться повестка только одной политической силы, тогда как остальные политические силы вступают в ответную борьбу, зачастую приводящую к обострению социальных конфликтов и многочисленным жертвам. Предварительное учреждающее взаимодействие может позволить установить базовые правила игры, по которым далее различные политические акторы будут продвигать свои программы мирным путем, так как они сами участвовали в установке этих правил.

Однако при всей уникальности каждого случая изменений правил игры, можно выделить ряд общих этапов трансформации, а также ряд факторов, имеющих значение для результата трансформации. Мы предполагаем, что феномен учреждающего взаимодействия левого и правого поля, в котором широко представлены различные политические силы, является самостоятельным фактором успешной трансформации, предрасполагающим к становлению более конкурентного политического режима и создающим условия, препятствующие новому витку авторитаризма.

Проанализировав попытки учреждающего взаимодействия при трансформации режима в трёх различных кейсах, мы предлагаем морфологию понятия учреждающего взаимодействия, представляя его в виде двух основных тактов и одного аспекта, который мы считаем важным выделить отдельно.

— Первый такт. Изменение избирательного законодательства в результате консенсуса лево-правого спектра, цель и результат которого — проведение свободных и конкурентных выборов в парламент.
— Второй такт. Учреждение парламентом при участии максимального спектра политических сил новой конституции, закрепляющей основные правила игры.

— Согласие элит по поводу того, что неравенство не должно расти в результате трансформации режима.

Так, при испанской трансформации как наиболее успешной из трёх представленных кейсов (политическая конкуренция продолжает существовать спустя 50 лет), произошло два такта учреждающего взаимодействия — формирование нового избирательного законодательства и создание новой конституции. Также существовало согласие элит (а именно людей, непосредственно вовлечённых в создание новых правил игры) по поводу недопущения роста неравенства.

В случае венгерской трансформации, условно, менее успешной (через 20 лет, по мнению ряда исследователей, осуществился возврат к автократии [Scheiring, Szombati, 2020]), произошел один такт учреждающего взаимодействия — формирование избирательного законодательства. Второй такт, создание новой конституции, прошел уже при конституционном большинстве одной из политических сил, что можно назвать учреждающим, но нельзя назвать взаимодействием лево-правого спектра. Характерно, что возврат к более авторитарному правлению произошел на фоне роста неравенства и низкого ожидания социальной мобильности. Можно предположить, что рост неравенства в данном кейсе является следствием недостаточного учреждающего взаимодействия, усугубившегося отсутствием ориентированности элит на снижение неравенства.

В случае СССР (России) можно сказать об отсутствии обоих тактов учреждающего взаимодействия: избирательное законодательство было изменено в отсутствие взаимодействия между различными политическими силами. Тем более, отсутствовало взаимодействие во втором такте — принятии новой конституции, которая была принята на условиях одной из сторон в результате победы в вооружённом внутреннем конфликте. Ограничение роста неравенства также не стояло в актуальной повестке при проведении учреждающего взаимодействия.

Вышеизложенная морфология понятия учреждающего взаимодействия на примере трех кейсов трансформации режима представлена на рисунке 1.

Морфология понятия учреждающего взаимодействия, предложенная в настоящей работе, в определенной степени сходна с моделью конституционного строительства, сформулированной Эндрю Арато. Осмысляя новейший опыт трансформации в различных странах, Арато говорит о «пост-суверенной» модели конституционного строительства. Эта модель состоит из двух этапов. Во-первых, начальные переговоры за круглым столом между властью и различными политическими силами, в результате которых принимаются определенные правила, своего рода «временная конституция». Во-вторых, составление новой конституции на основе правил, сформированных на первом этапе. Под «пост-суверенитетом» здесь понимается отказ от опасной (предрасполагающей к диктатуре),

Рис. 1. Морфология понятия учреждающего взаимодействия на примере трёх исследуемых кейсов

по мнению Арато, мифологии, подразумевающей, что конституция создаётся самим народом как высшей суверенной властью, говорящей прямо и без посредников. Следствием отказа от этой мифологии является упор на отсутствии какой-либо одной институции или лица, обладающих учредительной властью и авторитетом учреждающего народа. Вместо этого акцентируется распределённость этой власти между совокупностью акторов [Arato, 2016; Mailey, 2018].

В нашей работе также сформулированы факторы, важные для перехода к системам с большей политической конкуренцией при трансформации режимов на выходе из авторитаризма. Стоит отметить, что это далеко не исчерпывающий список. Приведем перечень некоторых из них:

— Благоприятная экономическая ситуация — наличие обширного среднего класса.
— Отсутствие видимого раскола по поводу осмысления исторической памяти — отсутствие страхов внутри элит в связи с ответственностью за преступления режима.
— Наличие посредника, обладающего легитимностью — имеется легитимная фигура-посредник, консолидирующая часть интересов различных политических сил.
— Существование политических партий — наличие опытных игроков у различных политических сил.
— Ограничение критики действий властей в СМИ на время учреждающего взаимодействия.
— Наличие внешнего посредника, который является институциональным гегемонным центром, обладающим авторитетом для различных политических сил (Евросоюз в случае Венгрии).
— Отсутствие дезинтеграции государства — территориальные и этнические конфликты чрезмерно не обостряются.

Табл. 1. Представленность факторов, важных для перехода к системам с большей политической конкуренцией, в трех исследуемых кейсах трансформации режима

Факторы	Испания (1976–1978)	Венгрия (1989–2011)	СССР-Россия (1988–1993)
Учреждающее взаимодействие	+	+/-	-
Благоприятная экономическая ситуация: наличие обширного среднего класса на фоне трансформации	+	+/-	-
Отсутствие острого раскола по поводу исторической памяти	+	-	-
Наличие внутреннего посредника, обладающего легитимностью	+	-	-
Существование политических партий	+	+/-	-
Ограничение критики действий властей в СМИ на время учреждающего взаимодействия	+	+/-	-
Наличие внешнего посредника	-	+	-
Отсутствие дезинтеграции в момент учреждающего взаимодействия	+	+	-

В следующей таблице, на основании вышеизложенных материалов, эти факторы условно отражены в соответствии с их наличием в конкретных кейсах трансформации (Табл. 1).

Мы предполагаем, что наличие этих факторов упрощает учреждающее взаимодействие. В настоящей работе роль и морфология понятия учреждающего взаимодействия описана на примере трёх кейсов. Это описание не представляет собой математическую модель, а является качественным анализом. Для более универсальных выводов требуется провести анализ с использованием информации о гораздо большем количестве случаев трансформации политической системы, что не входит в задачи настоящей работы. Однако схожий процесс учреждающего взаимодействия можно наблюдать и на множестве других примеров, в странах с различной политической культурой, таких как Монголия (1990–1992), Чили (1988–1990), ЮАР (1990–1996), и прочих. Проведённое исследование позволяет су-

дить о важности и вероятном самостоятельном значении учреждающего взаимодействия, полноценность которого может определять успешность трансформации авторитарных режимов в режим с возросшей политической конкуренцией. Также ещё раз стоит отметить, что сама по себе политическая конкуренция в понимании многих может не являться чем-то сугубо положительным, однако, она позволяет снизить вероятность перехода к диктатуре.

Благодарности

Автор благодарит Тимура Михайловича Атнашева за научное руководство и консультирование при подготовке статьи.

Литература

1. *Атнашев, Т.М.* Переключая режимы публичности: как Нина Андреева содействовала превращению гласности в свободу слова // Новое литературное обозрение. 2018. №. 3. С. 204–222.
2. *Барабанов, М.В.* Социально–экономическая «посткоммунистическая» трансформация в Венгрии: некоторые итоги, уникальность опыта // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2013. №. 3. С. 64–72.
3. *Бокарев, Ю.П.* Теория модернизации и экономические реформы в России // Экономическая история. 2009. №. 7. С. 7–32.
4. *Гельман, В.* «Недостойное правление». Политика в современной России. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2019.
5. *Горбачёв, М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995.
6. Горшков, М.К., Крумм, Р., Петухов, В.В., Бызов, Л.Г. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011.
7. *Данканич, С.А.* Неравенство доходов населения: виды и последствия // Проблемы современной экономики. 2011. № 39(3). С. 59–63.
8. *Зубок, В.М.* Коллапс. Гибель Советского Союза / Пер. с англ. Т. Алешичевой, А. Кана, Ю. Трепалиной. М.: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023.
9. *Крастев, И., Павловский, Г.* Экспериментальная родина. Разговор с Глебом Павловским. М.: Европа, 2018.
10. *Лёзина, Е.* Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник общественного мнения. 2015. № 120(2). С. 48–89.
11. *Медушевский, Н.А.* Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. № 9(4А). С. 5–18.
12. *Поняев, И.М.* Политический кризис 1993 года в России: предпосылки, причины и упущенные возможности разрешения // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 5. С. 206–215.

13. *Румянцев, О.Г.* (ред.). Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 4. М.: Волтерс Клувер, 2009. [Online] < https://historyrussia.org/images/documents/iz-istorii-sozdaniya-konstitucii/iz-istorii-sozdaniya-konstitucii_t4-kniga3.pdf> [Дата обращения] 25.06.2025.
14. *Рыжков, Н.И.* Главный свидетель. М.: Эксмо, 2009.
15. Силади, А. «Холодная гражданская война» — уживутся ли два венгерских класса в одном государстве? // Холодная гражданская война — раскол венгерского общества / Пер. с венгер. И. Осиповой. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
16. *Хенкин, С.М.* Монархия и переход к демократии в Испании // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №. 6. С. 82–97.
17. Российский статистический ежегодник 2005. М.: Росстат, 2006. [Online] <https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b05_13/IssWWW.exe/Stg/06-01.htm> [Дата обращения] 11.06.2025.
18. 27 октября 1989 года начата конституционная реформа в РСФСР. Электронный музей конституционной истории России. [Online] <http://rusconstitution.ru/timestream/event/70/> [Дата обращения] 18.08.2023.
19. *Arato, A.* Post Sovereign Constitution Making: Learning and Legitimacy. Croydon: Oxford University press, 2016.
20. *Benyik, M.* Growing social inequalities. Social watch. 2019. [Online] <https://www.socialwatch.org/node/18290> [Дата обращения] 12.07.2023.
21. *Bukowski, P., Clark, G., Gaspar, A., Peto, R.* Social Mobility and Political Regimes: Intergenerational Mobility in Hungary, 1949–2017 // J Popul Econ. 2022. Vol. 35. No. 4. P. 1551–1588.
22. *Calero, F.S.* La construcción de la memoria y el olvido en la España democrática // Ayer. 2003. No. 52. P. 297–319.
23. *Encarnación, O.G.* Democracy Without Justice in Spain: The Politics of Forgetting. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. [Online] <http://www.jstor.org/stable/j.ctt5hjm9c> [Дата обращения] 25.06.2025.
24. *Kalyvas, A.* Popular sovereignty, democracy, and the constituent power // Constellations. 2005. Vol. 12. No. 2. P. 223–244.
25. *Kornai, J.* Hungary's u–turn // Society and Economy. 2015. Vol. 37. No. 3. P. 279–329.
26. *Langenohl, A.* Memory in Post–Authoritarian Societies // Cultural Memory Studies / Ed. by Astrid E., Ansgar N. Berlin, New York: De Gruyter, 2010. P. 163–172. [Online] <https://doi.org/10.1515/9783110207262.3.163> [Дата обращения] 25.06.2025.
27. *Lipset, S.M.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review. 1959. Vol. 53. No. 1. P. 69–105.
28. *Mackenzie, L.* The Political Ideas of the Opus Dei in Spain // Government and Opposition. 1973. Vol. 8. No. 1. P. 72–92.
29. *Magyar, B.* Autocracy in Action – Hungary under Orbán. Heinrich–Böll–Stiftung. 2012. [Online] <https://www.boell.de/en/2012/05/18/autocracy–action–hungary–under–orban> [Дата обращения] 13.07.2023.
30. *Mailey, R.* Post Sovereign Constitution Making: Learning and Legitimacy // International Journal of Constitutional Law. 2018. Vol. 15. No. 4. P. 1226–1231.
31. *Montero, M., Virgili, J.M., Garcíaortega, C.* The Political Role of the Press in Spanish Transition to Democracy, 1975–1978 // Javnost—The Public. 2008. Vol. 15. No. 4. P. 5–20.
32. *O'Donnell, G.* Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 55–69.
33. *Powell, C.* Revisiting Spain's transition to democracy // The Arab transitions in a changing world: building democraties in light of international experiences. S. Florensa (ed.). Barcelona: IEMed. 2015. P. 38–54.

34. *Przeworski, A.* Democracy and the Limits of Self–Government. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
35. *Rigby, A.* Amnesty and Amnesia in Spain // Peace Review. 2000. Vol. 12. No. 1. P. 73–79.
36. *Scheiring, G., Szombati, K.* From neoliberal disembedding to authoritarian re–embedding: The making of illiberal hegemony in Hungary // International Sociology. 2020. Vol. 35. No. 6. P. 721–738.
37. *Schnelle, C., Baier, D., Hadjar, A., Boehnke, K.* Authoritarianism Beyond Disposition: A Literature Review of Research on Contextual Antecedents // Front Psychol. 2021. Vol. 12. P. 676093.
38. Serrano, A., Garcia, G. The day Spain voted "yes" to the Spanish Constitution // El Pais. 2018. [Online] https://english.elpais.com/elpais/2018/12/06/album/1544090962_129576.html [Дата обращения] 26.06.2025.
39. *Tóth, I.G.* Country report on growing inequality and its impacts in hungary. Budapest: Tárki Social Research Institute, 2015.
40. *Tusell, J.* Spain: From dictatorship to democracy. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2011.
41. Global data on national parliaments. 1977. [Online] <https://data.ipu.org/election-summary/PDF/SPAIN_1977_E.PDF> [Дата обращения] 16.06.2025.

V. Rogovskii

Historical experience of constitutive left-right interaction in regime transformation at the exit from authoritarianism

Vladimir Rogovskii — Cand. Sci (Med), Master of Political Science. **E-mail:** alderqwerry@yandex.ru.

Abstarct: This article examines the mechanisms of authoritarian regime transformation through the analysis of three distinct 20th-century case studies: Hungary, Spain, and the USSR. It introduces the concept of constitutive interaction as a key factor in democratic transformation. The study defines constitutive interaction as the joint establishment of political "rules of the game" involving actors from across the left-right ideological spectrum.

Applying the lens of constitutive interaction to analyze political transformations in different systems allows for the identification of fundamental patterns in successful transitions, highlights key risks, as well as the aspects that require the greatest attention for actors in political transformation.

Keywords: constituent power, constituent interaction, regime transformation, authoritarianism.

References

1. Arato, A. (2016). Post-Sovereign Constitution Making: Learning and Legitimacy. Croydon: Oxford University Press.
2. Atnashev, T.M. (2018). Switching Regimes of Publicity: How Nina Andreeva Facilitated the Transformation of Glasnost into Freedom of Speech. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. No. 3, P. 204–222. (In Russ.)

3. Barabanov, M.V. (2013). The Socio-Economic "Post-Communist" Transformation in Hungary: Some Results, the Uniqueness of Experience. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities.* No. 3, P. 64–72. (In Russ.)
4. Benyik, M. (2019). Growing Social Inequalities. Social Watch. [Online] Available at: <https://www.socialwatch.org/node/18290> [Accessed: 12.07.2023].
5. Bokarev, Yu.P. (2009). Modernization Theory and Economic Reforms in Russia. *Bulletin of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Problems of Russian and World Economic History.* No. 7, P. 7–32. (In Russ.)
6. Bukowski, P., Clark, G., Gaspar, A., Peto, R. (2022). Social Mobility and Political Regimes: Intergenerational Mobility in Hungary, 1949–2017. *Journal of Population Economics.* Vol. 35. No. 4. P. 1551–1588.
7. Calero, F.S. (2003). La construcción de la memoria y el olvido en la España democrática [The Construction of Memory and Forgetting in Democratic Spain]. *Ayer.* No. 52. P. 297–319. [Online] Available at: <https://www.revistasmarcialpons.es/revistaayer/article/view/sevillano-construccion-memoria-olvido-espana-democratica/2534> [Accessed: 25.06.2025]. (In Span.)
8. Dankanich, S.A. (2011). Neravenstvo dokhodov naseleniya: vidy i posledstviya. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki.* Vol. 39. No. 3. P. 59–63. (In Russ.)
9. Encarnación, O.G. (2014). Democracy Without Justice in Spain: The Politics of Forgetting. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. [Online] Available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt5hjm9c> [Accessed: 25.06.2025].
10. Gelman, V. (2019). "Unworthy rule': politics in modern Russia. SPb: European University. (In Russ.)
11. Gorbachev, M.S. (1995). Zhizn' i Reformy. Kniga 1. M.: Novosti. (In Russ.)
12. Gorshkov, M.K., Krumm, R., Petukhov, V.V., Byzov, L.G. (2011). Dvadtsat' let reform glazami rossiyan: opyt nogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov. M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petukhov. (ed.). M.: Ves' Mir. (In Russ.)
13. Kalyvas, A. (2005). Popular Sovereignty, Democracy, and the Constituent Power. *Constellations.* Vol. 12. No. 2. P. 223–244.
14. Khenkin, S.M. (2017). Monarchy and the Transition to Democracy in Spain. *Outlines of global transformations: politics, economics, law.* Vol. 10. No. 6. P. 82–97. (In Russ.)
15. Kornai, J. (2015). Hungary's U-Turn. Society and Economy. Vol. 37 No. 3. P. 279–329.
16. Krastev, I., Pavlovsky, G. (2018). Eksperimental'naya rodina. Razgovor s Glebom Pavlovskim. M.: Europa. (In Russ.)
17. Langenohl, A. (2010). Memory in Post-Authoritarian Societies. In Cultural Memory Studies. A. Erll, A. Nünning (Eds.) P. 163–172. Berlin, New York: De Gruyter. [Online] Available at: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.3.163> [Accessed: 25.06.2025].
18. Lëzina, E. (2015). Lyustratsiya i otkrytie arkhivov v stranakh Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy. *The Russian Public Opinion Herald.* Vol. 120. No. 2. P. 48–89. (In Russ.)
19. Lipset, S.M. (1959). Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *The American Political Science Review*. Vol. 53. No.1. P. 69–105.
20. Mackenzie, L. (1973). The Political Ideas of the Opus Dei in Spain. *Government and Opposition*. Vol. 8. No. 1. P. 72–92.
21. Magyar, B. (2012). Autocracy in Action — Hungary Under Orbán. Heinrich-Böll-Stiftung. [Online] Available at: <https://www.boell.de/en/2012/05/18/autocracy-action-hungary-under-orban> [Accessed: 13.07.2023].
22. Mailey, R. (2018). Post-Sovereign Constitution Making: Learning and Legitimacy. *International Journal of Constitutional Law.* Vol. 15. No. 4. P. 1226–1231.

23. Medushevskii, N.A. (2020). Politika pamyati v sovremennoi Vengrii [The memory policy in modern Hungary]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii [Theories and Problems of Political Studies].* Vol. 9. No. 4A. P. 5–18. (In Russ.)
24. Montero, M., Virgili, J.M., García-Ortega, C. (2008). The Political Role of the Press in Spain's Transition to Democracy, 1975–1978. *Javnost—The Public*. Vol. 15. No. 4. P. 5–20.
25. O'Donnell, G. (1994). Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. Vol. 5. No. 1. P. 55–69.
26. Ponyaev, I.M. (2017). Political crisis of 1993 in Russia: prerequisits, reasons and missed opportunities to resolve it. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*. No. 5. P. 206–215. (In Russ.)
27. Powell, C. (2015). Revisiting Spain's Transition to Democracy. In The Arab Transitions in a Changing World: Building Democracies in Light of International Experiences. S. Florensa (ed.). Barcelona: IEMed. P. 38–54.
28. Przeworski, A. (2010). Democracy and the Limits of Self-Government. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Rigby, A. (2000). Amnesty and Amnesia in Spain. *Peace Review*. Vol. 12. No. 1. P. 73–79.
30. Rumyantsev, O.G. (Ed.). (2009). From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation: the constitutional commission: transcripts, materials, documents (1990–1993). Vol. 4. M.: Wolters Kluwer. [Online] Available at: <https://historyrussia.org/images/documents/iz-istorii-sozdaniya-konstitucii/iz-istorii-sozdaniya-konstitucii_t4-kniga3.pdf> [Accessed: 25.06.2025]. (In Russ.)
31. Ryzhkov, N.I. (2009). Glavnyj svidetel'. M.: Ehksmo. (In Russ.)
32. Scheiring, G., Szombati, K. (2020). From Neoliberal Disembedding to Authoritarian Re-Embedding: The Making of Illiberal Hegemony in Hungary. *International Sociology*. Vol. 35. No. 6. P. 721–738.
33. Schnelle, C., Baier, D., Hadjar, A., & Boehnke, K. (2021). Authoritarianism Beyond Disposition: A Literature Review of Research on Contextual Antecedents. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. P. 676093.
34. Serrano, A., Garcia, G. (2018). The Day Spain Voted "Yes" to the Spanish Constitution. El País. [Online] Available at: <https://english.elpais.com/elpais/2018/12/06/album/1544090962_129576.html> [Accessed: 26.06.2025].
35. Szilágyi, A. (2009). "Kholodnaya grazhdanskaya voyna" — uzhivutsya li dva vengerskikh klassa v odnom gosudarstve? In: Kholodnaya grazhdanskaya voyna — raskol vengerskogo obshchestva. Transl. by I. Osipova. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
36. Tóth, I.G. (2015). Country Report on Growing Inequality and Its Impacts in Hungary. Budapest: Tárki Social Research Institute.
37. Tusell, J. (2011). Spain: From Dictatorship to Democracy. New Jersey: Wiley-Blackwell.
38. Zubok, V.M. (2023). Collapse: The Fall of the Soviet Union. Transl. by T. Aleshicheva, A. Kan, Yu. Trepalina. M.: AST. (In Russ.)
39. Global Data on National Parliaments (1977). [Online] Available at: <https://data.ipu.org/election-summary/PDF/SPAIN_1977_E.PDF> [Accessed: 16.06.2025].
40. October 27, 1989: Constitutional Reform Begins in the RSFSR. Electronic Museum of Russia's Constitutional History. [Online] Available at: <http://rusconstitution.ru/timestream/event/70/> [Accessed: 18.08.2023]. (In Russ.)
41. Russian Statistical Yearbook 2005 (2006). M.: Rosstat. [Online] Available at: <https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b05_13/IssWWW.exe/Stg/06-01.htm> [Accessed: 11.06.2025]. (In Russ.)

30-летие Шанинки

С. Э. Зуев

«Пространство эксперимента Шанинки очерчено энергией изначальной идеи»

Сергей Эдуардович Зуев — кандидат искусствоведения, профессор, научный руководитель МВШСЭН, ректор МВШСЭН в 2011–2023 гг.. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** zuev-sergey@yandex.ru.

Аннотация: В интервью исследуется феномен Шанинки как особого университета на постсоветском пространстве, сформировавшего биографии многих представителей современной гуманитарной элиты. Ректор Шанинки в 2011–2023 гг. Сергей Зуев рассказывает о «механизмах перевода» структуры личности основателя Школы в структуры университета, о геноме Шанинки и способах его дальнейшей трансляции. Интервью провела **Ольга Борисовна Солодовникова**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС.

Ключевые слова: Шанинка, Теодор Шанин, университет, формирование элит

Для цитирования: *Зуев, С. Э.* «Пространство эксперимента Шанинки очерчено энергией изначальной идеи» / Интервьюер О. Б. Солодовникова // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 55–65.

Тёплые воспоминания о Шанинке спонтанно возникают во многих контекстах: буквально накануне нашего с Вами разговора, Сергей Эдуардович, я встречалась со своей подругой, Вашей выпускницей, и как-то слово за слово она погрузила меня в атмосферу уважительной нежности к своей альма-матер. И это не исключение; если общаешься с людьми, имеющими дело с культурными ценностями, желающими нечто содержательное сказать в своей жизни — с большой вероятностью обнаружишь Шанинку как значимый факт их биографии.

Есть такое, да.

Это ведь удивительно по-своему. Чтобы множество акторов в социокультурной сфере — после всех пертурбаций в России — оставались референтными одному конкретному вузу.

Ну, насколько удивительно, посмотрим лет через сорок-пятьдесят.

Что изменится на этом отрезке?

Есть разница между мемуарами и архивами.

Разве одно достовернее другого?

Вопрос не в том, что одно ценнее, а другое менее ценно, а в том, что архивы более исторически устойчивы. Даже не весомы — весомость вопрос более сложный — а именно устойчивы. Воспроизводимость о чём-то говорит.

Мы находимся в мемуарной стадии, но ведь и она имеет некоторую предысторию. Редко кто в юности озабочен сохранением своих мемуаров, чаще такая работа говорит об особом моменте жизни, связанном с рефлексией о себе и пройденном пути. Шанинка к нему подошла? Или рано делать выводы, оглядываться назад и так далее?

Не рано конечно. Но статус такой рефлексии равен памяти одного поколения. Разговор о культуре, о культурных паттернах начинается, когда память выходит за пределы одного поколения, а этого — в случае с Шанинкой — ещё не произошло. Вся она присутствует в субъективной памяти тех, кто сейчас живёт и мыслит, вот как ваша подруга. Память поколения — тоже существенная вещь: она не лучше и не хуже, но у неё есть свои пределы. Мы можем найти примеры, когда определённые культурные достижения закреплялись помимо поколенческой памяти, то есть то, что казалось не очень существенным на конкретном временном отрезке, потом обнаруживало себя как подлинно важное. Почему-то, по разным причинам. Ну и наоборот. Очень часто то,

что поколение считает существенным и важным, в следующие периоды уходит в забвение, как-то растворяется в истории, превращается во что-то иное. Иногда, впрочем, обе памяти вполне синхронизированы. Но это разные пространства — мемуарная и архивная память. Когда заканчивается мемуарная память, тоже большой вопрос. Некоторые поколения меряют разницу между собой периодами в 10–12 лет, или того меньше. А в других случаях требуется, чтобы одно поколение совсем сошло со сцены, и пришло новое. Это уже как сложится. Поэтому что нам остаётся? Конечно, в поколенческой рефлексии феномен Шанинки присутствует. Тут вы совершенно правы: куда ни пойдёшь, обязательно наткнёшься на кого-то, кто с институтом связан. А что дальше?.. Ну, посмотрим. Я просто не первый раз такие разговоры веду, потому что целый ряд наших выпускников, которые находятся в разных географических точках мира, интересуются схожими вопросами о судьбе института. Осторожность в оценках у меня уже входит в какую-то привычку.

В таком случае разрешите обратиться к области гипотетического. Предположим, когда-то история Шанинки будет написана. Как бы Вы сейчас, со всеми оговорками про поколение и собственную субъектность, представляли бы адекватный вариант её изложения? Это, например, протоколы шанинских заседаний, конспекты основных лекций, мемуары известных преподавателей, классическая монография, посвящённая культурному феномену Шанинки?.. История ведь имеет обычно какой-то образ. Какой он у Вас?

Если относиться к Шанинке как к феномену культурному, то можно сослаться на законы культурной же памяти: нужно всё, что вы перечислили, и ещё что-нибудь. О культуре часто думают превратно, будто она складывается из каких-то закрепленных культурных паттернов, которые сознательно и бессознательно предписывают нам определённую линию поведения или думания. А мы просто воспринимаем эти паттерны или привычки. На самом деле, работа с культурой всегда подразумевает выбор. Про это, собственно, писали и говорили многие. Мне, например, в силу моего образования наиболее близка школа семиотики культуры Ю. М. Лотмана. Или, скажем, о том же, как мне кажется, идет речь в «Отсутствующей структуре» Умберто Эко.

Что там важно… В отличие от научных парадигм, любой культурный паттерн частичен. Есть трактовки: пьяному, как известно, море по колено, но при этом — лужа по уши. И то, и другое. Оба утверждения существуют, и оба принадлежат памяти культуры. В истории философии мы видим то же: одновременно уживаются диаметрально противоположные утверждения, и это имеет право на существование. Тут нет такого научного позитивизма, где обязательно одно утверждение

должно быть истинным, а другое — ложным, если мы не рассматриваем, конечно, их в исторической последовательности. В области культуры определённые формы поведения — это всегда выбор. Какую сторону поговорки вы выбираете для себя в качестве культурного аргументирования, строго говоря, ваше дело. В этом смысле история культуры — это ящик, в котором есть всё. В том числе диаметрально противоположное, но при этом соседствующее друг с другом. Поэтому, отвечая на ваш вопрос: если относиться к Шанинке как к факту культуры, то и описан он должен быть с разных сторон, по-разному, и даже с противоположными знаками. Шанинку можно увидеть как ту точку, вокруг которой строились ситуации выбора и человеческого самоопределения. Таких точек, на самом деле, не очень много в одном поколении, особенно если привязывать их к какому-то конкретному географическому пространству. Если Шанинка позволяла культуросообразно выстраивать стратегии человеческого поведения, то эти стратегии не обязательно должны совпадать. Сущностным является сам ресурс, сама энергетика, относительно которой эти стратегии становятся возможными. Шанинка такая. И чем больше вокруг неё, вокруг её истории будет разного, тем более очевидным будет именно культурный статус этого явления под названием Шанинка. Не только для одного поколения — нужна ведь точка отталкивания — но и для каких-то более масштабных временных отрезков.

В описанной Вами истории есть ещё некий «антропологический поворот»: Вы говорите не просто про общество, культурный вклад и прочее, а именно про людей и их судьбы. Шанинка как институт, который сделал что-то очень важное с биографиями ключевых людей, действующих в гуманитарной сфере в нашей стране. Можно ли тогда назвать Шанинику вузом, который воспитывает элиты? Понятно, что элиты — сложное слово. Но если понимать его в определённом, качественном ключе...

Как качество отличия от современности, наверное. Это всё Гегель сформулировал: способность не быть навозом истории. Не совпадать с фоном времени.

Да, Шанинка как институт, который даёт право на биографию. Который создаёт биографию — в противоположность фоновой этнографии.

Ну да. По крайней мере, Шанинку можно рассматривать как одну из тех точек, относительно которых биография обретает фабулу и сюжет. Далеко не все институции, вне зависимости от их масштаба и какого-то временного влияния, являются реперами такого рода. А Шанинка с высокой степенью вероятности такой стала. Хотя, конечно, здесь возможны ошибки.

Вот вы сказали «стала». Я, однако, вспомнила опять свой разговор с подругой, выпускницей одного из первых шанинских наборов, и её личная память такова: то, что давали шанинские преподаватели тогда, на заре новой России, стало возможно применить в работе только спустя 15–20 лет, когда среда дозрела. Поэтому ощущение такое, что Шанинка не «становилась», не росла как-то параллельно истории страны, а сразу «стала». Родилась как концепт и институция по щелчку. Может быть, это поверхностный взгляд, и Вы как раз видите этапы становления?

Я думаю, здесь мы подошли как раз к тому самому вопросу о роли личности в истории. В своё время у городских архитекторов, которые занимались созданием научных городков в разных точках мира, была некоторая привычка: перед началом собственно практического проектирования, когда все идеи кладутся на карты, мастер-планы и так далее, брать глубинные интервью у человека, который должен был возглавлять научный конгломерат, ядро и центр поселения. С помощью таких интервью они пытались перевести способы его мышления, аргументации и так далее в какую-то пространственную структуру, которой должны соответствовать дороги в городе, сервисные службы, сетка расселения и пр. Такой вот был перевод языка научного мышления в язык архитектурного проектирования. Эта метафора по-своему хороша. Я думаю, что непроизвольно, естественным путём в случае с Шанинкой случился похожий перевод структуры личности Теодора в структуры университета. Личность Теодора как-то отпечаталась на материале совсем иного рода: не антропологическом, а институциональном. Как этот перевод осуществился, неизвестно. Никто это специально не обговаривал, я, во всяком случае, не знаю, чтобы оно специально обговаривалось. Собственно говоря , это и есть возможный способ написания истории Школы: как происходила конвертация одного в другое.

Очень интересно! Из биографии одного рождается реперная точка для формирования биографии многих, рождается институция.

При этом нет намерения сказать, что из Шанинки должны были вываливаться такие маленькие теодорчики. Это совершенно не так. Вываливались разные, по-разному и очень от Теодора отличающиеся. Но, думаю, можно сказать, что у всех присутствовал некий генетический код, который достаточно безошибочно улавливается. Особенно теми людьми, которые каким-то образом в своей жизни с Шанинкой соприкасались. Надо спросить у наших социологов, антропологов, историков, каким образом может работать такая система оповещения, как это срабатывает. Собственно, мы с этого начали разговор: шанинец узнаваем, и особенно узнаваем таким же шанинцем. Думаю, какой-то личностный отпечаток Теодора лёг в основу этого генома.

Например?

То, что на поверхности, довольно понятно: например, отказ быть современным. То есть не растворяться во времени.

Не служить духу времени, не подлаживаться?

Конечно. Время течёт по-разному, его можно по-разному воспринимать. Я думаю, для Теодора качество несовременности было принципиальным. Биограф Шанина подобрал очень правильный атрибутив — «несогласный Теодор». Несогласный с чем или кем? Со своим временем, в первую очередь. Эта качественная характеристика основателя очень чувствуется. Когда Теодор ушёл с поста ректора и серьёзно болел, почти не принимал участия в школьных делах, он всё равно был в Шанинке. Потому что успешность тех или иных решений, касающихся Школы, совершенно точно могла измеряться в таких единицах, как мера синхронизации с его геномом. У тебя могут быть свои представления о жизни, но, если они никак не синхронизированы с Шанинкой — просто отойди в сторону и делай свою структуру. Если же ты здесь, то историческая рефлексия, пусть даже не очень глубокая, но всё же ответственная, должна присутствовать. Она не является руководящей силой по отношению к тому, что ты делаешь, скорее — рамочной конструкцией. Этот фактор нельзя не учитывать. Геном, заложенный Теодором, универсален, как прототип в его изначальном смысле. Можно вспомнить хрестоматийный пример с классической античной демократией: реальный исторический период, в который она существовала, не превышает шести десятков лет. И больше она никогда не повторялась в своем изначальном виде. Но этот прототип продолжает оказывать какое-то невероятное влияние на протяжении двух с половиной тысяч лет на значительно большие территории. Повторить античную демократию невозможно, но и не учитывать её нельзя: не в качестве образца для подражания, а именно в качестве прототипа, то есть некоей изначальной стихийной энергии. При этом нет никакого равенства смыслов между образцом и стихийной энергией, по природе своей это противоположные сущности, потому что прототип, протос, стихийная энергия — может воплощаться в разнообразных формах, в то время как образец требует простого повторения. Вот эту энергию — сохраняющуюся при внешних изменениях — я и называю геномом. Повторить Шанинку времён Теодора невозможно и бессмысленно, ситуация изменилась. Но и не учитывать шанинского протоса нельзя: пространство эксперимента Школы очерчено фактом присутствия энергии изначальной идеи.

Вы упомянули античную демократию, и действительно, Школа, которая есть Школа конкретного человека по преимуществу, им основана

и его энергией живёт, восходит к античным или средневековым понятиям, и кажется совершенно не соответствующей технократической модели получения современного образования как навыков по случаю.

Это именно университет. В том смысле, что любой университет — пусть и в значительно большем масштабе — живёт по тем же законам. Любая новая генерация университетов — это не попытка «догнать время», а, напротив, попытка вернуться к изначальной идее. Как корабль раз за разом очищают от наслоений, разных ракушек и водорослей, которые прилипли к нему во время предшествующего плавания. Реформирование образования есть просто возвращение к его изначальной идее, если оно хоть сколько-нибудь преследует образовательные цели. В этом смысле университет относится к понятиям, которые являются критическими, по крайней мере, для европейской цивилизации. Критические технологии постоянно сменяют друг друга, а вот критические понятия — неизменны. На каждом витке требуется усилие возвращения к их изначальным значениям. Это, если хотите, абсолютно античная, аристотелевская идея: возникающее не завершено и движется к своему началу, а потому позднейшее по возникновению первее по своей природе. Метод гуманитарных наук базируется на этом, на возвращении к тому же самому — к раз уже данному, но по-другому. В этом смысле Школа Теодора — это университет, или принадлежит к тому же классу понятий.

Мы живём в постсоветской России, где временной горизонт сохранения любого института, основанного на энергетическом протосе первого основателя, видится очень коротким. Я даже скажу так: именно то, что основано на факте биографии человека, его личной воле и энергии, — воспринимается подчёркнуто ненадёжно. Всегда есть масса «доброжелателей», уверенных, что не будет отца-основателя — не будет и института. Мол, человек слаб и жалок, а против лома нет приёма, поэтому все эти идеи сохранения традиции, институционализации биографии — бессмысленны. Тогда задача трансляции шанинского генома может быть поставлена и в ином ключе: как утверждение тезиса, что основанное на биографии, на человеке и его энергии, может быть не менее прочным, чем основанное на властных, экономических и других системах отношений. Право на устойчивость биографии в истории, устойчивость традиции, имеющей в основе своей память о человеке и людях, — всё это нуждается в том, чтобы быть доказанным.

Ну да, я могу только согласиться, и отметить, что вот это возвращение к изначальной идее, некие петли, которые нам приходится проделывать с исторической и культурной рефлексией — являются техникой интеллектуального существования такого рода вещей

и гуманитарных институций. Я бы добавил ещё известную цитату из Гёльдерлина, которую приводит Хайдеггер: спасение — это не обязательно продолжение существования в той же форме, дление существующего. Спасение, по Гёльдерлину, может осуществляться в формах весьма непривычного характера.

В таком случае особенно важно понимать, в чём именно суть спасаемого — вненаходимая по отношению к любой фиксированной форме. Этот вопрос весьма нетривиальный.

Вот эта идея прототипа, эта шанинская энергетика, я бы сказал, даже на нашем коротком временном промежутке существует не только в стенах институции, которую мы обсуждаем. Вероятно, нас ждёт некая стадия экспериментирования, когда нужно будет внимательно смотреть, что прорастёт в разных интеллектуальных и географических точках, связанных этой энергетикой. И что из этих ростков вырастет.

Но то, о чём Вы говорите, всё-таки требует ясного ответа на вопрос, откуда ты родом. Творчество новых форм, к которому Вы апеллируете, требует большой внутренней собранности, бдительности относительно протоса, чтобы не стать случайно чужим искомому геному. В русской традиции есть совсем простой вопрос: «чьих будете?» Если его адресовать современным шанинцам, то как на него ответить, расширяя понятные слова про Теодора? Какие принципы вашей жизни, вашего протоса первичны, какие из них нельзя «сдать» ни при каких условиях?

Понимаете, есть вопрос концепции. Концепция — это всегда про принадлежность, самовыделение, идентичность, помещение себя на какую-то объемлющую карту. А есть вопрос проектирования, и он связан с решением о том, что конкретно сохранять. Я надеюсь, что сохранять будут разное и в рамках разных проектов, оставаясь при этом в более-менее пересекающихся концепциях. Сам себя я пока удерживаю от режима проектирования. Это намеренная искусственная остановка, потому что по некоторым признакам я склонен считать, что время проектирования ещё не наступило, пока длится время заповедника. В экологическом смысле заповедник нужен для того, чтобы сохранить всех краснокнижных птичек, то есть всё редкое. Строго говоря, не за чем, просто чтобы было. В гуманитарной сфере режим заповедника выполняет похожие функции: он сохраняет некоторый потенциал, который ещё не превратился в ресурс для чего-то иного. Каким образом применить то, что сохранено, — это уже другой вопрос, вопрос проектирования. Я держу свои мысли о Шанинке в режиме заповедника, стараясь сохранить, что можно и что получается, в надежде, что со временем кто-то, включая меня самого, начнёт

рассматривать всё сохранённое как повод для социального действия, имея уже и конкретное целеполагаение, и ресурсообеспечение, и всё такое прочее. Концептуализация уже предполагает некое действие, обозначение себя. Замечу, однако, что действие это, опять-таки, не детерминированное в духе: раз ты такой, раз геном такой, следовательно, путь заранее ясен и определён. Нет, здесь как с пословицами и поговорками: может быть по колено, а может быть и по уши. В зависимости от того, какие акценты расставишь. В принципе, некоторые подходы к концептуализации совершаются уже сейчас, пока мы находимся в режиме заповедника. Поэтому так важны различные формы коммуникации: семинары, совместные книжки и журналы и прочее. Из нашего заповедника в разные стороны начинают «вываливаться» разные проектные инициативы, за которыми стоят люди, готовые переводить имеющийся потенциал в ресурс для тех или иных шагов. Моя книжка про университеты, кстати говоря, была в основном ответом на вопрос, кто мы, а не что делать или что конкретно спасать и сохранять.

Продолжая мысль о заповеднике: для экологического заповедника важно сохранить систему в целом, со всеми специфическими связями между краснокнижными птичками и другими животными. То, что Вы говорите о значении коммуникации между современными шанинцами, является неким аналогом такого сохранения? Практики общения оказываются тем резервуаром, в котором может поддерживаться энергия протоса?

Ну, наверное, да. Речь идёт о каких-то видимых и невидимых колледжах, которые позволяют удерживать общую когнитивную сеть, если говорить про Шанинку. Есть, вероятно, и другие формы. Мы просто пользуемся тем, в чём хоть что-то понимаем. Будь на нашем месте кто-то другой, он для аккумуляции той же самой энергии мог бы предложить какие-то другие практики — музей-не музей, архивную работу как некую точку кодирования... Многое возможно. По большому счёту, за такие вещи отвечает традиция.

У культуры есть масса знаков, которые никуда не исчезают, хотя и могут предаваться забвению. Но забвение, как мы знаем, это не забывание и не разрушение. Согласно уже упоминавшейся семиотической школе, бывает так, что воспроизводится некий культурный знак, значение которого по тем или иным причинам уже забылось, осталась одна привычка использования: университетские праздники, совместные обеды, ещё что-то. Но в любой момент трансформации из имеющегося набора культурных знаков отбираются те, которым можно приписать значения, актуальные для настоящего, которые задают нужные проектные установки. И вот за счёт этого, с одной стороны, сохраняется некоторая культура,

а с другой стороны, остаётся пространство для её нетривиального развития.

Можно вспомнить культурно-историческую концепцию Льва Семёновича Выготского, согласно которой взросление связано с искусством работы со знаками, которые ребёнок наблюдает вокруг: он их либо наполняет теми же значениями, которые ему транслируют взрослые, либо приписывает им другие значения, — и за счёт этого не только социализируется, но и обретает свои уникальные темп и направление развития. Собственно, этот баланс между социализацией и поиском собственной уникальности и составляет главное существо человеческого взросления.

С культурой почти то же самое. Слава Богу, человеческая память несовершенна и, скажем, такой знак, как наличие Теодора в библиотеке Шанинки может и сегодня прочитываться по-разному: может, он не любил свой кабинет, а может, хотел, чтобы с ним поговорили, а может, смотрел, сколько студентов трудятся в библиотеке, — и масса других трактовок.

Знак остаётся постоянным, но ему приписываются разные сущности и разные значения. Поэтому так велика роль метафор: метафора — это искусство приписывать привычному знаку непривычное значение, и наоборот. Уже упомянутый Умберто Эко писал, что готический собор в момент его постройки, во времена Просвещения и в настоящее время — это один и тот же культурный знак, но с совершенно разными значениями.

Я буду надоедать со своими буквоедскими вопросами. У меня ведь простая, даже в каком-то смысле приземлённая задача: всё-таки очертить круг того, что Шанинкой являлось и что может ей остаться на новом этапе. Вы ведь допускаете, что некие принципы жизни той экосистемы, которая похожа ныне на заповедник, могут быть сформулированы?

Да, могут, но это будет уже подходом к конкретному проекту.

Понятно. И это пока закрытый для Вас ход?

Я себя от него удерживаю. Когда я писал книжку про университет, одна из монографий, на которые я опирался, была «Университет в руинах» Билла Ридингса. Он там рассуждает, каким образом закат национального государства приводит к крушению привычных университетских систем. Закаты могут быть разные, крушения тоже возможны — поэтому да, справедливо суждение Гёльдерлина, что спасение — не обязательно продолжение той же формы. Конечно, в некоторой перспективе придётся, взирая на руины, как-то их перестраивать и трансформировать.

Но не сейчас?

Наверное, это просто отдельный разговор. Есть какие-то соображения. Скажем, я считаю, что одной из ключевых черт шанинского генома является постоянное воспроизводство ситуации выбора в жизни человека. Студент, преподаватель, научный исследователь в нормальном случае на каждом шаге вынужден возвращаться к началам, чтобы избежать «развоплощения», слияния с фоном. И это, как кажется, очень связано с ролью античного наследия в нашей европейской традиции, а в широком смысле — с гуманитарной наукой, гуманитарным сознанием. Гуманитарная наука, судя по истории, не должна определять, что «окончательно правильно», а потом пускать людей в атаку с этим знанием. Её представители вынуждены всё время возвращаться к ситуации выбора, рефлексии. Это одно из качеств, которые я готов приписать шанинскому геному. Оно не единственное, и оно, конечно, присуще и многим другим институциям, особенно университетам. Поэтому важно нетривиальное сочетание разных качеств в одном небольшом сообществе шанинцев, которое, собственно, и создаёт лица не общее выражение . Можно отдельно поговорить на эту тему, но мне требуется ещё немного подумать. Я надеюсь, однажды мы просто продолжим там, где сейчас остановились.

S. Zuev

“The space of Shaninka’s experiment is outlined by the energy of the original idea”

Sergey Zuev — PhD in Art History, Professor, Scientific director of the MSSES, Rector of the MSSES in 2011–2023. **Address:** Moscow, Gazetny lane, 3-5, p. 1. **E-mail:** zuev-sergey@yandex.ru.

Annotation: The interview explores the phenomenon of Shaninka as a special university in the post-Soviet space, which has shaped the biographies of many representatives of the modern humanitarian elite. Rector of Shaninka in 2011–2023 Sergey Zuev talks about the “mechanisms of translation” of the personality structure of the founder of the School into the structures of the university, about the Shaninka “genome ” and ways of its further translation. The interview was conducted by **Olga Solodovnikova**, PhD in Philology, Senior Researcher at the Center for Field Research at the INSAP RANHIGS.

Key words: Shaninka, Teodor Shanin, University, formation of elites

В. В. Радаев

«Шанинка была личным проектом Теодора»
Интервью о создании Шанинки

Вадим Валерьевич Радаев — доктор экономических наук, профессор, первый проректор НИУ ВШЭ, заведующий кафедрой экономической социологии, заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований, главный редактор журнала «Экономическая социология» **Адрес:** Г. Москва, АУК «Покровский бульвар», Покровский бульвар, д. 11. **Электронная почта:** radaev@hse.ru.

Аннотация: Вадим Валерьевич Радаев — один из первых преподавателей Шанинки, с которым Теодор Шанин согласовывал важные кадровые решения, рассказывает о малоизвестном этапе существования Московской школы, предшествовавшем её организации: неудачном старте в начале 90-х годов и стажировках преподавателей в подготовительный период. В интервью также затронуты обстоятельства «золотого времени» существования Московской школы, на которое приходится преподавание «великой четвёрки», оставившей огромный след в отечественной социологии: Геннадия Семёновича Батыгина, Александра Фридриховича Филиппова, Александра Олеговича Крыштановского, Вадима Валерьевича Радаева, они были научными руководителями студентов и отвечали за приём и общую программу. В этот период на факультете также читали свои курсы представители старшего поколения: сам Теодор Шанин, Татьяна Ивановна Заславская, Владимир Александрович Ядов. Раскрывается практический смысл принципа университетской автономии, которым руководствовался сам Шанин и коллеги-преподаватели. Подчёркивается значение Московской школы как инновационной образовательной модели, которая послужила образцом для других государственных и негосударственных университетов. Освещается организация исследовательской деятельности Интерцентра, первого научного подразделения Шанинки под руководством Вадима Валерьевича Радаева, этот центр был основан до открытия Московской школы. Интервью провела **Ирина Васильевна Дуденкова** — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии ИОН РАНХиГС, декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка).

Ключевые слова: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Теодор Шанин, университетская автономия, инновационная образовательная модель, Интерцентр

Для цитирования: *Радаев, В. В.* «Шанинка была личным проектом Теодора». Интервью о создании Шанинки / Интервьюер И. В. Дуденкова // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 66–78.

Пожалуйста, расскажите, как создавался факультет социологии в Шанинке

Если говорить об истории факультета, то надо начинать с самого начала. И в этом самом начале есть большое белое пятно. Я посмотрел историю Шанинки на её сайте, там этого периода нет. Назовём его подготовительным. Пишут, что Шанинка начала работать в 1995 году, но история её создания значительно длиннее. И это принципиальный факт.

Для меня эта история началась в сентябре 1990 года. Ближе к концу Летней школы в Кентерберри Теодор пригласил меня в Кембридж, где был тогда профессором в Тринити колледже, и сделал мне предложение поучаствовать в создании новой Школы, которая по первоначальной идее называлась «Британский колледж в Москве». Речь шла о graduate school, организуемой в Москве по образцу британского университета. Когда эта идея появилась как таковая, я не знаю, но для меня она возникла именно в 1990 году. И тогда же с присущей ему энергией Теодор начал её разворачивать.

Поскольку я согласился, я был сразу привлечен к работе, и эта работа началась, помимо прочего, с отбора будущих преподавателей. При этом, курьезным образом, я, вчерашний экономист, только ещё мигрирующий в социологию, оказался в отборочном комитете. Я сидел с Теодором, и мы отбирали будущих коллег, включая, например, Александра Крыштановского, который уже был значимой фигурой в социологии, и ясно, по нему вопросов вообще не было никаких. И так мы набрали первую команду. В первую очередь, команду социологическую. Вы спрашивали: «Почему возник именно факультет социологии, а не, скажем, социальных наук?» Правильнее сказать, почему возникли другие факультеты. Потому что социология вообще не обсуждалась, это был самый первый и самоочевидный шаг. Шанин сам социолог, и первое, с чего всё начиналось, было создание социологии. А уж к ней прилепилась социальная работа, потому что Теодор, как известно, был также социальным работником и, вдобавок, это была исключительная новация для России — попытка создать то, чего совершенно в России не было. Попытка, как мы знаем, в итоге не очень удачная, но отчаянная и благородная, как всё, что Теодор делал. Ну и третьим был факультет права, уже как некоторое расширение первоначального замысла.

Кстати, раз мы говорим об истории, задавались ли Вы вопросом почему Шанинка называется «Московская высшая школа социальных и *экономических* наук»? Ведь никакой экономики там нет. И это потому, что, конечно, там предполагалось создание факультета экономики, а не только права.

Я предполагала, что Теодора интересовала эта сфера?

... и были заинтересованные люди, это были экономисты, которые сотрудничали в Интерцентре, их имена сейчас хорошо известны — Андрей Белоусов, Андрей Клепач.

Шанин был с ними непосредственно знаком.

Более того, они вели свои проекты в Интерцентре и были частью общего дела в начале 1990-х. И надо иметь в виду, что факультет экономики планировался, но не состоялся, как-то не получилось. А название осталось. Парадоксально, но состоялась Школа социальных и экономических наук без экономики.

Теперь вернёмся к самому началу. Итак, отобрали первую команду для будущих трёх факультетов. И нас тогда направили обучаться в британские университеты. Этот первый десант состоялся в 1991 году. Было сделано два массовых заброса, чтобы мы там обучились, поднахватались и усвоили самое важное, а потом всё это в клюве принесли в Москву.

А дальше что произошло? В это время в Москве шла работа по созданию нового университета, которая, к сожалению, закончилась неудачей. Проект не состоялся и, возможно, поэтому сейчас не принято об этом вспоминать. Дело в том, что на первом этапе делался расчёт на государственную поддержку. И её обещали образовательные Министерства — сначала союзное, затем российское. И, помню, все начальники говорили: «Ой, как здорово!», обещали выдать здание и прочие ресурсы (я участвовал в ряде таких встреч). Все эти обещания в итоге не были выполнены. Совсем.

Итак, проект провалился. Но Теодор не оставил своих планов, и в этот переходный период он открыл Интерцентр, который был не образовательным, а исследовательским центром. У меня дома до сих пор лежит одна из брошюр Интерцентра, где перечислены проекты и их руководители с фотографиями. Шанин и Заславская были сопрезидентами Интерцентра, я через какое-то время стал исполнительным директором, а Саша Крыштановский отвечал за IT. Но в итоге из первой команды, которая должна была создавать социологический факультет, остались только мы с Крыштановским. Остальные рассеялись: проект закрылся, в Интерцентр попали не все, кто-то ушёл или уехал из страны.

А что там за имена фигурировали, в первом списке преподавателей?

Там были, например, Виктория Коротеева, Марат Штерин. Они давно уже куда-то уехали, и потом в этом деле никак не участвовали.

Почему, собственно, Московская школа состоялась? Потому что Абел Гезевич Аганбегян (тогда ректор Академии народного хозяй-

ства, где располагался Интерцентр), поддержал этот проект. Шанин и Заславская его попросили, и Аганбегян поддержал, он вообще человек широких взглядов, очень крутой, и он просто выдал площадку и частичную финансовую поддержку. Без него Шанинки не было бы. И тогда это закрутилось заново, нас опять десантировали в разные британские университеты, но команда была уже другая. Так на социологии сложилась базовая четвёрка преподавателей этого факультета, которая в моем понимании и, думаю, в понимании многих, в первую очередь ассоциировалась с факультетом социологии Шанинки.

Это был как бы золотой период, многие говорили — лучший. В эту четверку преподавателей входили Батыгин Геннадий Семёнович, Филиппов Александр Фридрихович, Крыштановский Александр Олегович и я. Конечно, преподавали ещё и другие коллеги, сам Теодор преподавал Социологию знания и другие дисциплины. Татьяна Ивановна Заславская преподавала Трансформацию российского общества. Владимир Александрович Ядов преподавал. И еще привлекались достойные коллеги каждый год, не только мы вчетвером вели курсы. Но ядром были эти четверо. Мы по сути отвечали за факультет —за приём, за общую программу. И мы были научными руководителями студентов, то есть студенты расходились по нам, по четверым. При этом мы были очень разными по своему бэкграунду и по-человечески очень разные. И студенты выбирали нас в соответствии со своими пристрастиями. Соответственно, за каждым выстраивались плеяда учеников. Так строилась основа факультета, который считался не последним, многие говорят даже лучшим факультетом в Шанинке долгое время.

Как принимались решения о содержании образовательной программы? Первый принцип — это нормальная академическая автономия. Как это строилось в британских университетах? Там люди читали в основном то, что могут читать или что считают целесообразным. Каждый из нас выбирал себе курсы, и я не припомню, чтобы мне кто-нибудь указывал, какие курсы я должен читать, равно, как не припомню, чтобы кто-то из нас говорил другим, что они должны читать, тем более, чтобы кто-то вмешивался в содержание программ. В результате произошло естественное разделение дисциплин. Батыгин читал Методологию социологического исследования. У него также был курс, который многие считают техническим, хотя это не так, это Библиография социологического исследования, редактирование и подготовка статей. Саша Филиппов читал, конечно, Историю теоретической социологии. Я читал базовый курс Социальной стратификации и Экономическую социологию с какими-то спин-оффами в Социологию предпринимательства и Социологию рынков. А Саша Крыштановский, естественно, преподавал Анализ количественных данных.

Притом что мы были очень разными, выходцами из совершенно разных сфер и реально очень разными по характеру, мы как-то уди-

вительно хорошо договаривались между собой, прекрасно просто. Почему? Думаю, умные и реально заинтересованные люди всегда договорятся — вот что я вынес из этой истории. И всё происходило без всякого напряжения: во-первых, у нас всё было основано на академической автономии, во-вторых, на наших личных договоренностях — в итоге всё как-то так нормально и консенсусно складывалось.

Далее по поводу деканства. Первым деканом стал Батыгин. Я совершенно не помню, как принимались решения по этому поводу, но это решение было совершенно естественное, потому что Батыгин был старшим среди нас. Разница в возрасте была не столь велика, но всё-таки он был постарше. Я был, наоборот, самым молодым. Но дело не в физическом возрасте, просто Батыгина мы воспринимали как старшего. Это субъективно-объективное восприятие, он выглядел и вел себя как старший, если Вам угодно, как мудрый человек, мудрец. И это право за ним признавалось, когда он стал деканом. Вдобавок к его педантичности и обстоятельности, это был наилучший выбор.

Батыгин был деканом с 1995-го по 1999 год. А дальше, как во всяком британском университете, предполагалась ротация. Наши возможности для ротации были ограничены существенно, потому что Саша Крыштановский к тому времени стал первым деканом факультета социологии в Высшей школе экономики, то есть деканом-основателем. И ему было чем заняться, он продолжал преподавать в Шанинке, но быть деканом в двух учреждениях, как Вы понимаете, не очень удобно. А я с 1999 года был проректором в Высшей школе экономики с непрерывно возрастающим числом обязанностей и направлений. Поэтому я преподавал и, более того, активно участвовал в жизни Шанинки, в её развитии (не только на уровне факультета социологии), но становиться деканом тоже не мог. Однако ротация всё же состоялась, и с 1999 года по 2003 год деканом стал Саша Филиппов, за что ему огромное спасибо; он включился в эту историю и вновь никаких вообще проблем не возникло. Мы были благодарны обоим коллегам, что они взяли на себя эти обязанности.

С 2004 года деканом стал Дима Рогозин, и начался новый цикл, означавший, что у руля начали становиться наши студенты, а Рогозин был одним из лучших наших студентов, он ученик Батыгина, как известно. Так началась новая фаза истории.

Как набирались студенты на программу? Это до сих пор острый вопрос.

Конкурсов высоких в Шанинку никогда не было. И даже проблемы с набором там существовали, будем откровенны. Но на подобных специальных магистерских программах вообще не ожидается каких-то больших конкурсных цифр. И даже из небольшого количества очень трудно было выбрать, потому что Школа давала стипендии, которых хватало не на всех, а платить за обучение могли тоже не

все. И при этом всё-таки конкурс был. Но главное, приходило, может, и относительно, небольшое количество абитуриентов, но это были очень качественные ребята со всей страны. Как они отбирались? Вот мы вчетвером сидели и отбирали.

Через собеседования?

Собеседования помню точно. Мы сидели лицом к лицу и собеседовали, потом мы обсуждали кандидатуры между собой и принимали консенсусные решения: кого берём, кого не берём, кто получает стипендию, кто — нет. Несколько раз выезжали в Новосибирск (кузницу социологических кадров) и отбирали там, на месте. В итоге, через Шанинку прошло множество коллег, которые сейчас являются, можно сказать, ядром российской социологии, очень многие. И для меня лично Шанинка стала важным источником кадрового пополнения, потому что я в течение почти 20 лет руковожу Лабораторией экономико-социологических исследований в Вышке, и кадровый костяк этой лаборатории по сей день — выпускники Шанинки (или Вышки и Шанинки). Это Андрей Шевчук и Денис Стребков, которые недавно заслуженно получили Грушинскую книжную премию. Это Ольга Кузина, Зоя Котельникова, Лена Белявская (ранее Бердышева), Светлана Барсукова. Ряд выпускников впоследствии в самой Шанинке оказались на нерядовых позициях — Саша Никулин, уже упомянутый Дима Рогозин и другие. Они потом стали деканами и прочими руководителями, всех не упомянуть, но и перечисленных немало.

Какие моменты ещё хронически выпадают из истории? Когда-то работала совместная программа Шанинки с Вышкой по социологии. Я был её инициатором. Я не помню точные годы уже, к сожалению. В чём состояла идея (как мне казалось, полезная и даже красивая)? В какой-то момент в Шанинке наблюдался явный дефицит притока студентов. А так бывает почти всегда, когда у вас есть магистратура, но нет собственного бакалавриата. Откуда черпать хороших абитуриентов, если нет своего фундамента? Создавать свой бакалавриат возможностей не было, никто этого делать и не собирался, а рядом был лучший бакалавриат по социологии в стране — в Высшей школе экономики. Одновременно, в Высшей Школе экономики, где была своя магистратура, у определенной части студентов сохранялся интерес к Шанинке. Это небольшое, но устойчивое количество студентов, заинтересованных в теории. И поэтому была предложена идея создать совместную магистерскую программу, а точнее, объединить две уже имеющиеся. Чего не хватало Шанинке? Шанинка была негосударственным университетом, который выдавал свои дипломы. Все конечно гордились дипломами Манчестерского университета, которые выдавались по итогам валидации программ. Но государственных дипломов всё же явно не хватало. Тем более, позднее выяснилось, что

студенты в Шанинку идут не из-за британского диплома — люди шли за средой, шли в новую библиотеку, к преподавателям, у которых они хотели учиться, к программам, которые их интересовали.

Возвращаясь к совместной программе, договорились о схеме единения Шанинки с государственным университетом, выдающим государственные дипломы. Ты учишься год в Шанинке и параллельно в Вышке, где все курсы Шанинки перезачитываются. Завершив Шанинку за год, на второй год идешь в Вышку. Если не хочешь государственный диплом, можно никуда не ходить, остаешься с шанинским дипломом. Хочешь государственный диплом? — продолжаешь ещё один год, потому что государственная магистратура — два года, а не один. Согласитесь, беспроигрышная схема, которая просуществовала какое-то время. Это немножко взбодрило и поддержало историю с приёмом на социологию в Шанинку, поскольку бакалавры в Вышке были весьма неплохими. Да и внешних кандидатов Вышка могла дополнительно привлекать.

А сколько лет это продолжалось? Лет пять?

Нет, пяти лет не было, меньше. Почему? Потому что когда власть сменилась в Шанинке, Теодор отошёл от текущих дел, пришёл новый человек, началось обновление команды и планов, я вдруг выяснил, что эта совместная программа никому не нужна. То есть мне начали пристрастно задавать вопросы. «А что это за совместная программа?», «Зачем она здесь вообще?..», и так далее... Как будто это мне было нужно, а не самой Шанинке. Я один раз ответил на эти вопросы; а когда мне второй раз начали их задавать, я развернулся и ушёл. И программа прекратила своё существование. Я вообще-то её делал для Шанинки. Высшая школа экономики прекрасно существовала без этого и прекрасно существует по сей день. Мы на социологию только в бакалавриат принимаем в год по полторы сотни человек и в магистратуру ещё сотню.

Возвращаясь к периодизации, я бы разделил историю факультета так. Был подготовительный этап, который из официальной истории обычно выпадает. Говорят просто, что факультет социологии появился в 1995 году. А ведь до этого много чего происходило, были всякие взлёты и падения, когда всё фактически закрылось и закончилось, народ разбежался и разъехался. И потом, вдруг, когда уже никто не рассчитывал, что это будет, Школа состоялась. Теодор просто был человеком более чем настойчивым, он начал дело второй раз (много ли мы знаем таких примеров?), и вторая попытка оказалась успешной. И тогда началось то, что я бы назвал «классическим периодом» для факультета — с 1995-го по 2003 годы. Это были «лучшие годы» в Шанинке для меня, и надеюсь, не только для меня. Опять же, выпускники этого периода, кажется, отзываются о своём опыте неплохо.

Затем, после 2003 года начался своего рода переходный период, назовем его так. В том году из жизни ушёл Батыгин, которому было всего-то 53 года. Он выглядел как мудрец, а на самом деле, я его намного старше уже сейчас. В 2005 году ушёл из жизни Саша Крыштановский, которому вообще было 50 лет... Из четверых нас осталось двое уже. Просто как-то ужасно всё это. Ну и потом какие-то начались другие истории, за которыми я следил уже не очень внимательно. Кажется, в 2006 году объединили социологию с политологией. Полагаю, что если бы мы четверо были живы и на месте, при нас такое объединение не состоялось бы. Но былой четверки уже не было, а у меня уже была возрастающая куча обязанностей в Вышке. Но главное, было не в этом, а в том, что для меня лично этот проект закончился в 2007 году, когда Теодор перестал быть ректором и стал президентом. Он вроде бы не ушёл никуда, продолжал участвовать, но...

А почему принял это решение? Как-то он рассказывал об этом?

При всех перипетиях своей непростой биографии, он был всё-таки британским профессором. У него были свои представления, в том числе о ротации. Он в какой-то момент решил, что не должен уже заниматься текущим управлением и что становится президентом. Для него это, видимо, было какое-то естественное решение. Вот и всё. Коллег, которые пришли на смену (Каспржак, потом Зуев), я уважаю. И профессионально, и лично. Но для меня Шанинка была личным проектом Теодора. Я был частью его команды. И для меня это стало существенным изменением. С одной стороны, у меня в ВШЭ возрастало число обязанностей, университет вырос во много раз, стало сложнее совмещать. А с другой стороны, Шанинка в этот момент перестала быть моим личным проектом. И я ушёл, а через какое-то время перестал и преподавать.

Но главным событием всё же был уход Теодора, и дальше началась какая-то другая история с людьми, с которыми меня уже мало что объединяло, прошу извинить. И что происходило после, я уже знаю совсем плохо. Изредка я заходил на сайт, видел какие-то новые имена, одни мне что-то говорили, другие не говорили ничего. Мы всегда переживали за Шанинку, когда начинались проблемы, и переживаем сейчас, но многие вещи всё равно ушли в историю.

А как были устроены упомянутые Вами стажировки? Что позволило перенимать академический опыт и воспринять саму образовательную традицию?

Для меня и для многих моих коллег (всего около 60 человек) всё началось со знаменитых Шанинских летних школ. Это 1989–1991 годы, три школы. Я был во второй школе, в 1990 году, в университете Кента.

Это были шикарные школы, да ещё к тому же мне повезло, вторая школа была самая сильная во всех отношениях, включая её состав. Чтобы было понятно, в одном доме со мной жили Вадим Волков, Олег Хархордин, через дорогу Алёна Леденёва и много других сильных коллег. Школа была очень хорошо организована, всё было детально продумано. Для меня это было особенно важно, потому что я из экономической теории переходил в социологию, и это был очень непростой переход, по сути, переквалификация. Три месяца Летней школы для нас стали погружением не только в социологию, было устроено и общее погружение в британскую академическую среду, в культуру, организаторы очень заботились об этом. Это отдельный разговор, как это было сделано. На самом деле, куча народу прошла через эти три школы, многие вскоре отчалили из России, но эти школы им дали своего рода путевки в профессиональную (и не только) жизнь, пусть и в жизнь вне России, но по крайней мере в социологии точно.

Летняя школа стала первым погружением, а дальше начались специальные стажировки уже в рамках создаваемой Шанинки. Как они были устроены? Тебе давалось два месяца — месяц в одном университете, месяц в другом. Потом ещё два месяца — месяц в третьем и месяц в четвертом университетах. Ты по полному месяцу проводил в каждом университете. И была ещё дана возможность их выбирать. Что касается меня, то после трёх месяцев в университете Кента я провёл немало времени в университете Манчестера (ведь в Шанинке предполагалась валидация именно этого университета). Кроме того, были университеты Эссекса, Дарема, Уорика (в последний пригласили знавшие меня Саймон Кларк (Simon Clarke) и Питер Фэйрбразер (Peter Fairbrother). Плюс были многочисленные поездки с короткими визитами — Оксфорд, Кембридж, другие университеты. Соответственно, тебя забрасывали в одиночку в очередной университет, а дальше ты делал там, что хотел: твоя жизнь, твоя собственная программа. Я в Дареме вообще был, говорят, на тот момент единственным русским во всём городе, и прекрасно себя чувствовал. У меня завёлся друг из местных профессоров (Дэвид Берн, David Byrne), который мне очень помог в профессиональном и личном смысле. Он както мною заинтересовался. Потому что британцы всё-таки довольно дистанцированные люди. А он стал моим проводником в этот чужой для меня мир.

А что дальше? Мы все были людьми активными и мотивированными. Я, например, кроме библиотеки (читали запойно), ходил на всё, на что можно было ходить, напрашивался на занятия к разным преподавателям. И за все многочисленные пребывания у меня был всего один отказ. В Эссексе одна женщина, известная Лидия Моррис, которая про underclass писала, попросила не приходить на её семинар. Это было сказано вежливо, просто она услышала, что некий умник из России ходит везде, задает какие-то вопросы, вдруг он начнет

вмешиваться (хотя я не собирался вовсе). Ко всем остальным попадал без проблем, было много бесед вне аудитории. Кроме того, ходил на всякие комитеты, на которых профессора сидели и обсуждали какие-то академико-бюрократические вопросы. Мы же не просто готовили свои курсы, но стремились понять, как это работает, разговаривали с людьми, встречались. И это было вторым очень важным погружением. Мы многое там поняли, приволокли впоследствии в Шанинку и там это воспроизвели.

В этом смысле каково основное значение Шанинки на мой взгляд? Шанинка создавалась как альтернатива советской государственной системе образования. И некоторое время эти две системы, пусть и не в явном виде, но конкурировали. Скорее, на смысловом уровне конкурировали, нежели масштабами, но это было важно. Вместе с Шанинкой, естественно, назовем Европейский университет в Санкт-Петербурге, ещё одна для меня близкая организация. Во-первых, её основали мои коллеги-друзья. Во-вторых, я четыре года там преподавал, наезжая еженедельно из Москвы, пока у меня были силы и время. Читал там разные курсы на русском и английском, один, другой, третий. В общем, для меня это ещё одно близкое заведение. И третья – Российская экономическая школа, с которой меня ранее ничего не связывало, но ее необходимо назвать в этом ряду. Кстати, у Вышки сейчас успешная совместная программа с РЭШ, на которой я только что начал читать свой курс, а с Шанинкой такой программы больше нет.

Итак, появились эта тройка новых негосударственных университетов, которые предложили альтернативную модель, обобщенно одну, хотя они все, разумеется, разные. Но через некоторое время стало ясно, что государственная модель победила. Что широкой и устойчивой перспективы у таких заведений нет, ну что делать? Хорошо, что они сохранились, несмотря на все трудности, это очень важно. Очень важно, чтобы они *были*. И чтобы Шанинка оставалась, и Европейский университет. Честь и хвала тем, кто их сохранил и продолжает развивать, ибо они важны сами по себе. Но важно и то, что они в своё время сыграли роль инновационной образовательной модели. И я, например, никогда не скрывал, наоборот, я всё время говорил, что мы из Шанинки в Высшую школу экономики перетащили великое множество всего. То, что мы набрали ранее в британских университетах и приняли как нечто ценное и полезное, оно осело в Шанинке, а потом мы это перетаскивали в Вышку. И масштабировали, потому что Высшая школа экономики на два порядка больше, и это немножко по-другому реализуется. И конечно, не всё здесь работает. И не всё буквально копировалось. Например, у нас десятибалльная система оценивания, а не стобалльная, как в Шанинке. И у нас не три годовых модуля, а четыре. Но это ведь не принципиальная разница.

Мы по сей день используем сходную накопительную систему оценивания. У нас преобладают письменные экзамены, это тоже заимство-

вано. Некоторые вещи оказались не переносимы и не масштабируемы. Например, это система внешних экзаменаторов для обычных (не государственных) экзаменов. При «промышленных» масштабах Вышки сделать это на должном уровне не получится, даже не пытались, оказалось нереальным. А вот многое другое перенесли. И, наконец, очень важная вещь для меня лично — это библиотеки. Потому что в какой-то момент в России были обычные советские библиотеки с закрытым доступом к литературе и её выдачей через прилавок. И тут начали делать новую библиотеку Вышки на Мясницкой (тогда в главном её здании). Начались споры, как её делать, и устраивать ли открытый доступ к книгам. Это ведь совершенно другая концепция библиотеки. И были люди, которые возражали и говорили, что всё унесут. Ну и, кстати, конечно, впоследствии воровали. А что, в Великобритании не воруют? Везде воровали и вырывали страницы. И мы это конечно понимали, но вопрос заключался в самом принципе. Другая причина, что сложно организовать новую конфигурацию такой библиотеки и обеспечить безопасность её фондов. В общем, всё надо было делать иначе, не совсем привычным образом. И легенда (на самом деле, чистая правда) гласит: в самом разгаре спора Кузьминов (ректор-основатель ВШЭ) сказал: «Пусть этим занимается Радаев, потому что он знает, как в Шанинке». Это прямая цитата. И всё было решено. И с тех пор я отвечаю за библиотеки (в том числе). Правда, вмешиваться мне особо не приходится, потому что там работают очень грамотные люди, которые всё знают без меня. И сейчас в нашу библиотеку на Покровском бульваре ездят федеральные министры и многочисленные ректоры пачками, просто посмотреть, как это может выглядеть. Но начиналось всё когда-то с идей, принесенных из Шанинки.

И к чему я это клоню, видимо понятно. Да, эта новая модель была использована и масштабирована нами совершенно эксплицитно и сознательно. Во многих вещах Шанинка сыграла свою историческую роль как некий образец, воплощение определенного академического духа. Который, надеюсь, и к настоящему времени никак не пропал.

Мне интересно, как была устроена исследовательская жизнь в Интерцентре. Потому что я знаю, что Вы тоже какой-то период руководили Интерцентром. Как была организована исследовательская работа там?

Это было организовано как совокупность автономных исследовательских проектов. Принцип был один — подбор хороших людей в качестве руководителей. Возьмите буклет Интерцентра тех лет и полистайте его. Там увидите исключительно хороших и сильных людей, которые знают, чего они хотят, и этим активно занимаются. И каждый получая поддержку от Интерцентра, который стал объединительной рамкой для разноплановых и разнодисциплинарных проектов. На этой основе начали запускать ежегодные конференции

«Куда идёт Россия?», на которых эти люди были костяком. Я тоже активно в них участвовал и сколько-то раз (не помню точно) я отвечал даже за организацию таких конференций, где-то на начальном этапе. И на них руководители проектов (вместе с другими коллегами) делились своими наработками. То есть в Интерцентре не было какого-то одного зонтичного проекта или какой-то общей темы. И не уверен, что они вообще нужны. Я, например, когда свою лабораторию устраивал ещё в 2006 году, то сразу сказал коллегам, что никакой общей темы не будет. Мы приглашаем сильных людей, которые сами решают, что им делать. И приглашённые не могут только одно — ничего не делать. Если кто-то ничего не делает, он нас быстро покидает, и всё. А если кто-то действительно работает, то пусть занимается, чем хочет. И этот нормальный принцип как раз в Интерцентре и был воплощен, никто там никому не диктовал, чем нужно заниматься. Простая и, на мой взгляд, правильная схема, которую я, как Вы уже поняли, тоже воспроизвёл потом в своей Лаборатории. Случайно ли? Нет, не случайно, потому что я понял, что так и только так можно жить с нормальными творческими людьми, а с ненормальными и нетворческими лучше дела не иметь вовсе.

V. Radaev

“Shaninka was Teodore’s personal project”

Interview about the creation of Shaninka

Vadim Radaev — Professor, First Vice Rector of the Higher School of Economics, Head of the Department of Economic Sociology, Head of the Laboratory for Studies in Economic Sociology, Editor-in-Chief of the “Journal of Economic Sociology”. **Address:** Moscow, AUK «Pokrovsky Boulevard,» Pokrovsky Boulevard, 11. **Email:** radaev@hse.ru.

Annotation: Vadim Radaev, one of the first Shaninka teachers with whom Teodor Shanin coordinated important personnel decisions, talks about a little-known stage in the existence of the Moscow school that preceded its organization: an unsuccessful start in the early 90s and internships of teachers in the preparatory period. The interview also touched upon the circumstances of the “golden time” of the existence of the Moscow school, which accounts for the teaching of the “great four”, which left a huge mark in the history of Russian sociology: Gennady Semenovich Batygin, Alexander Fridrikhovich Filippov, Alexander Olegovich Kryshtanovsky, Vadim Valerievich Radaev, they were students’ supervisors and were responsible for university admissions exams and the general program. During this period, representatives of the older generation also taught their courses at the faculty: Teodor Shanin, Tatyana Ivanovna Zaslavskaya, Vladimir Alexandrovich Yadov. The practical meaning of the principle of

university autonomy, which was guided by Shanin himself and fellow teachers, is revealed. The significance of the Moscow School as an innovative educational model that served as a model for other state and non-state universities is revealed. The organization of research activities in the Intercenter, the first scientific unit of Shaninka under the leadership of Vadim Valerievich Radaev, this center was founded before the opening of the Moscow School. The conversation was conducted by **Irina Dudenkova**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Epistemology of the RANEPA, Dean of the Faculty of Social Sciences of the MSSES (Shaninka)

Keywords: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Teodore Shanin, university autonomy, innovative educational model, Intercentre

Е. А. Ленская

«Умение принять чужого, сильно от тебя отличающегося…»

Елена Анатольевна Ленская — кандидат педагогических наук, автор множества российских и международных публикаций по вопросам образования, сооснователь и декан факультета менеджмента в сфере образования МВШСЭН. **Электронная почта:** lenskaya@universitas.ru.

Аннотация: Интервью с Еленой Анатольевной Ленской, кандидатом педагогических наук и деканом факультета менеджмента в сфере образования МВШСЭН (Шанинка) до 2019 г., раскрывает её профессиональные взгляды на образовательную политику и вклад в развитие факультета. В беседе освещаются ключевые принципы образовательной политики, основанные на ценностях равенства и инклюзии в массовой школе, а также особенности функционирования Шанинки как автономного образовательного учреждения. Елена Анатольевна делится опытом международного сотрудничества с партнёрами, анализирует процессы совмещения российского и зарубежного опыта и рассказывает о подготовке управленческих кадров для системы образования. Особое внимание уделяется началу становления Шанинки, формированию уникальной академической атмосферы и влиянию факультета на развитие образовательной политики в регионах России. Беседу вела **Анна Васильевна Турчик** — кандидат социологических наук, проректор по международному сотрудничеству МВШСЭН.

Ключевые слова: образовательная политика, равенство возможностей, инклюзивное образование, МВШСЭН (Шанинка), управление образованием, международное сотрудничество, массовая школа, образовательное неравенство

Для цитирования: *Ленская, Е. А.* «Умение принять чужого, сильно от тебя отличающегося…» / Интервьюер А.В. Турчик // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 79–93.

«Вот я тебе точно говорю, вот увидишь, что именно так и будет!», *«Ну посмотрим, я же знаю, чем это всё закончится, потом вспомнишь мои слова!»*, — не раз повторяла Елена Анатольевна во время подготовки к XXI ежегодной конференции «Тенденции развития образования». Именно тогда мне и посчастливилось поближе познакомиться с этим невероятным профессионалом и весьма скромным, но чутким человеком. И ведь так всё и происходило!

«Видимо, это какая-то особая синергия огромного профессионального опыта и житейской мудрости», — мысленно объясняла я себе проницательность и небывалую интуицию Елены Анатольевны. Несмотря на то, что в конференции участвовало с докладами и сообщениями более 600 человек, было стойкое ощущение, что она могла рассказать множество историй про каждого из участников и не только, — будь то министры образования разных лет или конкретные педагоги из региональных школ, садов и вузов. «Все мои проекты были в массовой школе», — подчеркивала Елена Анатольевна.

Для меня это была первая конференция «Тенденций», а для неё — ежегодный сложноустроенный «ритуал», собирающий вместе самых разных профессионалов в сфере образования. *«Это народная конференция и должна оставаться таковой. Если это не так — я в этом участвовать не буду»*, — почти капризничала Елена Анатольевна. И лишь после этой встречи-интервью я прочувствовала, насколько жизненно важной является эта тема «народности», которая связана прежде всего с равными возможностями, принятием другого, сильно от тебя отличающегося.

За скобками данного текста остаётся немало сугубо личных историй, смешных и горьких, тех, что не могут не влиять на профессиональные взгляды и жизненные принципы. За скобками также остаётся пространство нашей встречи, наполненное фотографиями не только семьи и близких, но и многочисленных коллег, ушедших и ныне живущих, а ещё заполненное коллекцией из нескольких сотен невероятного разнообразия кружек со всех уголков страны и мира! И конечно, безумное количество самых разных книг, в том числе старинных, фамильных экземпляров. В судьбе, где трудно прочертить границу между личным и профессиональным, всегда есть место историям, когда проекты и люди становятся частью души, а не просто «профессиональным делом». Также и Шанинка, с её историей, миссией, а главное, людьми стала частью жизни Елены Анатольевны, а она сама — частью Шанинки на многие многие годы. Сложно было бы найти специалиста более подходящего Шанинке по вопросам образования, чем тот, у которого за плечами уже был огромный опыт работы в Министерстве образования и в других международных организациях, которые в то время оказывали большую поддержку проектам в сфере языковой подготовки, а также

международной образовательной деятельности российских ученых и специалистов в разных областях.

О Шанинке, её обитателях и истории становления мы поговорили с Еленой Анатольевной Ленской, деканом факультета менеджмента в сфере образования с 2011 по 2019 гг .

О равенстве возможностей, инклюзии и «народности»

Елена Анатольевна, по опыту конференции я поняла, что Вам лично очень близка тема равенства, инклюзии в образовании, тема равных возможностей в условиях массовой школы. Почему это для Вас так важно?

Эта линия, о которой ты говоришь, которую мы в Шанинке отстаивали, я лично всю жизнь её отстраивала, хотя сама и училась в элитной языковой школе, и мне отчасти повезло, потому что она была при этом достаточно демократичная. Но я знаю все её недостатки — что оттуда будут «вышибать» детей, которые не справляются, и там не будут интересоваться, почему они не справляются, — и что можно сделать для того, чтобы было иначе. А ведь там были и дети из семей, где никто на иностранных языках не говорит и не знает их, мои родители тоже не говорили, кстати. Но от этого многое зависит: у кого-то мама учительница и хорошо знала язык, у кого-то были частные учителя, а мне, например, никто не мог помочь в этой части.

После этой школы, где есть жёсткий отбор на протяжении всего обучения, я всегда старалась работать в сфере равных возможностей в массовой школе, проекты мои все были в массовой школе. И мне всегда казалось, что Шанинка это должна поддерживать. Мы старались это поддерживать. С Теодором мы иногда спорили по этому поводу, например, по поводу школы «Летово»[1]. Я говорю: «Теодор, ну вот без нас „Летово“ поддержат многие, но я не очень понимаю, зачем поддерживать то, что и так живёт за счёт денег родителей и спонсоров». А вот как добиться того, чтобы в массовой школе была возможность благополучного существования для самых разных учеников, в том числе для одарённых? Это ведь тоже проблема. У нас, опять-таки, под одарённостью удобнее понимать академически успешных учеников. А это совершенно ничего не означает. Настоящие одарённые дети — они вообще могут быть двоечниками заядлыми. Им очень нужно внимание. Известно, что большинство великих людей в детстве были двоечни-

[1] Речь идёт о частной школе «Летово» (letovo.ru).

ками — у них голова болела совершенно про другое. И это тоже надо уметь заметить и, по крайней мере, не навредить этим детям. Поэтому, да, им нужны особые условия. Но их не надо ни за что выключать из общей среды, им же потом жить в этой среде. Как они будут справляться, если они уже исключены из социума? Так же и другой аспект: если постоянно расставлять детей по рангам, как себя чувствуют при этом те, кто не попал в верхние строчки таблицы?

Отразилось ли это как-то на том содержании, которое было на факультете менеджмента, или в принципах работы самой Шанинки?

Конечно. Мы разработали специальные курсы и стали их реализовывать. У нас был курс, который мы назвали провокационно «Образовательное неравенство», и стали обсуждать, что его порождает и как с этим работать, что можно сделать, чтобы его было меньше, ведь совсем его ликвидировать невозможно, потому что люди изначально неравны по многим параметрам, у них всегда есть какие-то различия, но как с этим работать так, чтобы была какая-то золотая середина — вот в чём вопрос.

Курс по инклюзии у нас был, наша Лизочка Кричевец читала. То есть появились курсы, которые специально задавали определенный фокус в образовательной политике. Дорогой наш Ефим Яковлевич Коган читал такой курс в Шанинке — и он сам тоже был абсолютно про равенство! Когда он был министром образования Самарской области, он всегда старался, чтобы у него в сёлах были такие же условия, как и в городе, он туда в первую очередь отправлял хорошее оборудование, выбирал учителей из лучших выпускников вузов и давал им дополнительные льготы для того, чтобы они могли работать именно в деревнях и сёлах. Он прицельно работал с учителями, которые впоследствии работали в сельских школах. И мне всегда хотелось сделать ещё одну программу, но было понятно, что она не сможет существовать без государственной поддержки — на неё никто не придёт с деньгами, она просто не станет продаваемой... программу, которая была бы посвящена тому, как управлять классами и школами, которые работают в трудных условиях. Что-то подобное делали в Австралии. Там действительно учатся и учат тому, как работать в школах, которые находятся в зоне резерваций, а кто-то, наоборот, обучает как управлять школами в условиях большого города, где нищета или много мигрантов, не говорящих по-английски. Был период, когда я один семестр работала в Америке по договору с министерством, и вела программу для директоров таких школ в Чикаго (inner city schools), которые работают в очень сложных социальных условиях с трудным контингентом. И мне было очень с ними интересно работать, потому что я понимала: они с реальными вызовами сталкиваются каждый день, там и стреляли, и наркотики употребляли, а драки случались почти каждый день.

Мы не раз в Шанинке обсуждали проблемы инклюзии. Этому были посвящены несколько наших конференций. Очень помогал Евгений Сенатский и его ИАО «Взаимодействие». Они снимали видеофильмы об удачных примерах инклюзии и показывали эти фильмы участникам конференции. У них был фильм про мальчика без рук, который в обычном классе сидел, писал ногами и всё делал ногами. Учительница очень правильно настраивала детей, и вскоре дети с ним подружились. Она говорила: ну смотрите, вот человек всё успевает делать, хотя ему труднее, чем вам, видите. Ещё Евгений снял и фильм о проблемах мигрантов, и наш знаменитый директор школы-комплекса «Царицыно» Ефим Лазаревич Рачевский обсуждал этот фильм со своими учениками. У нас появились примеры успешной работы по инклюзии. Их не так много, но они есть. Мы часто водили студентов нашей программы «Управление дошкольным образованием» в один из инклюзивных детских садов и старались научить их работать в условиях инклюзии. Но для того, чтобы работать успешно, нужны дополнительные специалисты. Без них не справиться.

Образовательная политика: ценности и приоритеты

Мы с Вами не раз обсуждали, что до сих пор среди управленцев в сфере образования нет ясного понимания разницы между Education Policy и Education Politics. Вы сейчас говорите об образовательной политике, как о Policy. Удалось ли образовательную политику, которой Вы обучали в Шанинке, как-то распространить за её пределы, в различные города и регионы?

Практически любая образовательная политика строится на основании некоторых ценностей. Если для нас существует ценность равенства, равенства возможностей для граждан, то мы будем стараться, чтобы практически во всех — ну, по крайней мере, во всех государственных школах — предоставлялись услуги примерно равного качества. Это очень трудно сделать, но к этому нужно стремиться. Здесь всегда будет возникать проблема, потому что, например, если хочется добиться высокого академического результата, вам всё время будут мешать вот эти дети, которые не самые удобные — из семей, где их ничему никогда не учили, дети, которые не понимают языка учителя и так далее. И когда вы будете тянуть этих детей за хвост, остальные дети не получат того, чего им хотелось бы, да, каких-то дополнительных услуг. И система из-за этого очень часто страдает, потому что пока добьёшься, чтобы как-то более-менее обеспечить нужный результат у всех, проходит время.

Как мне кажется, эта задача в Англии и некоторых других странах отчасти решена, потому что у них качество государственных школ за последнее время выросло, и там, по крайней мере, обеспечивают две вещи: дети более-менее успешно их заканчивают, и каждое отчисление считается в минус школе; во-вторых, там создается обстановка благополучия, и школа за это отвечает, потому что инспекторы всегда спрашивают детей, как у вас тут с обстановкой. Но при этом каждая система всё равно стремится вырастить для себя элиту, не без этого. Тут возникает другая проблема.

Выбирая элиту, надо убедиться, что ты именно выбираешь элиту, а не детей, которым либо до этого повезло, и тогда ты просто берёшь академически успешных детей, либо у них родители богатые, статусные, которые могут им купить место в этом элитном заведении. Тогда в нём возникает то же самое, такое же расслоение детей. Этого не происходило, пожалуй, только в хороших математических школах, даже в языковых это было, у нас просто отсеивали детей, которые не справлялись. А в математических устроен отбор так строго, что там после него потом почти никто не вылетает. Мне очень нравится, как отбирают в нескольких таких школах. Там дают возможность ученику сдавать экзамены несколько раз в течение целого семестра. Если не справился, но понял, в чём твои пробелы, значит лучше подготовишься и сдашь в следующий раз.

Если говорить об образовательной политике в более широком смысле — что принципиально важно?

Политика должна существовать везде, на всех уровнях. Ты должен чётко представлять себе, что ты делаешь, зачем ты это делаешь, какими ценностями ты руководствуешься при этом и что у тебя в приоритетах. Одна из главных наших проблем в образовании заключается именно в том, что образовательная политика (policy) тесно склеивается с большой политикой (politics): что-нибудь сказали наши политические деятели, — о, давайте это делать! А они ещё вот это сказали, и это будем делать, и вот это будем делать! И когда смотришь на план наших действий в образовании, то там часто смешана масса разных приоритетов, и что необходимо делать в первую очередь — никому не понятно.

Один из крупных специалистов в области образовательной политики, сэр Майкл Барбер[2], говорил, что необходимо выделять максимум 2–3 приоритета и в них вкладывать основные усилия. Если вы,

[2] Майкл Барбер — бывший британский государственный служащий и педагог, известный тем, что возглавлял Отдел по реализации политики премьер-министра при правительстве Тони Блэра.

например, решили, что надо сделать детские сады доступными всем и каждому, — вот и занимайтесь этим, но тогда погодите с другими крупными реформами, например, в высшем образовании. Хотите менять содержание образования в средней школе — тогда пусть это станет приоритетом. Определите, чего вы хотите, какие ценности вы хотите заложить, и действуйте. Но не нужно хвататься за всё и сразу.

Золотые годы Шанинки: люди и атмосфера

Вы знали Шанинку задолго до того, как стали деканом, да даже до того, как Шанинка приняла первых слушателей. На Ваш взгляд, какие годы были наиболее плодотворными, вдохновляющими в Шанинке, этакий «золотой век», когда не было кризиса, но было время творчества и реализации? И был ли такой период, вне кризиса?

Ну, в общем-то, не было без кризисов, конечно. Хотя, безусловно, первые годы в материальном плане были наиболее благополучны. У Теодора были внушительные гранты от российских и зарубежных фондов. А значит, он мог установить весьма конкурентоспособные зарплаты по сравнению с другими вузами.

Нашим постоянным партнером был Университет Манчестера, потом им стал и Университет Ковентри. Наши преподаватели могли выезжать в Англию и смотреть, как подобные программы разрабатываются и реализуются там. Потом под разработку программы выделялись средства, ведь сделать качественную программу без поддержки очень сложно, поэтому люди, которые их разрабатывали, получали материальную поддержку, и такая политика сохранялась вплоть до начала 2010-х.

Потом, в начале 2000-х, западные спонсоры стали сокращать финансирование. Они, надо сказать, практически нигде не работали вечно, вечно не кормили никого. Я помню очень хорошо, как один из них, приехав в Москву в начале 2000-х, сказал: «Друзья, у вас много своих олигархов, не хотите ли вы их раскрутить, чтобы они вкладывали деньги?» Надо сказать, что раскрутка новых фондов — дело сложное. Отдельные проекты по-прежнему получали зарубежную поддержку, но постепенно она сокращалась. Мне долгое время удавалось добывать для Шанинки небольшие гранты, иногда меня приглашали для обсуждения большой политики фондов, но постепенно я от этого отошла и решила, что буду заниматься только образованием.

В начале 2000-х по Шанинке ударил серьезный материальный кризис. Я помню, как Теодор почти со слезами рассказывал о том, что он был вынужден сказать народу, что зарплату придётся урезать. Это было ещё до моего прихода, где-то между 2005 и 2008. Когда

я пришла, грантов уже было всё меньше и меньше, фонды ещё как-то поддерживали, но в большей степени какие-то конкретные действия, а не зарплатный фонд. Теодор тогда очень гордился тем, что никто не ушёл. Все сказали, «ну что же, будем работать дальше!»

Расскажите о тех людях, которые были частью Шанинки тогда? Что это была за среда такая, что, несмотря на небольшие зарплаты и разного характера институциональные трудности, коллектив всё же сохранился?

Ну, вот смотрите, такая же история, собственно говоря, со школьными учителями. Очень часто задаёшься вопросом, вот почему они, бедные, всё-таки не уходят, продолжают работать?

Я вспоминаю одну конференцию, перед которой мы устроили круглый стол, пригласили учителей, тогда ещё в РИА «Новости», и пытались узнать, почему учителя уходят из школы, не устраивают зарплаты? Они тогда отвечали: «Да бог с ними, с зарплатами (ну тогда ещё были всё-таки выживабельные зарплаты), мы уходим потому, что нас просто замучили проверками». Бесконечные планы, бесконечные отчёты, бесконечные графики, какие-то бесконечные проверки — невозможно было просто работать. Вот такого в Шанинке, конечно, не было. Она могла себе позволить отказ от избыточных форм контроля как автономное учреждение. У нас была автономность, которую мы теперь почти полностью потеряли, и я до сих пор удивляюсь тому, что мы так и не внесли некоторые поправки в устав, которые бы нам позволили планировать работу так, как удобно, и не тратить львиную долю времени на заполнение справок и бумажек. Мы же можем сами решать отпускать ли человека в отпуск, если ему он по каким-то причинам необходим. Если нам важно сохранить человека, то мы будем откликаться на его просьбы, если они обоснованы. Кстати, несмотря на то, что мы долгое время позволяли сотрудникам гибко планировать рабочее время, многие из нас отпусков вообще не брали, а если брали, то работали во время отпуска. Я не помню ни одного летнего отпуска, в течение которого я бы не проверяла эссе студентов, не проводила бы дни открытых дверей.

В Шанинке не было бюрократии, и это очень важно. Ещё в Шанинке было очень много общения, диалогов, самых разных. К Теодору можно было «ввалиться» в кабинет совершенно спокойно — и студенту, и преподавателям. И все вваливались, кому надо и кому не надо, — все туда дорожку протоптали, да и к Толе Каспржаку[3],

[3] Анатолий Георгиевич Каспржак — профессор Департамента образовательных программ Института образования, главный эксперт Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Ректор МВШСЭН в период с 2007–2011 гг. С 2001 г. Возглавлял Центр Изучения Образовательной Политики в МВШСЭН.

и к Серёже Зуеву, нашим ректорам, пожалуйста, можно было заходить совершенно спокойно. Это тоже важно, не было дистанции, не было погон, которые всегда есть в больших вузах. Это всё про те же отношения: равенство, уважение и принятие других.

В общем, людей Теодор собрал действительно хороших. Вот я просто вспоминаю состав нашего факультета образования, когда я ещё даже не работала. Деканом тогда был Толя Каспржак. Надо сказать, это был действительно его пост! Программу первую сделал он. Он её придумал. Он придумал, что необходимо проводить конференцию. И потом мы делали её мы вместе. Я поначалу в основном международную часть обеспечивала, а потом уже подключилась и к самой программе. И не было ни одной конференции, где не было хотя бы двух-трёх действительно звёздных фигур. Но я хочу сказать, что он ещё придумал из интересного. А он придумал стажировки, на мой взгляд, очень нужные. Мы их изо всех сил тянули до последнего, как могли, уже не получалось так, как это делал он, — он вывозил всю команду студентов куда-то, например, в Тверь или ещё куда-нибудь. И там они могли не только познакомиться с тем, как работает местный институт повышения квалификации учителей или центр оценки качества, но и подготовить экспертизу их работы. А вот с дошкольными педагогами так уже не получалось, категорически не было денег на выезд, но мы приспособились посещать замечательные садики в Москве и составлять отзывы об их работе, в инклюзивные сады водили слушателей, в последнее время в детский сад при школе № 734 А. Н. Тубельского, во многих садиках побывали.

А что ещё принципиально отличало Шанинку от других вузов, даже частных?

Конечно, интенсивная и дружеская тесная связь с Манчестером. В последнее время, когда срок нашего сотрудничества подходил к концу, коллеги из Манчестера стали просто нашими друзьями. Хотя мы никогда не приглашали их домой, зато организовывали экскурсии или походы в театр. Отношения с Манчестером — это было очень важно, но кроме Манчестера мы смогли познакомиться со всей образовательной системой Англии, и те только Англии, но и Шотландии, Уэльса и даже Северной Ирландии. Об одной из таких поездок, в Уэльс, мы с Игорем Вальдманом написали книгу.

Так получилось, что меня попросили сопровождать британского премьер-министра Тони Блэра, который сразу после своего избрания приехал в Россию и собирался встречаться с российскими школьниками. Я помогала организовать эту встречу и потом водила его по Красной площади, рассказывала ему, что кремлёвские куранты впервые спроектировал шотландец Кристофер Галлоуэй, тогда стрелки стояли

неподвижно, а вращался сам циферблат. Когда Тони Блэр встретился со школьниками, его спросили, какие приоритеты в политике Великобритании, и он сказал: «Образование, образование и ещё раз образование!» и никак не мог понять, почему ребята засмеялись, а ведь тогда «Учиться, учиться и ещё раз учиться! (В. И. Ленин)» было написано на каждой школьной тетрадке. Потом я ещё и жену Тони Блэра повстречала, когда она приезжала отдельно от него, я её сопровождала во время визита в МГИМО. Там была смешная история, когда её водитель спросил про то, зачем она работает, если у неё богатый муж, а она говорит, «я зарабатываю в два раза больше мужа как адвокат», и мы тогда поняли, что чиновникам там платят не так уж много, не самые большие зарплаты у администрации, даже у премьер-министра. Эти контакты очень помогали понять, как работает система.

Вы говорите, что Ваш факультет был очень тесно связан с Манчестером. Я тоже помню, как наш факультет социологии приглашал специалистов из Манчестера. Многие отмечают такую черту Шанинки как «герметичность» факультетов, своя автономия. Не все при этом считают, что это замечательная черта, потому как возникает где-то конкуренция, где-то нежелание проводить совместные мероприятия. Как Вы к этому относились и относитесь?

Во-первых, это заставляет каждый факультет быть «менеджером», то есть они сами отвечают за то, что у них внутри происходит, они являются теми самыми «экспертами» (не люблю я это дурацкое слово), то есть они понимают в своём деле, понимают специфику своей сферы и поэтому даже «верхушке» не принято вмешиваться в дела факультетов. Это, на самом деле, также часть британской модели: они понятия там не имеют, например, на факультете образования, что происходит на других факультетах. Но это большой университет, а у нас маленький университет, казалось бы, ну и дружите все со всеми. Но при этом барьеров для взаимодействия никаких нет, всегда существовало правило, что если вы хотите какую-то лекцию послушать на другом факультете, то идите и слушайте. Мои студенты довольно часто ходили на лекции других факультетов. Я сама на факультет политологии ходила, когда туда кто-то интересный приезжал. А на наших конференциях выступали представители всех факультетов, не только преподаватели, но и некоторые студенты. Были в Шанинке и межфакультетские курсы, посвященные общим проблемам. Я несколько лет читала курс о фандрайзинге, был курс об академическом письме. Так что закрытости не было. Благодаря автономии контактов было не меньше, а больше, и они никогда не были формальными.

А есть что-то, что отличает преподавательский состав Шанинки от других вузов?

Ничего не отличает, потому что преподавательский состав Шанинки — это сборная солянка из всех существующих и подходящих по качеству и профилю вузов. Но вот ещё одна особенность Шанинки — там все преподаватели отборные, Шанинка всегда могла себе выбрать преподавателей из тех, кто чем-то отличался, или чей курс был самым подходящим или авторским. Во многих вузах этого нет. Есть определённая программа — будьте добры из года в год читать по какой-то определённой программе. В Шанинке программа менялась каждый год. Добавлялись новые материалы и даже целые курсы, но они обязательно проходили валидацию — и российскую и зарубежную. Плохие преподаватели в Шанинке удержаться не могли: их работу ежегодно оценивали студенты и, если оказывалось, что какой-либо преподаватель получал меньше 7 баллов из десятибалльной шкалы, его занятия посещали декан и коллеги. Старались помочь, часто это помогало, но были случаи, когда от преподавателя приходилось избавиться. Мнение студентов всегда было для нас важным, и это тоже опыт, который мы приобрели, общаясь с коллегами из Манчестера.

О синергии российского и зарубежного опыта

Почти всегда Шанинка оставалась «неудобным» вузом, всегда были какие-то претензии, иногда обвинения в том, что бездумно копируем западную модель. Но ведь Шанинка — это весьма любопытная попытка синергии лучшего из российской и британской модели образования?

Оттуда всегда приходил только импульс. Что с этим импульсом делать? Иногда он приходился кстати. Например, модель ЕГЭ. Конечно, идея пришла оттуда. И я много раз надоедала Виктору Болотову, моему тогдашнему коллеге по министерству: «Давай делать внешний экзамен! Давай делать, давай делать, потому что иначе мы просто выпадем из мирового пространства». Нашим результатам не доверяли — ведь оценка работы ученика была поручена школам и единых критериев не существовало. Одного и того же ученика в разных школах могли оценить по-разному. Могли снизить оценку только потому, что он не нравился конкретному учителю. И ещё одна проблема состояла в отсутствии равнодоступности образования. Школьники из дальних городов не могли учиться в лучших вузах России: семьи не могли платить за билет до Москвы или Санкт-Петербурга только затем, чтобы их дети сдали вступительные экзамены. А если они сдавали неудачно,

то приходилось приезжать ещё раз. Правила приёма у всех вузов были разные, и узнать о них иногородним было очень сложно. Когда появился ЕГЭ, состав студентов сильно поменялся и результатам стали больше доверять.

Примером для нас были экзамены A-Level[4], но при этом сказать, что мы скопировали британскую систему нельзя, потому что у них там по-другому всё устроено, у них, собственно говоря, вся старшая школа работает только на экзамены A-Level, у нас такого нет. Я хочу сказать, что идеи мы вчистую никогда не копируем, сколько бы нас в этом ни подозревали. Да, некоторые страны пытались полностью скопировать чужой опыт, и как правило, ничего хорошего из этого не выходило. Чем слабее система, тем она меньше на себя полагается, тем больше ей хочется что-нибудь откуда-нибудь притащить. Но оно не копируется и очень плохо переносится из контекста в контекст, потому что контексты очень сильно влияют. Вот даже у нас, в собственной нашей стране, заставить какой-нибудь регион взять на вооружение то, что хорошего сделано в другом регионе, почти невозможно. Один только Е. Я. Коган чего-то добился, но и то влияние у него было на несколько соседних регионов, откуда народ приезжал и пытался что-то у него позаимствовать.

Влияние факультета: подготовка управленцев нового типа

На факультете вы одними из первых готовили управленцев для разных уровней образования. Было ли какое-то влияние факультета на образование в целом? Может, какие-то инновации, которые распространялись в регионы и города?

Сильно влияла конференция. Особенно поначалу, когда в ней участвовали разные люди из политики, из настоящей политики: из министерства и подобных учреждений. Шанинку поддерживал министр образования В. М. Филиппов, он первым стал приглашать в министерство шанинских выпускников, поручал им важные направления работы. При А. А. Фурсенко заместителями министра стали целых два выпускника Шанинки, Игорь Реморенко и Максим Дулинов. Реморенко возглавлял такое важное направление как про-

[4] A-Level (GCE Advanced Level) (дословно — «продвинутый уровень экзамена GCE уровня A») — предметная квалифицирующая серия экзаменов в Великобритании и странах Британского Содружества. Считается частью общего аттестата о среднем образовании для учащихся, заканчивающих среднее довузовское образование.

филирование школ и проект «Наша новая школа». Когда министром был Дмитрий Ливанов, возник российско-британский проект Bridge, благодаря которому и в Шанинке, и в МИСИС, вузе, который раньше возглавлял Ливанов, появились новые магистерские программы, разработанные в партнерстве с британскими вузами. Ливанов хорошо понимал про реформы в высшем образовании: зачем, что в основе и так далее. Но основные контакты у Шанинки были с руководством российских регионов, они сохранялись до последнего времени.

Если говорить о факультете менеджмента в целом, на что он «делал ставку»? На воспитание новаторов? На распространение определенной образовательной политики в регионы и города? Про что это было?

На самом деле факультет продолжал то, что уже происходило, особенно что происходило от имени министерства, потому что в то время было очень много проектов с иностранцами, и многие из них реализовывались в регионах. Я уже сейчас даже и не вспомню все детали. Очень много хороших проектов было в Красноярске, в Ярославле и, конечно, в Самаре. Были проекты в Волгограде, в Вологде, первые, кстати сказать, образовательные стандарты делали именно вологжане. Шанинка уже на эту сеть опиралась, мы уже знали, примерно, с кем работать, поэтому не просто приглашали всех, а связывались с теми регионами, где мы знали, что там происходит что-то важное, что им, соответственно, нужны специально подготовленные кадры. Учили именно их. Тогда даже Всемирный банк нам своих сотрудников прислал — Тигран Шмис у нас учился, Дима Чугунов у нас учился, Денис Николаев у нас учился. В общем, все, кто у них занимался образованием — все учились у нас. И это тоже важно. Некоторое количество сотрудников других международных фондов тоже у нас учились. Несколько человек из Красноярска, из Южно-Сахалинска, из Ярославля. Инна Стивенс из Ярославля потом выиграла огромный конкурс и стала сотрудницей фирмы Promethian, эта фирма потом помогала Шанинке, подарила несколько тогда очень дефицитных смарт-досок. То есть везде, где надо было чем-то новым управлять, мы с ними связывались, и люди приезжали к нам учиться.

В то время, когда Вы были деканом факультета, каким было Ваше видение содержания факультета, будущего факультета?

Во-первых, мне казалось, что очень значимой станет дошкольная программа — эта программа появилась уже при мне. Сегодня, кстати сказать, в «Телеграмме» опубликован пост главного редактора журнала «Директор школы» Константина Ушакова о том, что надо вкладывать средства в первую очередь в развитие детских садов

и начальной школы. Он в этом тексте вспоминает: «Когда я работал учителем физики, я всегда знал, от каких именно учителей ко мне пришли дети, потому что кто как готовил, так они потом и справлялись в средней школе». И действительно, в соответствии с различными международными оценочными процедурами, у нас неплохо с начальной школой, мы на первых местах, например, в исследовании PIRLS. Но PIRLS проверяет только чтение после начальной школы, но не проверяет всё вообще. А вот качество нашего дошкольного образования мы не проверяли и ни с кем себя не сравнивали. Часто это была настоящая «казарма», где надо есть то, что дают, спать, когда не хочется, и всё делать по команде. Нам хотелось сделать что-то, чтобы это перестало быть казармой, чтобы это стало местом для детей, местом, где детям было бы действительно хорошо.

Мне кажется, что в целом мы многого достигли, потому что выпустили мы за это время человек 500, и те, кто у нас учился, действительно в своих детских садах стараются поддерживать нормальную эмоциональную атмосферу, избегать принуждения, благополучие детей для них в приоритете.

Единственное, чего нам не удалось, это привлечь руководителей дошкольным образованием регионов, и это очень обидно. Даже с Ямала, откуда у нас всегда было много слушателей, начальников, руководителей, которые ведают дошкольным образованием, они к нам присылать не хотели никак. Иногда сами эти руководители упирались руками и ногами, потому что они понимали, что это работа, что надо писать много разных текстов, читать, им уже рассказывали про то, как у нас тут в Шанинке всё устроено с академической точки зрения. Поэтому ни разу к нам не присылали человека, который у них в департаменте отвечает за дошкольное образование. От администраторов многое зависит. С директорами садиков, в целом, мы с руководителем программы Е. Г. Юдиной неплохо поработали. Я считаю, что это важно. Ну и сложность с дошкольным образованием была ещё в том, что у них же своих денег-то очень мало, у садиков. Это не школы, где всё-таки выделяются приличные деньги на повышение квалификации.

На наших программах мы всегда старались работать с содержанием, с разными подходами в образовании и с разными задачами. Например, для нас важно было работать с принятием другого, с тем чтобы дети друг друга не травили, не дразнили и так далее. Но запрос от региональных чиновников часто был иной: «Ну вот, а нам бы про информатизацию». Было много сопротивления, мы придумывали что-то на стыке этой информатизации, ломая себе голову. И это беда, потому что начальство не любит учиться вообще. В особенности региональное. Но бывали и исключения, конечно же.

Большая беда Шанинки случилась, когда у нас с министерством отношения испортились. И после того, как они испортились, к нам

перестали приезжать, вернее, они перестали направлять к нам начальство. А начальству только того и надо. Они замечательно рулят, без всяких знаний. А когда нас лишили аккредитации, соответственно, к нам боялись ехать. Ехали только те, кто действительно хотел учиться и получить какие-то новые смыслы, кто приезжал за содержанием. И получается, мы их стали готовить к тому, что они будут неуспешны, потому что с плохим начальством у них неизбежно возникнут конфликты. Раньше наоборот, очень хорошая была статистика на нашем факультете: люди после Шанинки шли на повышение, занимали хорошие должности. Среди наших выпускников два заместителя федеральных министерств, четыре региональных министра и несколько их заместителей, два ректора вузов, и несколько десятков директоров школ и детских садов. Есть чем гордиться.

В целом, можно сказать, что почти никто из наших выпускников даже вследствие последних событий не пропал. Почти все выпускники нашли себе хорошую работу, либо официальную, либо уже какую-то совсем новую, нашли для себя новые виды работы. Но они использовали то, чему они здесь научились, практически на 100%.

E. Lenskaya

“The ability to accept someone else who is very different from you...”

Elena Lenskaya — PhD of pedagogical Sciences, the author of numerous Russian and international publications on education, co-founder and dean of the Faculty of Management in the field of Education at MVSHSEN. **E-mail:** lenskaya@universitas.ru.

Abstract: This interview with Elena Anatolyevna Lenskaya, PhD., Dean of the Faculty of Education Management at the Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka) until 2022, reveals her professional views on educational policy and her contribution to the faculty’s development. The conversation highlights key principles of educational policy based on values of equality and inclusion within state schools, as well as the distinctive features of Shaninka’s functioning as an autonomous educational institution. Elena Anatolyevna shares her experience of international cooperation with partners, analyzes processes of combining Russian and foreign experience, and discusses the preparation of management personnel for the education system. Special attention is given to Shaninka’s early formation, the creation of a unique academic atmosphere, and the faculty’s influence on educational policy development in Russian regions. The conversation was conducted by **Anna Turchik,** Candidate of Sociological Sciences, Vice—Rector for International Cooperation at the MSSES.

Keywords: educational policy, equality in education, inclusive education, MSSES (Shaninka), education management, international relationship, state school system, educational inequality

А. Г. Аганбегян

«...тут никакого КПСС. Тут музейный работник или социолог»

Абел Гезевич Аганбегян — доктор экономических наук, академик РАН, член-корреспондент Британской академии, с 1989 по 2002 г. ректор Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР / Правительстве РФ. Один из создателей Московской высшей школы социальных и экономических наук. **Электронная почта**: aganbegyan@ranepa.ru.

Аннотация: Без академика Аганбегяна Московской высшей школы социальных и экономических наук скорее всего бы не было. Ещё во время первой попытки организовать «британский колледж в Москве», когда к весне 1992 г. стало окончательно понятно, что российское министерство не сможет обеспечить свою часть договоренностей, Аганбегян, как ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, продолжал поддерживать идею Шанина и был готов предоставить необходимые средства. Однако британская сторона оставалась непреклонна — с российским правительством дела больше не имеем. Позже, к осени 1993 г., когда в набиравшем обороте Интерцентре задумка будущей Московской школы снова начала витать в воздухе, Аганбегян, несмотря на тяжелейшие материальные условия в Академии, настоял на возрождении проекта и обеспечил помещения, где совсем скоро появилась знаменитая библиотека и первые аудитории для занятий. Так, спасая Академию от «смерти», Аганбегян одновременно подарил «жизнь» российско-британскому университету в Москве. Об этом небольшом сюжете, а ещё о знакомстве с Теодором Шаниным, о том, чем «подкупала» Московская школа и почему её стиль было сложно распространить на всю Академию мы поговорили с Абелом Гезевичем. Беседу провёл **Илья Валерьевич Пресняков** — Ph. D Student, School of Historical Studies, Tel Aviv University.

Ключевые слова: Абел Гезевич Аганбегян, Теодор Шанин, Татьяна Ивановна Заславская, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Шанинка, Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР / Правительстве РФ

Для цитирования: *Аганбегян, А. Г.* «...тут никакого КПСС. Тут музейный работник или социолог» / Интервьюер И. В. Пресняков // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 94–103.

Абел Гезевич, спасибо, что согласились поговорить. Предлагаю начать с того, как Вы познакомились с Теодором Шаниным.

В 1985 году ко мне обратился ВААП[1]. Была такая организация в советское время, существовавшая при ЦК КПСС, которая негласно продвигала нашу литературу на Западе. В основном идеологического плана. Меня вызвали в отдел пропаганды ЦК. Там был такой Яковлев Александр Николаевич, сначала замначальника, а потом член Политбюро, в перестройку. И он просил, чтобы я написал книгу об экономической политике Горбачёва.

Я с Горбачёвым часто встречался. Он меня выбрал в качестве консультанта. Опять же негласно, потому что я отказался быть официальным советником. Для этого я должен был бы пойти к нему на службу. Но как-то было смешно академику пойти советником кого-то. К тому же я был секретарём отделения экономики, руководителем научной организации. Я не собирался оттуда уходить ни в какую политику. Но консультировать чисто по экономическим вопросам — пожалуйста. И с Горбачёвым я достаточно часто встречался. Поэтому ко мне обратились, имея в виду, что в этой книге я напишу не только про экономическую политику, но и про личность Горбачёва, которая всех очень интересовала, когда он стал Генеральным секретарём. За два года до этого он произвёл сильное впечатление как государственный деятель от своей поездки в Англию, очень о нём положительно отзывалась Маргарет Тэтчер. Горбачёв был близок также к Татьяне Ивановне Заславской. Она ему помогала в подготовке его доклада на майском пленуме ЦК по агропромышленному комплексу[2]. Она же ему рекомендовала меня, поскольку мы с ней дружили и вместе работали в Новосибирске[3].

Так вот меня просили написать о перестройке и политике Горбачёва. Я полгода на это потратил, надиктовав такую книгу. И они по своим каналам, уже без меня, издали её во Франции, в Италии, в Англии, США. Французское и английское издательства приглашали иностранных авторов своих книг. Приглашали с семьёй, с жёнами, приехать к ним, чтобы рекламировать книги, подписывать в магазинах, выступать перед разными аудиториями и т. д. Три дня здесь, три дня там.

И меня пригласили в Англию, где я первый раз увидел свою книгу, изданную на английском языке [Aganbegyan, 1988]. В Россию никто

[1] Всесоюзное агентство по авторским правам (1973–1991).

[2] Речь о Пленуме Центрального комитета КПСС 24 мая 1982, на котором была принята продовольственная программа СССР.

[3] Имеется в виду Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения академии наук СССР.

её не прислал. И я очень удивился, что предисловие написано Теодором Шаниным, с которым я не был знаком. Он написал достаточно положительное предисловие, и мы с ним там на этой почве познакомились[4].

Эта поездка была знаменательна ещё и тем, что меня просили выступить перед большими аудиториями, где, видимо, присутствовали весьма уважаемые люди, потому что потом они просили меня выступить перед специальным составом в одной из самых дорогих, как считается, гостиниц Англии — «Дорчестере», в Лондоне, перед лордами, что редко бывает. Мне также позвонили помощники Тэтчер и пригласили с ней встретиться. Она меня спрашивала об экономике, о Горбачёве. Тогда же я познакомился и с Шаниным.

Надо сказать, что мы с ним не просто встретились. Он мне дал ряд очень важных советов. Дело в том, что ко мне давно обращался Кембридж, конкретнее — Тринити колледж, чтобы я у них был как визитинг-профессор. Я ответил, что когда поеду в Англию, то сообщу им. А тут я как раз и приехал. На что они ответили, что им это очень удобно, и я могу приехать дней на десять, прочитать лекции. И вот как раз в это время Шанин дал мне ряд важных советов.

Ну, например. Дело в том, что, если ты ездил за границу по линии ВААП, то тебя сопровождал их сотрудник, который был «с погонами». И первое, что мне сказал Шанин, что я не должен приехать в его сопровождении. Этот сотрудник будет выдавать себя за экономиста. Но пара вопросов, и станет ясно, что это не экономист. Вузовская общественность этого не потерпит. Недавно, например, приезжал президент советской Академии наук, которого якобы сопровождали физики. И среди них действительно был один физик, но остальные, как выяснилось, ими не были. Это легко «прочитать». Президент Кембриджа очень обиделся и даже не дал обед в честь президента нашей Академии наук. Поэтому Шанин мне советовал, чтобы я ехал или только с женой, или один. В итоге, я упросил жену и нашего со-

[4] Здесь можно сделать небольшое отступление и отметить, что с конца 1980-х вместе с английским издательством I.B. Tauris Шанин стал редактором книжной серии The Second World, в которую, как он вспоминал, старался включить «работы звёзд советской социологии и экономической науки» [Shanin, 2023, p. 421]. Среди публикуемых авторов — экономист Татьяна Заславская [Zaslavskaya, 1990], историк Виктор Данилов [Danilov, 1988] — не просто коллеги и друзья Шанина, но и люди, прямо участвующие в создании и работе будущей Московской высшей школы социальных и экономических наук в первые годы её функционирования. К выходу книги Аганбегяна Шанин опубликовал статью в журнале New Left Review с говорящим названием Introduction to Aganbegyan — своего рода знакомство с автором и его идеями [Shanin, 1988]. В том же номере были опубликованы фрагменты лекции Аганбегяна, прочитанной 16 ноября 1987 года в Манчестерском университете [Aganbegyan, 1988].

провождающего остаться в Лондоне, дал им часть денег, которые мне заплатили за визитинг-профессоршип. Я читал им эконометрику.

Вот ряд таких советов мне дал Шанин — как лучше освоиться. И как-то он мне сразу очень понравился. Мы с ним поговорили о Чаянове[5]. Я изучал двадцатые годы: Кондратьев, Чаянов... великомученики. Шанин очень свободно говорил по-русски. У него не было акцента, никаких затруднений.

А в какой момент возникла идея с Московской школой?

Позже Шанин приехал в Москву. И вышел на меня, потому что до этого я дал ему координаты: если будешь в Москве — ради Бога. Хотя я ещё не был ректором Академии народного хозяйства. Им я стал с 1989 года. Он ко мне в Москву приехал позже, в 90-ом каком-то году. С идеей организовать факультет в нашей Академии. Я с удовольствием на это пошёл, потому что, во-первых, это был конец холодной войны, были хорошие отношения с Западом. Во-вторых, я очень старался, чтобы в Академии были программы, которые бы шли на английском языке, чтобы у нас преподавали профессора университетов Америки или Англии, чтобы мы давали бы английские дипломы. И такие программы у нас были. Например, с Kingston University London, с Техасским университетом, с Калифорнийским университетом в Беркли.

Шанин мне сказал, что договорился со спонсорами. У нас состоялся общий разговор, и я сообщил, что, пожалуйста, выделю помещение, создам льготные условия и т.д. С их стороны были поставлены только два условия. Во-первых, чтобы это была частная независимая образовательная организация. Я согласился. Пусть будет при Академии частное учреждение, которому я даю помещение. Во-вторых, Шанин сказал, что в Англии нельзя ничего открыть в области высшего образования, если у тебя нет библиотеки. Я предложил: давай сначала откроем Школу, а потом создадим библиотеку. Он ни в какую: сначала библиотека, потом всё остальное. Хорошо, я отдал зал, его оборудовали, но тут я поставил условие: чтобы главой библиотеки был англичанин. Английская библиотека — это всё совсем иначе. Книги должны стоять везде, второй этаж, лестница, должны быть компьютеры, доступ в Англию.

Мы также договорились, что половина денег — от спонсоров Шанина, другая половина — деньги Академии. Дело в том, что Академия тогда имела государственное финансирование, но оно было меньше

[5] Крестьяновед, историк и экономист Александр Чаянов — один из ключевых для Шанина авторов. Перевод его книги с предисловием Шанина и введением Виктора Данилова также был опубликовал в серии The Second World [Chayanov, 1991].

50 процентов. Мы сами зарабатывали. В перестройку, если вы преподавали взрослым людям, то не было бюджетных мест. Обучение было платным. И за счёт этих денег Академия зарабатывала. Кроме того, я сократил аппарат, у меня было только два проректора. Каждый факультет был на своём балансе. У него были свои бухгалтеры, свой счёт. И в этом смысле подразделение Шанина ничем не отличалось.

То есть изначально Московская школа была создана как небольшое подразделение Академии?

Да, я её рассматривал как факультет, для меня особой разницы не было. Но если факультеты всё-таки контролировались общей бухгалтерией, то Московская школа не контролировалась нами. Она была финансово самостоятельна. И, естественно, это была совершенно самостоятельная структура[6].

Чем был привлекателен проект Московской школы?

Особенность английских университетов в том, что они не могут не быть исследовательскими. У нас на факультетах не было исследований, и это плохо. А у Шанина был Интерцентр. Он по-английски это сделал. А ведь он же не только в Манчестерском университете работал, где у него была кафедра. Ещё и в Оксфорде, а его жена — в Кембридже. В общем, он знал английское образование от А до Я, был предан ему. И многих наших преподавателей отправлял в Манчестер на стажировку, делал программы вместе с Манчестером и выдавал дипломы по некоторым программам с Манчестером.

Важно, что Шанин на тот момент был довольно тесно связан с Заславской. Ну а Татьяна Ивановна — это... У нас с ней всю жизнь дружба. Я её пригласил работать в Сибирское отделение РАН. Без неё у нас там просто бы не было социологии. И Заславская как раз была со-руководителем Интерцентра вместе с Шаниным. Они придумали ежегодную конференцию «Куда идёт Россия?» — такое звучное название.

Чем ещё меня «подкупила» Московская школа? Специализацией. Мы в Академии не занимались, например, обучением работников в музее, в образовании, в здравоохранении, юристов у нас не было. Они позже появились, а тогда здесь не было юридического отделения. Шанин первым создал его. А ещё политологическое. Я бы просто боялся такое открыть, я не специалист.

Преподавательский состав у них был не из нашей Академии. Из Московского университета, из Академии наук, из Института со-

[6] Московская школа начинала свою работу в 1994–1995 годах как «колледж» — учебный центр при Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.

циологии. Я тут играл минимальную роль, полностью им доверяя. Например, выше уровня, чем у Заславской, трудно было себе представить. Она — седьмая женщина в 300-летней Академии наук, полный академик. И единственная, которая была избрана из член-корреспондентов в академики единогласно. Этого практически не бывает, там тайное голосование. Меня, например, два раза проваливали. А она с первого раза и единогласно. Её авторитет в науке был очень высокий. Как и у самого Шанина. Он, безусловно, выдающийся исследователь. И просто очень умный, разносторонний человек. А жизнь его — просто детектив. Он был солдатом, воевал, до этого был в лагере в Алтае. Но при этом он никогда не кричал, никогда не повышал голос, никогда в грубой форме не навязывал свою точку зрения. Это был интеллигентнейший, честнейший, благороднейший, с моей точки зрения, человек. С Заславской они просто нашли друг друга.

Вы упомянули исследовательское направление, специализацию. А что ещё могло дать создание такого подразделения, как Московская школа? Может, английский язык?

Главное всё-таки — они распространяли и давали гуманитарное знание людям, которые работали в самых разных областях: работникам образования, музейным работникам, людям из культурной сферы, юристам. Юридический факультет был крупнейшим в Московской школе. И да, конечно, они давали международные знания, то есть всё это было с позиции международных стандартов.

Этого сильно не хватало на тот момент?

Этого просто не было! Никакого повышения квалификации гуманитариев в России не было. Была Академия общественных наук, но кто там был? Секретари обкомов, работники служб государственных, всё это с позиции КПСС. То есть — ничего вообще. А тут никакого КПСС. Тут музейный работник или социолог.

Абел Гезевич, а на момент создания или после начала работы, были ли у Московской школы оппоненты? Люди или организации, которые были против, препятствовали?

Я не встречался с такими, не знаю. Наверное... Но они же никого не критиковали. Понимаете, это не боевая организация, которая себя проламывает в каком-то направлении или кого-то отшвыривает. Нет, они заняли совершенно новую нишу. Ну кто может критиковать повышение культуры или квалификации музейных работников? Нужно им повышать квалификацию? Всем надо повышать! Всем нужно приобретать иностранный опыт. Так почему же ты должен возражать про-

тив повышения квалификации юриста? Ну не было в России специального факультета, где люди с высшим юридическим образованием, не студенты, могли повысить квалификацию. Да ещё и международное право. Да, было МГИМО, но там работали именно со студентами.

Шанинская Школа не вела себя агрессивно, никого не критиковала, никого не подменяла, не занималась саморекламой. Они тихонько сидели и работали. Я уверен, что большинство людей о ней и не слышали. А ведь сколько людей они подготовили? Это же десятки тысяч гуманитариев. Вы посмотрите, что писали выпускники, когда Шанин умер. Я прослезился, потому что выражения шли изнутри. Это были не обычные тексты, стандартные, когда человека хоронят, а крик души людей, которые закончили Московскую школу. Я таких отзывов ни о ком не видел.

А уже после того, как Московская школа начала работать, в середине 90-х годов, в нулевые, Вы как-то продолжали следить за её судьбой?

В Школе Шанин создал Сенат, председателем которого я был как ректор Академии. И я там раз в две недели бывал, мы обсуждали разные вопросы, они ко мне обращались с разными вещами. Я, как мог, помогал. И я очень любил эту библиотеку и многих водил в неё. Она всегда была полна.

Шанин — это Кембридж, Оксфорд, Лондонская школа, это Манчестер, старый университет, но применительно к России. Это идеология — персонификация образования. Самостоятельная работа. Они работали в библиотеке. У них не было этой перегрузки, этих шестичасовых занятий каждый день.

А не было идеи распространить этот подход, например, на всю Академию?

У меня было много идей... Я ведь был ректором до 2002 года. А стал им в 1989, когда мне было 57 лет. Я уже был не тот энергичный 40–50 летний человек, с одной стороны. С другой, я приехал из Новосибирска, где провел 25 лет. У меня все друзья там остались. А мне нужно было комплектовать новый коллектив. Из 60–70 человек, профессоров, только один немножко знал английский язык. Их даже послать учиться было нельзя. А нам нужно преподавать маркетинг или международный бизнес, о котором они не слышали. Многие из них за границей не были. Только официальные делегации. Но они не работали за границей реально. Не учились там. А мне нужны были кадры. Рыночные отношения начались. С 1989 уже стали появляться совместные предприятия, частная собственность, кооперативы. А потом, с 1992, началась приватизация настоящая. И кто будет читать лекции про приватизацию? Эти профессора, у которых средний

возраст 67 лет? А их нельзя уволить. Они прошли войну многие, понимаете? Это заслуженные люди. И они хорошие люди. И мог я, у которого масса близких родственников погибли на войне? Знаете, какое отношение было раньше к людям, прошедшим войну? Мы платили всем месячный оклад, когда военный праздник. Не они ко мне в кабинет приходили, а я ходил к ним по комнатам. Каждого поздравлял с букетом. Понимаете, это совсем другое время было. И мне нужна была новая плеяда, а я не мог своих друзей пригласить. Мне было трудно сколотить коллектив, очень трудно. И этот коллектив нужно послать в школы бизнеса.

Я работал с утра до вечера, потому что нужно было всё перестраивать. Тогда было очень тяжёлое время. Началось с того, что нам перестали платить зарплату, оплачивать электроэнергию, телефоны. Нет денег и всё. Бухгалтер мне говорит, что месяц прошёл, а зарплаты нет. Второй месяц — опять зарплаты нет. Нам за электричество нечем было платить, воду обещали отключить, связь. Я пошёл к Валентину Павлову, председателю Правительства СССР. Он говорит: «Абел, я третий месяц не могу заплатить зарплату милиции, шесть месяцев мы не платим пенсионерам, а ты на каждом углу зовешь учиться в Академию, чтобы учить людей зарабатывать деньги. Ну и покажи, как зарабатывать! Ну нет у меня денег, чтобы обеспечивать Академию». А ещё же деньги обесценились в 1992 году. Я, как и все, остался ни с чем... Конечно, со временем я стал более квалифицированным, получил много знаний в Академии, прошел этот путь. Но тогда всё было сложнее.

Литература

1. *Aganbegyan A.* New Directions in Soviet Economics // New Left Review. 1988. No. 169. P. 89–95.
2. *Aganbegyan A.* The Challenge: Economics of Perestroika (Translated by Michael Barratt Brown with Introduction by Alec Nove and Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris, 1988.
3. *Chayanov A.* The Theory of Peasant Co-operatives (Translated by David Wedgwood Benn with Introduction by Viktor Danilov and Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris, 1991.
4. *Danilov V.* Rural Russia Under the New Regime (Translated by Orlando Figes with Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris, 1988.
5. *Shanin T.* Becoming Teodor. From a Child of War to a Visionary Professor (Foreword by Shula Ramon Shanin). Cirencester: Mereo Books, 2023.
6. *Shanin T.* Introduction to Aganbegyan // New Left Review. 1988. No. 169. P. 85–88.
7. *Zaslavskaya T.* The Second Socialist Revolution: an Alternative Soviet Strategy (Translated by Susan M. Davies and Jenny Warren with Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris, 1990.

A. Aganbegyan

"...no CPSU here. Only a museum worker or a sociologist"

Abel Gezevich Aganbegyan is a Doctor of Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, and an International Fellow of the British Academy. From 1989 to 2002, he served as Rector of the Academy of National Economy under the Council of Ministers of the USSR / the Government of the Russian Federation. He is one of the founders of the Moscow School of Social and Economic Sciences. **E-mail**: aganbegyan@ranepa.ru.

Abstract: Without Academician Aganbegyan, the Moscow School of Social and Economic Sciences would, in all probability, not have been established. During the first attempt to create a "British college in Moscow", when by the spring of 1992 it became evident that the Russian ministry would be unable to fulfil its part of the agreement, Aganbegyan, then Rector of the Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation, continued to support Shanin's initiative and was prepared to allocate the necessary resources. The British side, however, remained resolute in its decision to discontinue cooperation with the Russian government.

Later, in the autumn of 1993, when the idea of the future Moscow School began to circulate within the rapidly developing Intercentre again, Aganbegyan — despite the dire material conditions at the Academy — insisted on reviving the project and secured premises that soon housed the now-famous library and the first classrooms. In this way, in rescuing the Academy from "death", Aganbegyan simultaneously gave "life" to the Russian-British university in Moscow.

The interview explores this episode, his initial meeting with Teodor Shanin, the distinctive features that made the Moscow School attractive, and the reasons why its institutional model proved difficult to replicate across the Academy.

The conversation was conducted by **Ilya Presnyakov**, Ph.D. D Student, School of Historical Studies, Tel Aviv University.

Key words: Abel Gezevich Aganbegyan, Teodor Shanin, Tatyana Ivanovna Zaslavskaya, Moscow School of Social and Economic Sciences ("Shaninka" — colloquial name), Academy of National Economy (under the Council of Ministers of the USSR / later the Government of the Russian Federation)

References

1. Aganbegyan A. (1988a) New Directions in Soviet Economics. *New Left Review*. No. 169. P. 89–95.
2. Aganbegyan A. (1988b) *The Challenge: Economics of Perestroika* (Translated by Michael Barratt Brown with Introduction by Alec Nove and Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris.
3. Chayanov A. (1991) *The Theory of Peasant Co-operatives* (Translated by David Wedgwood Benn with Introduction by Viktor Danilov and Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris.
4. Danilov V. (1988) *Rural Russia Under the New Regime* (Translated by Orlando Figes with Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris.

5. Shanin T. (2023) *Becoming Teodor. From a Child of War to a Visionary Professor* (Foreword by Shula Ramon Shanin). Cirencester: Mereo Books.
6. Shanin T. (1988) Introduction to Aganbegyan. *New Left Review*. No. 169. P. 85–88.
7. Zaslavskaya T. (1990) *The Second Socialist Revolution: an Alternative Soviet Strategy* (Translated by Susan M. Davies and Jenny Warren with Foreword by Teodor Shanin). London: I. B. Tauris.

Т. И. Заславская

«Больше всего хотелось бы к Шанину»
Фрагменты писем Т. И. Заславской, 1992–1996 гг.

Татьяна Ивановна Заславская (урождённая Карпова; 9 апреля 1927 — 23 августа 2013) — советский и российский социолог и экономист. Стояла у истоков конференции «Куда идёт Россия?», которая в дальнейшем стала называться «Пути России», была редактором ежегодника конференции, преемником которого является журнал «Пути России».

Предисловие, комментарии **Татьяна Юрьевна Черкашина** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета. **Адрес:** Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, каб. 3338. **Электронная почта:** touch@nsu.ru.

Аннотация: Публикуются фрагменты писем академика Т. И. Заславской сестре М. И. Черемисиной о событиях 1992–1996 гг., связанных с открытием и работой Междисциплинарного академического центра социальных и экономических наук (Интерцентра), на базе которого в 1995 г. была создана Московская высшая школа социальных и экономических наук. Как сопрезидент Т. И. Заславская участвовала в организации издательской и грантовой программ Интерцентра, была организатором международного симпозиума «Куда идёт Россия?», совместно с ВЦИОМ инициировала социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России, была главным редактором информационного бюллетеня мониторинга. Через эго-документы показано возникновение и закрепление инициатив, значимых для современной российской социологии и сегодня.

Ключевые слова: Т. И. Заславская, Теодор Шанин, российская социология, Интерцентр, ВЦИОМ, мониторинг общественного мнения, эго-документы

Для цитирования: *Заславская, Т. И.* «... Больше всего хотелось бы к Шанину» (Фрагменты писем Т. И. Заславской, 1992–1996 гг.) / Предисл. и примеч. Т. Ю. Черкашиной // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 104–137.

Российско-британский университет появился в Москве со второй попытки. Первый раз он мог открыться в начале 1990-х, но так как российская сторона не запланировала свои финансовые обязательства, британская сторона вышла из переговоров о создании «англо-русского экспериментального университета» [Шанин, 2024, с. 293–294]. Хотя первая попытка не привела к желаемому результату, она привела к как минимум двум важным проектам, связанным с Татьяной Ивановной Заславской.

Знакомство Теодора Шанина с новосибирскими социологами произошло ещё в 1983 г., но не личное знакомство с Т. Заславской: «В сентябре 1983 г. профессор Шанин специально приехал в Академгородок, чтобы встретиться с нашим коллективом. Я в то время лежала в больнице, но посетителей ко мне пускали. Однако гроза по поводу „Манифеста“ ещё не утихла, и контакты с иностранцами мне были запрещены. Поэтому Шанину не позволили меня навестить. Однако он познакомился с Инной Рывкиной[1], другим сотрудниками отдела, а также нашими основными работами» [Заславская, 2007а, с. 607]. Личное знакомство состоялось в 1988 г., когда Т. Заславская уже возглавила ВЦИОМ и переехала в Москву. Результатом обсуждения ситуации в тогда ещё советской социологии, преподавания социологических дисциплин в университетах стал проект «Манчестерская школа советских социологов» (другой вариант названия — «Манчестерская школа молодых советских социологов»), часть финансирования которого была обеспечена при посредничестве Т. Заславской. В 1989–1991 гг. через трехмесячные курсы британского университета прошли 60 молодых социологов [Заславская, 2007а, с. 608].

Второй проект — Междисциплинарный академический центр социальных и экономических наук (Интерцентр), «небольшой научно-исследовательский центр социальных наук, на базе которого в будущем при благоприятных условиях можно было бы возродить и проект Школы» [Заславская, 2007а, с. 680]. Так и произошло позднее, хотя Интерцентр, фактически работая, официально открылся только в первой половине 1993 г.

Исследовательские проекты Интерцентра выполнялись в двух «форматах» — небольшим штатом постоянных сотрудников и через

[1] Рывкина Розалина Владимировна (1926–2021) — социолог, доктор экономических наук (1979), в 1966–1990 гг. работала в отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР, многолетний организатор известного методологического семинара отдела социальных проблем; преподавала в Новосибирском государственном университете; организатор отделения социологии на экономическом факультете НГУ (1989), одного из первых в стране. Направления исследований — экономическая социология, образ жизни сельского населения, социальная мобильность, восприятие и адаптация к социально-экономическим реформам, методология социологического исследования.

предоставление «обществоведам любого профиля» годовых грантов (и заключение с ними годовых трудовых контрактов) на исследования по актуальной тематике. За первые два года Интерцентр полностью или частично профинансировал около тридцати исследовательских проектов социологов, экономистов, историков, политологов. А направления исследований постоянных сотрудников были закреплены в названиях подразделений Интерцентра: Центр исследований социетальных трансформаций российского общества (руководитель — Т. И. Заславская) и Центр крестьяноведения и аграрных реформ (руководитель — В. П. Данилов[2]).

Первые годы Интерцентра пунктирно, через отдельные события представлены далее в письмах[3] Татьяны Заславской старшей сестре Майе Ивановне Черемисиной[4]. Они охватывают события 1992–1996 гг. с момента, когда Т. Заславская «сложила с себя обязанности» директора ВЦИОМ и передала их Ю. Леваде, до первого выпуска из МВШСЭН.

В качестве причин ухода с директорской позиции Заславская называет внутреннюю и внешнюю. Внутренняя связана с пониманием того, что занимается «хотя и исключительно важным, но *не своим* делом. Как директор ВЦИОМа я была вынуждена тратить огромные силы на дела, не имевшие ни малейшего отношения к моим интересам». В дополнение к этому коллеги по новосибирскому Институту экономики и организации промышленного производства, переехавшие работать во ВЦИОМ, «не составили цельной команды, а рассредоточились по разным „углам“. Поэтому *глубоких научных корней* у меня во ВЦИОМе не было (в отличие от личной опоры и поддержки, которую я всегда ощущала)» [Заславская, 2007б, с. 160]. Но летом

[2] Данилов Виктор Петрович (1925–2004) — историк, доктор исторических наук (1982), работал в Институте истории СССР АН СССР (с 1992 г. Институт российской истории РАН). Приглашён Т. Шаниным в Интерцентр, руководил Центром крестьяноведения и аграрных реформ. Направления исследований — история аграрных преобразований в России XX века, коллективизация сельского хозяйства и сопротивление ей, социально-экономическая история деревни.

[3] Открытый архив СО РАН. Фонд Т. И. Заславской — М. И. Черемисиной. [Online] http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xc_furs_634919475472910156_2066. [Дата обращения] 14.07.2025. Частично эти письма воспроизведены в воспоминаниях Т. И. Заславской [Заславская, 2007, с. 677–735].

[4] Черемисина Майя Ивановна (1924–2013) — филолог, доктор филологических наук (1974), с 1965 г. работала в Новосибирском государственном университете (основала кафедру языков и фольклора народов Сибири) и в Институте филологии СО АН СССР (РАН), возглавляла сибирскую синтаксическую школу. Направления исследований — проблемы образности лексики, лексическая семантика, структура сложного предложения и синтаксических конструкций, структура и семантика простого предложения.

1991 г., пока Т. Заславская была в Германии, на собрании совета трудового коллектива ВЦИОМ было учреждено ОАО ВЦИОМ, руководителем которого избрали Ю. Леваду[5], что стало внешней причиной покинуть пост директора Центра. Как оценивала эти события Татьяна Ивановна в интервью Борису Докторову, «в результате сложилась парадоксальная ситуация: возникли как бы два ВЦИОМа — реальный и виртуальный. Причем избранным и потому легитимным директором виртуального был Левада, а назначенным сверху и потому менее легитимным директором реального — я. Конечно, мне не только никто не предлагал уйти, но, я уверена, никому и в голову не пришло, что я приму такое решение. Но тот факт, что столь важное собрание было проведено в моё отсутствие, причем учредителями ОАО ВЦИОМ стали только участники собрания, я восприняла как сигнал того, что свою миссию выполнила и у коллектива появился новый достойный лидер» [Заславская, 2007б, с. 161]. В марте 1992 г. Т. И. Заславская уходит с поста директора, остаётся во ВЦИОМ руководителем отдела сравнительных и ретроспективных исследований, и одновременно её избирают президентом ВЦИОМ. Оставалась президентом до преобразования Центра в 2003 г. и ухода части сотрудников в созданную ими исследовательскую организацию под руководством Ю. Левады.

Свободу от обязательств руководителя Центра Т. Заславская рассматривает как возможность заняться сугубо исследованиями, не исключено, что на новом рабочем месте. Публикуемые фрагменты писем начинаются с размышлений над такими предложениями, среди которых самое «соблазнительное» — от Теодора Шанина: стать сопрезидентом Интерцентра. И оно принимается. Сквозные сюжеты писем, помимо текущих исследовательских и административных дел в Интерцентре, — социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России, который финансировался в виде гранта через Интерцентр, издание информационного бюллетеня мониторинга, организация симпозиума «Куда идёт Россия?»[6].

Социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России, разработанный под руководством Т. И. Заслав-

[5] Левада Юрий Александрович (1930–2006) — социолог, доктор философских наук (1966), профессор, работал в ВЦИОМ с 1988 г., в 1992–2003 — его директор, в 2003–2006 гг. возглавлял аналитический центр, созданный исследователями, ушедшими из ВЦИОМ после его реорганизации в 2003 г. Направления исследований — социологии религии, методология и методы социологического исследования, общественное мнение, социальные изменения.

[6] Меняя тематическую конкретизацию после знака вопроса, с таким названием международный симпозиум проводился Интерцентром и МВШСЭН до 2003 г., с 2004 г. — с названием «Пути России», также с тематическим фокусом. Последний на данный момент симпозиум проведён в 2021 г.

ской, задумывался и реализовывался как система отслеживания и анализа динамики массовых представлений об условиях и результатах политических и экономических реформ. Предметом мониторинга были политические и социокультурные *условия* реформ (доверие органам власти, борьба ветвей и уровней власти за перераспределение полномочий, межнациональные конфликты и др.), их социальные *результаты* (изменение критериев социальной стратификации, формирование новых социальных слоёв, динамика экономической дифференциации населения, трансформация рынка труда и трудовых отношений, потребительского рынка и поведения и др.) и *последствия* (непрогнозируемые следствия реформ в виде распада традиционных хозяйственных связей, сепаратизация территорий, нарастание инфляции, снижение объемов производства, снижение уровня жизни населения и др.) [Заславская, 1993б, с. 3]. Но мониторинг экономических и социальных перемен был новым не только по содержанию, но и по практике реализации, воплотившей следующие принципы:

Множественность источников информации. Хотя вся информация мониторинга была опросной, её получали из опросов представителей разных категорий населения и с разной периодичностью: ежемесячные и ежеквартальные опросы взрослого населения страны; опросы работающего населения, ориентированные на проблемы занятости, рынка труда, приватизации; опросы экспертов — «признанных авторитетов в области социально-экономического развития и социально-экономической политики»; опросы «групп, требующих особого, фокусированного внимания исследователей» [Заславская, 1993б, с. 6–7];

Методическая и информационная открытость. Одновременно с проведением мониторинга началось издание информационного бюллетеня «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения»[7], главным редактором которого в течение первого года была Т. И. Заславская. В первых номерах были опубликованы описания дизайна мониторинга, его выборки, формулировки вопросов из анкет мониторинга. В 1993 г. для «доцифровой» эпохи с печатными изданиями и дискетами был придуман и реализован в бюллетене формат представления данных в виде распределений ответов на основные вопросы мониторинга, которые давали респон-

[7] Переименован в 1998 г. в «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», издаётся ВЦИОМ в настоящее время; один из ведущих социологических журналов в России, представлен в международной библиографической базе данных Scopus. Но преемником информационного бюллетеня мониторинга Т. И. Заславская считала «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии» [Заславская, 2007а, с. 704].

денты с разными демографическими, территориальными, экономическими, трудовыми характеристиками. Пусть и в агрегированном виде, но первичные данные опросов в таком объеме начали публиковать в России впервые. Вторым способом реализации информационной открытости, ориентированным на более профессиональную аудиторию, стал «объединенный банк данных ВЦИОМ-ИНТЕРЦЕНТР», который не только аккумулировал всю первичную информацию мониторинга, но и предоставлял микроданные по запросу исследователям. Банк содержал данные опросов четырёх видов — ежемесячных и ежеквартальных опросов взрослого населения России, ежеквартальных опросов работающего населения России и ежеквартальных опросов экспертов, организованные как по отдельным опросам, так и в виде баз данных по каждому из четырёх направлений мониторинга [Крыштановский, 1993, с. 27][8];

Методический аудит мониторинга социально-экономических перемен. При появлении первых данных мониторинга их качество стало предметом анализа с точки зрения контроля реализованной выборки [Козеренко, Новиков, 1993], надёжности [Докторов, 1993], масштабов затруднений с ответами респондентов из разных социальных групп [Дубин, 1995]. К сожалению, большинство таких статей были написаны в первый год мониторинга, критический анализ собираемых данных не стал рутинной практикой (или не стала рутинной практика публиковать результаты такого анализа);

Априорное признание «неидеальности» инструментария мониторинга. Инструментарий мониторинга к моменту его старта был апробирован в предыдущих опросах ВЦИОМ, поэтому «сразу хорошо „заработал“». Тем не менее после первого полугодия были рекомендованы коррективы частоты проведения опросов (не все процессы нуждаются в ежемесячной фиксации), размера выборки (сокращение размера выборки для ежемесячных опросов и, наоборот, её увеличение для специализированных), формулировок вопросов (их не меняли в течение первых семи месяцев, но после изменили некоторые вопросы, в том числе чтобы соответствовать изменениям самого объекта мониторинга и динамичной ситуации в стране) [Заславская, 1993а, с. 6]. Да и на старте методической задачей мониторинга была проверка его изначального замысла; «Методика социологического мониторинга экономических и социальных перемен», «обоснованная

[8] Банк данных мониторинга стал частью Единого архива социологических данных (ЕАСД), созданного в 2000 г., с 2002 г. — структурного подразделения Независимого института социальной политики [Косова 2010], с 2010 г. поддерживается Высшей школой экономики. После реорганизации архива в 2024 г. НИУ ВШЭ предоставляет данные ЕАСД только своим сотрудникам и студентам (https://tes.hse.ru/eaesd-hse2), закрыв публичный доступ к данным, в том числе опросов ВЦИОМ 1990-х гг.

и подкрепленная опытом использования», должна была стать результатом работы, а не предшествовать ей как жёстко сформулированная [Заславская, 1993б, с. 4].

Если оглянуться, то вот так из дня сегодняшнего видится и воспринимается то, что было сделано при поддержке Интерцентра или непосредственно в нём: возникли и закрепились, организационно и институционально, инициативы, значимые для современной российской социологии до сих пор. Но письма позволяют посмотреть на эту историю с «личных» позиций — через повседневную рутину, ворох дел, усталость от них, через переживания, получится ли, в том числе успеть за временем.

Т. Ю. Черкашина

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 25 апреля 1992 г.

[...] Во ВЦИОМе за эти 12 дней была всего 2–3 раза. Работа над нашим проектом идёт, но, конечно, достаточно медленно. Без катализатора в моем лице она норовит остановиться. Вот вернусь из Штатов и вплотную займусь анализом. Любопытно узнать, сработают ли гипотезы, заложенные в «Социологию экономической жизни»[9].

[...] Разговоры о внутрихозяйственном расчете пока остаются разговорами. Но когда у тебя есть договор, ты чувствуешь себя человеком, а не захребетником. Когда же он кончится, встанет морально-организационный вопрос: а за счёт чего живешь? Ответить на него можно по-разному, а именно: а) закрыть глаза на неприятную действительность и считать, что ВЦИОМ обязан содержать своего президента за счёт накладных (неуютно), б) заключить новый договор, например, с фондом Шаталина[10], с Аганбегяном[11], с Минтруда и т. д. (трудно), в) существовать за счёт международного проекта по социальной структуре стран Центральной и Восточной Европы, где мы с Люсей Хахулиной[12] представляем ВЦИОМ (наиболее реально)[13],

[9] *Заславская, Т. И., Рывкина, Р. В.* Социология экономической жизни: Очерки теории / отв. ред. А. Г. Аганбегян; ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1991. 448 с.

[10] Скорее всего, имеется в виду Международный фонд экономических и социальных реформ (Фонд «Реформа»), который при создании в 1990 г. возглавил академик С. С. Шаталин. [Online] https://www.kommersant.ru/doc/266165

[11] Аганбегян Абел Гезевич (род. 1932) — академик РАН, АН СССР (1974), директор Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР в 1966–1984 гг., в 1989–2002 гг. — ректор Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР / Правительстве РФ, ныне РАНХиГС. Направления исследований — производительность труда, размещение производительных сил, заработная плата и уровень жизни, разработка и использования экономико-математических моделей в экономических исследованиях, планировании и управлении.

[12] Хахулина Людмила Александровна — кандидат экономических наук (1975), до 1988 г. работала в отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР, в 1988–2003 гг. — во ВЦИОМ, с 2003 г. — в аналитическом центре, созданном под руководством Ю. Левады. Направления исследований — уровень жизни населения, восприятие социально-экономического неравенства.

[13] Международный проект «Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 г.», руководители проекта Д. Трейман (Donald J. Treiman) (США), И. Селини (Ivan Szelenyi) (Венгрия); исследования по идентичной методике были проведены в Болгарии, Венгрии, России, Словакии и Чехии. Результаты проекта опубликованы в том

г) искать работу в учреждении, где можно просто заниматься наукой и при этом получать зарплату. Замечу в этой связи, что никто даже намёком не дал понять, что я должна «зарабатывать деньги договорами». К тому же людей, экономически «себя не оправдывающих», во ВЦИОМе немало. Но, но и но… не хотелось бы дожить до подобных намёков.

Тем временем поступают предложения различной соблазнительности, к которым трудно не прислушаться. Первое я получила от Шанина. Он уже в течение двух лет бьется над организацией российско-британской школы социальных наук. Первые будущие преподаватели, в числе которых и Инна, находятся на 4-месячной стажировке в Англии, осенью д. б. первый приём на социологический факультет. При этой школе он хочет создать очень маленький институт, с аспирантурой, не больше 15–20 исследователей, вокруг которых гнездилась бы талантливая молодежь. Особо высокой зарплаты не обещают, но обещают рабочий кабинет, пару ассистентов, компьютерную и офисную технику, социологическую библиотеку на 10 тыс. томов с текущей зарубежной периодикой (которая должна стать «сердцем» всей школы), возможность работать над любой темой и полную свободу от организационных забот. В случае, если организовать школу всё-таки не удастся, а такая возможность есть, так как советское министерство отказалось внести те 5% ее стоимости, которые приходились на его долю, […] то институт он всё равно хочет создать при Академии народного хозяйства. Абел поддерживает эту идею, и даже согласен внести требуемые 6 млн. руб *за*[14] Министерство (но возмущенные англичане всё равно не соглашаются больше иметь дела с русскими) и приветствует возможность моей работы там.

[…] Пока не знаю, что отвечать, тем более, что и уход из ВЦИОМ вещь не простая. […] Мой уход может стать толчком если не к окончательному развалу (этого, думаю, не будет), то к полному перерождению ВЦИОМ, а точнее — к превращению его в фабрику информации, не имеющего прямого отношения к науке. Впрочем, это случится всё равно, вопрос только во времени, и, быть может, быстрей — даже

числе в информационном бюллетене: *Хахулина Л. А., Тучек М.* Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. С. 18–22. *Хахулина Л. А., Тучек М.* Жилищные условия в бывших соцстранах: результаты сравнительного исследования // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 5. С. 33–36. *Хахулина Л., Тучек М.* Имущественное расслоение в переходный период // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 3. С. 19–23.

[14] Здесь и далее курсив воспроизведён из писем, которые представляют собой в большинстве случаев распечатки текстов, набранных на компьютере в текстовом редакторе.

лучше. Потому что, откровенно превратившись в «фабрику», ВЦИОМ был бы вынужден сосредоточится на *качестве* проведения опросов (построение и реализация выборки, качество интервьюеров, работа с ними, освоение новых способов опросов, расширение методов обработки информации и проч.). А сейчас по всем этим статьям идёт деградация, и никто не в силах остановить её.

[...] Больше всего хотелось бы к Шанину — в тихое место с малым числом людей, с возможностями эффективной работы. Кстати, он туда приглашает и Инну, и вместе мы могли бы попробовать переписать первый и написать второй том «Экономической социологии». Я как-то очень отчётливо ощущаю, что сейчас, когда и угар, и эйфория перестройки прошли, наступило время фундаментальных исследований, одно из которых мы могли бы выполнить. [...]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 30 октября 1992 г.

[...] Я уже говорила тебе, что работа с Шаниным доставляет мне удовольствие. Почему? По многим причинам. Во-первых, в ней непривычно мало бессмысленности, в том числе вынужденной, диктуемой сверху. Ведь Интерцентр — независимая организация. Ему почти никто ничего не диктует, а, следовательно, всё можно делать разумно.

Во-вторых, эта организация достаточно обеспеченная, а по нашим нормативам богатая. Поэтому нет постоянного ощущения, что надо бы сделать «так», и западные коллеги делают «так», но нам из-за недостатка средств «так» недоступно, и поэтому мы делаем «этак» — менее эффективно, некачественно и ненадёжно, но дёшево. Всё делается по возможности экономично, но солидно. Приведу лишь один пример. Оформляется подписка на 42 иностранных журнала, которые будут в открытом доступе в библиотеке Академического клуба при Интерцентре. Делается это так. Сперва общее число журналов распределяется между науками: 6 исторических, 6 социологических, 7 экономических, столько-то политологических, психологических и т. д. Затем Шанин пишет письма двум наиболее известным учёным каждого направления, рассказывает коротко об Интерцентре, его социальных функциях и относительной бедности и просит порекомендовать 6 (7, 5) наиболее престижных и информативных журналов, формирующих «общественное мнение» в данной области. Очень быстро (через пару недель) он получает ответы от всех адресатов. Сравнивая полученные пары списков, он видит, что большая часть названий (за исключением одного-двух) сходятся. Быстро решается вопрос о тех, которые

названы кем-то одним. Частные списки сводятся воедино, и перед нами не случайный набор журналов, о которых кто-то слышал, а кто-то даже листал, а главных обществоведческих журналов мира. И это — общий стиль работы, которому нам долго учиться. [...]

В-третьих, подавляющая часть вопросов решается легко и быстро, нет бесконечно отвлекающей тягомотины — прорывающихся труб, разбиваемых автомобилей, бесперспективного ремонта, сотрудников, играющих в компьютерные игры, и проч. Шанин — не рохля, он достаточно жесток, что в разрушающемся обществе необходимо. Причём у него есть возможность быть жёстким: тех, кто не справляется с обязанностями, а тем более разгильдяйничает или халтурит, он отстраняет или резко снижает в должности, что влечёт за собой большие материальные потери. Поэтому каждый стремится работать как можно более эффективно, подравниваясь под стиль самого Шанина.

Ну и, конечно, самое главное то, что мне попросту интересно делать то, что мне поручается. Главное здесь — формирование научной и издательских программ Интерцентра, о чем я тебе говорила по телефону. В поисках талантов с удовольствием окунулась бы в эту «стихию» поглубже. Пока вижу три главных источника информации: а) просмотр обществоведческих журналов, б) знакомство с удовлетворенными заявками обществоведов [в конкурсах] и отчетами о выполнении проектов, в) личные расспросы друзей и знакомых о наиболее ярких молодых учёных в разных социальных науках. К сожалению, имён называют очень немного, подавляющее большинство «опрашиваемых» теряется, начинает мучительно думать и в лучшем случае выдавливает одно-два имени, да и то с сомнением. Но всё же какие-то крупинки золота оседают в реторту, и то хорошо. Таланты вообще не очень-то многочисленны, а в такое время, как наше, в науке остаются скорей чудаки.

Ну ладно, хватит про Интерцентр, тем более, что он ещё не открылся. Вчера говорила с Левадой о том, как устроить дальнейшую жизнь. Хотелось бы, чтобы ВЦИОМ с Интерцентром имели братские отношения. Первый является самым богатым в стране владельцем социологической информации, но задыхается в петле бедности. Второй, напротив, нуждается в информации, но имеет достаточно средств для её покупки. Главное же, он и создается-то с целью содействия выживанию и развитию социальных наук. Одним из возможных направлений нашей помощи ВЦИОМу может стать финансирование мониторинга экономической реформы. [...] Получение этих денег позволило бы ВЦИОМУ, во-первых, просто свободно вздохнуть, а во-вторых, сделать мониторинг независимым и, в частности, самостоятельно распространять (а со временем продавать) его результаты. В этом случае Интерцентр будет выступать как заказчик мониторинга, а ВЦИОМ как исполнитель, причём оба останутся в выигрыше. Ведь Интерцентр получит не только аналитические докла-

ды и бюллетени, но и всю первичную информацию мониторинга, организуемую в форме базы данных. Это создаст почти безграничные возможности для анализа… Пишу всё это, а сама думаю: да ведь это всё только мечты, в жизни этого не бывает. Пройдет год-два, мне попадется это письмо, я перечитаю его и усмехнусь, о чём, мол, мечтала… Ну что же, нам ведь не привыкать. Как говорят, «не догоню, так согреюсь». Помечтать-то ведь тоже приятно. […]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 25 декабря 1992 г.

[…] В этом месяце, например, мне пришлось заниматься главным образом мониторингом (хотя прежде я думала, что смогу минимизировать собственное участие в нём и переключиться на социальную структуру). Но работа продолжается, и кто-то должен держать её в своем уме и сердце, контролировать, подталкивать, помогать, консультировать, принимать решения, рецензировать материалы других авторов и даже… брать на себя выполнение работ, с которыми другие не справятся. Это вместо-то высвобождения! Кроме того, я довольно активно занималась поиском средств на осуществление Мониторинга. […] Одновременно «стучусь» в различные фонды, включая вновь образованный Фонд фундаментальных исследований[15]. *Надеюсь, что ты тоже не применишь обратиться туда со своим фундаментальным исследованием. Информация об этом фонде есть у всех, кто был на общем собрании Академии, она там раздавалась.* […] Сейчас у меня с Мониторингом перерыв, поскольку все исполнители работают над анкетами каждый по своему направлению, а у меня направления нет. Поэтому я жду, что они сделают, а сама взялась за «Социальную структуру», опрос 5 тысяч респондентов по которой пойдет, видимо, в феврале. Это международное исследование, охватывающее 4 страны Восточной Европы и Россию, я тебе о нем, по-моему, писала. Меня лично интересует не столько его международный аспект (сравнение стран), сколько возможность вторичного анализа массива анкет для собственных целей после того, как информация будет отослана в США. А для этого надо поработать над нашим национальным российским блоком вопросов.

[15] Российский фонд фундаментальных исследований создан в начале 1992 г. для поддержки на конкурсной основе научно-исследовательских работ по всем направлениям фундаментальной науки. С 2020 г. не проводит конкурсы, с 2022 г. переименован в Российский центр научной информации.

Интерцентр, по идее, должен был открыться 3 января, но в связи с описанным выше аудитом проекта Шанина юристы (а они одни и те же) не смогли оформить документы Интерцентра, и он по-прежнему не существует. А в несуществующую организацию перейти очень трудно. Таким образом, мое шутливое пожелание перейти в Интерцентр не ранее 25 января (а желательно именно с 25 января) вполне может исполниться. А это будет не только Татьянин день, но и ровно пять лет моей работы во ВЦИОМ. Помнишь, как Грушин прилетал ко мне из Москвы и посетил нас в нашей палате в 3-й терапии? Тогда-то я и подписала «Приказ № 1 по ВЦИОМ», начинавшийся словами «Принимаю на себя обязанности директора Всесоюзного центра изучения общественного мнения…» Аналогично в феврале 1992 года я издала приказ со словами «Слагаю с себя обязанности…» Но все-таки, хорошо бы доработать до пяти лет. Неаккуратно как-то уйти на несколько дней раньше, правда? […]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 1 февраля 1993 г.

[…] Расскажу коротко, что у меня сейчас происходит. Здесь три главных темы. Первая — это мониторинг, который мы развёртываем со страшной силой. До чего же полезен оказался тот небольшой задел, который удалось сделать заранее. Ведь сейчас счёт времени идет на часы. В начале марта в поле должна уйти первая анкета «Ежемесячная анкета жителя», во второй половине — «Ежеквартальная анкета работника», вслед за ней — «Ежеквартальная анкета жителя», одновременно «Анкета эксперта» (Инкина), а затем анкеты предпринимателей, директоров предприятий, фермеров, представителей местных властей. И еще впереди будут маячить полугодовые и годовые анкеты (запускаемые соответственно 2 и 1 раз в год и направленные на измерение относительно медленных, но зато глубинных процессов, например, сдвигов в системах ценностей, представлениях о справедливости и проч.). Ко всему этому надо добавить принципы построения выборок, которых (за исключением населения, или жителей) ВЦИОМ еще никогда не строил, а также решение массы организационных и финансовых вопросов, связанных с региональной сетью, изданием информационного бюллетеня (я взяла на себя роль главного редактора, так как считаю Бюллетень главным выходом монитора) и проч., и проч. Поэтому у меня сейчас «ни дна, ни покрышки», приходится работать на износ до тех пор, пока всё более-менее образуется. Но мне это нравится, так работать мне весело, и люди вокруг, а одна я томлюсь. Так что тут всё пока нормально. А база этой работы — ВЦИОМ,

люди достаточно хорошо известные и мне, и друг другу, давно сработавшиеся. Так что по этой линии сюрпризов не ожидаю.

Второе направление — Интерцентр. Завтра его вроде бы открытие, на которое и приедет Оля Бессонова[16]. Но центр все еще не зарегистрирован, так что работаю я во ВЦИОМе. Говорят, через пару недель зарегистрируют, ну тогда и буду переходить. Но я решила не увольняться, а для начала откомандироваться в Интерцентр на один год. Шанин всё равно заключает контракты со всеми на год, так зачем тогда увольняться? Может, мы не понравимся друг другу в работе и захотим расстаться. Тогда лучше сделать это полюбовно.

А так Интерцентр в основном готов. Закончили ремонт, покрасили стены в белый цвет, настелили темно коричневое половое покрытие, купили черную польскую офисную мебель столы, шкафы, тумбы, а в другом месте серые рабочие кресла на колесах и с подголовниками, удобные. Привезены уже и компьютеры, и вся остальная техника. Две больших комнаты разгорожены на половинки, одна из которых предназначена мне, но в приготовленном к употреблению виде я её ещё не видала. Дизайнера тоже пригласили, чтобы он придал менее официальный вид обстановке. Мягкую мебель надо купить для отдыха, и, пожалуй, всё, можно начинать работу. Одного я пока не понимаю: что мне делать на проспекте Вернадского у Юго-Западной, если вся работа по мониторингу будет идти на Никольской? А ведь так почти у всех. Так что за исключением явочных и семинарских дней на Вернадского будет, скорее всего, пустовато. А семинар будет проходить раз в месяц. Народ же удалось собрать очень интересный, и я довольна, и Теодор. […]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 17 апреля 1993 г.

[…] Пришли результаты первого мониторингового опроса. Пока я видела только «линейку», и она кажется интересной. Надеюсь, что дифференцированный анализ мнений разных общественных групп даст много нового и интересного. Сейчас мне приходится работать пре-

[16] Бессонова Ольга Эрнестовна (род. 1958 г.) — социолог, доктор социологических наук (1999), ведущий научный сотрудник отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН, работает в институте с 1980 г. В 1989 г. была участником выездной социологической школы в Манчестерском университете, организованной Т. Шаниным для российских исследователей и преподавателей. Направления исследований — жилищные отношения и жилищные системы, рыночные и раздаточные институциональные механизмы распределения благ.

имущественно над первым номером информационного бюллетеня, оригинал-макет которого надо сдать до 5 мая. Пишу вводную статью по концепции мониторинга[17], главное же, делаю табличное приложение, занимающее половину объема. Оно должно иметь такую же информационную ценность, как и аналитический раздел. Очень хочется, чтобы получилось, ведь мониторинг очень дорог, и ещё надо доказать, что это игра действительно стоит свеч. [...]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 1 июня 1993 г.

[...] С чем же была связана такая перегрузка? Во-первых, с подготовкой и сдачей второго номера информационного бюллетеня мониторинга или, как мы его называем, ИБМ. Еще 10 п. л., один из которых надо было написать, а со всеми остальными *работать* на полную силу. На днях должен выйти первый номер (сегодня мы ждем «сигнала»), и я обязательно, пришлю его тебе, чтобы ты понимала, чем я занимаюсь. Не знаю, как пойдет дальше, а пока я горжусь и научно-методическим уровнем ИБМ, и предметной информативностью ИБМ, и качеством его оформления. [...] Особо хочу сказать об Инне. Ей в ИБМ-2 принадлежат примерно 2,5 п. л., четверть всего объема. И это — лучшее, что есть в номере. Когда я прочитала материалы, данные остальными авторами на основе данных опроса работающего населения России, то нашла их вполне добротными, но... скучноватыми, сероватыми. Есть отдельные искры нового, любопытные повороты мысли, но в целом ровная поверхность без падений и взлетов. У Инны же на тот момент уже были таблицы, но текст только начинал писаться. Я ей позвонила, разговаривала с ней час и просила её выложиться в своей статье так, как она может, на полном своем уровне. «Я хочу, чтобы в статье были не только эксперты, но и ты, Рывкина, автор экспертного опроса. И чтобы ты, кроме результатов опроса, имела при их анализе в своей голове всё то, что ты знаешь независимо от этого, о чём ты читаешь лекции студентам, к примеру, или пишешь книги». Она не сразу поняла, чего я хочу, потом признала, что до тех пор писала «вижу верблюда, говорю: „верблюд“», что она должна переналадить голову на другую задачу, и что она попробует. Работала трое суток почти без сна и, наконец, с зами-

[17] *Заславская Т. И.* Социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. № 1. С. 3–10.

ранием сердца отдала свою рукопись на мой суд[18]. Я прочитала и воспарила духом: номер спасён, раздел безусловно интересен и вызывает массу соображений. Конечно, редактирование этого раздела заняло у меня 5 часов, но по сравнению с результатом это мелочь. Главное, что содержание интересно.

Вообще-то ИБМ состоит из трёх больших разделов: «Методология» (1 п. л.), «Анализ» (4 п. л.) и «Информация» (5 п. л.)[19]. В первом разделе публикуются теоретические и методические материалы, и у Инки там идёт методика опроса экспертов. Второй раздел аналитический, в известном смысле основной. Здесь публикуются результаты мониторинга в «переваренной» авторами форме, т. е. тексты, таблицы, графики, диаграммы, выводы. Здесь идут те 1,2 п. л., которые я оценила так высоко. Третий раздел — это большое и тщательно продуманное табличное приложение, где дается полусырой материал для тех, кто хочет анализировать ситуацию сам. Сперва мы так и хотели назвать его приложением, но потом пришли к выводу, что это одна из наиболее ценных частей ИБМ, и подняли ее статус до раздела. Здесь у Инны тоже свой подраздел «Мнения различных групп экспертов об общественных переменах в России» (1 п. л. таблиц).

[...] Потом поехала в Интерцентр, где ожидался «сигнал» первого номера ИБМ.

[18] Речь о статье: *Рывкина Р. В.* Эксперты о характере перемен в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. № 2. С. 11–18, а также о табличном представлении результатов опроса экспертов в блоке «Информация». Для ежеквартальных опросов была сформирована панель экспертов (200 человек) из представителей 12 групп: «лидеры политических партий; представители высшего эшелона исполнительной власти (правительства, аппарата президента и т. п.); ответственные работники министерств и ведомств; народные депутаты; лидеры профсоюзов; директора государственных предприятий; предприниматели, частные собственники; эксперты и консультанты коммерческих структур; представители экономических союзов и ассоциаций; ученые экономисты, социологи, историки, экономгеографы, политологи, правоведы; публицисты и журналисты социально-экономического профиля; творческие работники».

[19] Эта структура почти сразу стала «плавающей»: раздел «Методология» в некоторых выпусках расширялся до «Методология и общие проблемы» или заменялся только «Общими проблемами», мог отсутствовать. Но долгое время неизменным оставалось разделение выпусков бюллетеня на две части: аналитическую с текстами о результатах исследований, научными статьями и информационную с таблицами, содержащими распределения ответов на вопросы мониторинга в динамике и для отдельных категорий респондентов. Табличная часть «Информация: результаты опросов» сохранялась в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», до конца 2003 г.; в журнале «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии» такой макет выпусков сохранялся в 2003–2008 гг.

И что же? К вечеру действительно дождалась. Выпуск первого номера бюллетеня для меня настоящий праздник. Мне нравится, каким он получился, хотя я уже не могу быть объективной: каждая страница читана-перечитана, каждая таблица проверена-перепроверена. Выпросила лишний экземпляр, чтобы послать тебе. Спрашивается, зачем же я утром так подробно тебе описывала структуру ИБМ, если теперь посылаю его «в натуре». Но ведь кто же знал, что кроме сигнала, он привезёт еще два экземпляра? Очень прошу тебя не просто подержать бюллетень в руках, а потратить минут 15–20, чтобы внимательно его просмотреть. Я вложила в него много сил, и к тому же он предназначен для широкого, круга лиц. [...] И пожалуйста, напиши о своем впечатлении, и что, с твоей точки зрения, следовало бы изменить и улучшить. Всё-таки впереди еще десять выпусков (второй сдаем 5 июня, он почти готов), и в этом году — это моё главное дело. Пусть даже придётся прекратить издание через год (если не удастся достать денег), всё равно мне хочется, чтобы годовая подборка ИБМ оставалась интересной достаточно долго. Для этого мне хотелось бы из номера в номер расширять и углублять содержание. Первый номер базируется на результатах всего одного опроса населения, а второй уже на трёх опросах: населения, работников и экспертов, что придаёт ему большую объемность, разнообразие и интерес. У третьего выпуска информационная база будет аналогична второму, но будут проанализированы ответы экспертов на открытые вопросы (в ИБМ-2 только закрытые, которые менее интересны). Появится и динамика по опросам населения за 3 месяца. Четвёртый выпуск будет базироваться на углубленном опросе населения об уровне и качестве жизни. Он будет более специализированным, но, соответственно, и глубоким. Плюс динамика за 4 месяца. Плюс, мне хотелось бы иметь статьи о проблемах (положении, интересах, ценностях, установках, поведении) конкретных отдельных социальных групп: молодежи (или учащихся), пенсионеров, предпринимателей, наёмных работников в частном секторе, госбюрократии и т. Все анкеты мониторинга имеют общую паспортичку, что позволяет нанизывать данные как бы на один «шампур» выделяемой определенным образом группы. Как видишь, если меня не остановить, я буду писать об ИБМ до утра, потому что уже почти полночь. [...]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 5–6 июля 1993 г.

[...] Со времени прошлого письма у меня особо важных новостей не было. Вся в работе, перерывов почти не бывает, устаю. Третий выпуск ИБМ ещё не сдан, а я уже два дня сижу над четвёртым: конструирую

его «модель», разрабатываю регламент прохождения (со всеми сроками, зависимостями и критическими путями); пишу задание на расчет таблиц. Все стонут, едва заслышав о сроках, в которые надо сдавать материал, а мне приходится выступать в роли Цербера, хотя сама уже еле волоку ноги. [...]

[...] я пытаюсь себе объяснить, почему, вроде бы стремясь в «чистую науку» (переход из ВЦИОМ в Интерцентр) и в принципе *имея возможность* ею заняться, я снова и снова оказываюсь на *научно-организационной* работе. Что это, рок? Или неумение организовать свою жизнь, достичь поставленной цели? Внутреннее чувство отвечает: нет! Это не ошибка, это закономерность, своего рода «органика», потому что я создана именно для такой работы. Да, она менее ценна, чем развитие новой научной теории. Но ведь и в физике тоже есть теоретики и экспериментаторы. Я — экспериментатор, т. е. в определенном смысле учёный «второго сорта». Но уж зато *свою работу* я делаю *первосортно*, в чём и нахожу утешение.

В те небольшие просветы, которые остаются между периодами интенсивной работы над бюллетенем, потихоньку занимаюсь своим исследованием — конечно, не теоретическим, а сугубо экспериментальным. Изучаю состав выборочных совокупностей наших респондентов по массивам, передаваемым ВЦИОМ Интерцентру для формирования Банка данных. Дело в том, что все наши анкеты имеют общую «паспортичку», или «объективку», содержащую 19 вопросов о респонденте. Это позволяет складывать разные массивы, а общее число опрошенных уже сейчас составляет 20 тысяч — невиданно огромная и репрезентативная выборка населения России! Вот я и изучаю, из кого оно состоит. Конечно, данные паспортичек используются всеми авторами мониторинга, но чаще всего для пересечения с содержательными вопросами, т. е. определения особенностей группового мышления. Меня же интересуют связи между данными самой паспортички, потому что они позволяют воспроизвести подлинное строение общества. Очень увлекательно, узнаешь массу нового...

[...] Посылаю тебе экземпляр нашего второго выпуска и жду коротких замечаний о первом. Не могу не похвастаться, что пока отзывы идут очень хорошие. Большинство тех, кому мы направили ИБМ, выражают желание подписаться. Хочется удержаться на этом уровне.

Кстати (или некстати?), сегодня выяснились мои летние перспективы. Поликлиника «4-го управления», к которой меня прикрепил Интерцентр, выделила мне путевку с 26 июля в санаторий «Звенигород» — тот самый, в который мы проникали со стороны реки, и у которого такая большая лесная территория. [...]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 7 октября 1993 г.

[...] Дальше ты спрашиваешь про мой нынешний институт, сиречь Интерцентр. На сей предмет посылаю тебе рекламный буклет, который даёт определенное впечатление о людях, собравшихся под нашей крышей. Я все больше привыкаю к Интерцентру и его людям, а они привыкают ко мне. Ведь Шанин привел меня в Интерцентр своею волей и «навязал» молодым коллегам, с которыми работал 2–3 года. Его они знали хорошо, а меня не знали и, естественно, опасались. Ведь всё бывает — и вздорный характер, и мелочность, и нечистоплотность, и использование служебного положения, и просто глупость. Но взаимный испытательный срок прошёл благополучно, и мы с исполнительными директорами — Маратом и Наташей[20] — вышли из него с взаимным увлажнением и уверенностью друг в друге, сейчас действуем достаточно слаженно, в т. ч. и в «борьбе» с Шаниным, когда он не понимает российских условий и особенностей. Но в целом он тоже всё понимает, так что «бороться» приходится редко.

[...] Я должна была отчитаться о полугоде мониторинга, а Шанин об Интерцентре. Но посовещавшись, Шанин и директора решили, что из тактических соображений лучше было бы выступить мне. А на отчет по обоим проектам полагалось десять минут. Просидела до 3 часов ночи, чтобы все продумать и подготовить. В результате выступила так, что «лучше нельзя». [...] Для меня, как и для всех остальных, это очень важно, п. ч. неуверенность в завтрашнем дне — поганая вещь, а в пожилом возрасте особенно. В Интерцентре же мне нравятся: Шанин, сотрудники (интеллектуальная элита), психологический климат, стены, мебель, техника, условия работы, исполнительность персонала. А что не нравится, то надо преодолевать собственными усилиями, своим трудом, что я и пытаюсь делать.

В последнее время неожиданно, но мощно, воспряла идея «Московской школы экономических и социальных наук», на осколках которой и возник Интерцентр. Казалось, что Школа была похоронена, и не возродится ранее пяти-семи лет. Но сейчас на её возрождении настаивает Абел, обещая выделить для нее помещение (а в Москве это главная сложность для любого нового начинания), [...] а при школе мог бы существовать и развиваться Интерцентр. Я, как обычно, не жажду преподавать, остро ощущая собственное невежество, и меня, кажется, оставят в покое. Другое дело, если со временем я смогу восстановить профессиональный статус и, если не изжить, то ослабить комплекс

[20] Штерин Марат Семёнович — в 1993 г. директор-координатор Интерцентра, Яблонскене Наталья Леонидовна — директор по администрации Интерцентра.

неполноценности. Вот проведу интересное исследование, тогда м. б. стану читать спецкурс. Пока же Шанин просит побыстрее освободиться от мониторинга, который вступил в рутинную стадию и не требует научного руководства. А я бы лучше занялась исследованием социальной структуры на имеющихся материалах мониторинга.

Не помню, писала ли я тебе о Регине[21], которая работает у меня рефрентом с 16 июня. Она попала ко мне по рекомендации и радует свободным знанием английского, свободным же обращением с компьютером, неуемным желанием учиться и высокой трудовой мотивацией. С её помощью я медленно, но верно продвигаюсь в недра «терра инкогнита» — современного российского общества. Мониторинг даёт уникальные возможности для конкретного анализа его структуры, потому что паспортички всех анкет, независимо от их основного содержания, во-первых, универсальны и сравнимы, во-вторых, богаты (19 вопросов) и, в-третьих, делались мною лично после специального анализа прежних паспортичек ВЦИОМ и устранения их недостатков. Сейчас я располагаю материалами 15 опросов 35 тыс. чел. Причем это не одно гигантское исследование, которое в наших условиях не могло бы быть качественным, а равномерные и неторопливые опросы, проводившиеся в течение семи месяцев. Для каждого опрошенного известны значения 19 демографических и статусных характеристик. Невероятно высокий, практически не встречающийся в социологии уровень репрезентативности данных делает этот массив информации достаточно конкретной «моделью» российского общества. Ведь его структура моделируется, или репрезентируется 35 тысячами «живых», реальных элементов, среди которых вряд ли найдется хотя бы пара одинаковых по всем признакам. Работать с таким материалом очень интересно, хотя и трудно (очень объёмен). Регина с помощью ребят из Банка данных[22] делает мне таблицы, я их скрупулёзно анализирую, фиксируя ход рассуждений на компьютере, а потом пишу новое задание, и так шаг за шагом мы приближаемся к цели. [...]

Теперь моя задача довести проект до конца на относительно достойном уровне (с бредом, конечно, буду бороться), но после апреля 1994 г. никто меня туда не заманит. Не буду я и доставать деньги на продолжение мониторинга, потому что для меня это означает ответственность за результат работы. [...]

[21] Громова Регина Геннадьевна — помощница Т. И. Заславской в Интерцентре с середины 1990-х, в конце 1990-х — аспирантка Института социологии РАН, научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук.

[22] В это время заведующим информационным отделом Интерцентра был А. О. Крыштановский, а отдел осуществлял «систематические работы по накоплению, документированию, агрегированию и хранению материалов исследования», а также распространение данных [Крыштановский, 1993, с. 27].

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 5–6 ноября 1993 г.

[...] А теперь расскажу о другом. Я, наверное, уже писала тебе, что по просьбе Шанина и от лица Интерцентра готовлю небольшой (человек на 60–70) международный симпозиум на тему «Куда идёт Россия: альтернативы развития». Он состоится 17–19 декабря и будет состоять из шести «панелей» (каждая по полдня). Первые пять — специализированные (экономическая, политическая, социальная, этнополитическая и социокультурная), а последняя интегральная («Так куда же идёт Россия?»). Мне хотелось, чтобы на этом завершающем заседании выступили 1–2 крупных историка, привыкших мыслить именно категорией России как целого, хорошо знающих её прошлое и способных профессионально анализировать возможное будущее. Как выяснилось, таких людей крайне мало, и мы долго не могли на ком-то остановиться. А в это время по независимому телевидению показывают небольшое интервью с М. Я. Гефтером,[23] и я сразу чувствую, что это именно тот человек, который мне нужен. Он источал какую-то спокойную и светлую мудрость, за которой чувствовалась твердость, способность отстаивать свою позицию в любых условиях. Такое странное сочетание интеллигентской мягкости и просвечивающей через неё непоколебимой твердости в чём-то главном. Гефтер говорил немного, небыстро, ненапористо, но убеждённо, и как бы думал перед экраном. Но и не надо было говорить больше — лично мне довольно было видеть его лицо. Необычайное было впечатление.

Тогда я начала его искать. Выяснилось, что в Институте российской истории он не работает, и они ничего о нём не знают. В Институте Всеобщей истории тоже не работает, и тоже ничего не знают. Звоню в Отделение истории, спрашиваю, как найти М. Я. Гефтера. «Кого? Гефтера? Третья буква какая — „в“ или „ф“?» Я говорю: «Извините, пожалуйста, но ведь это же крупнейший историк, глава сильнейшей

[23] Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995) — советский и российский историк, философ, кандидат исторических наук (1953). С середины 1950-х гг. — один из организаторов, авторов и редакторов «Всемирной истории», изданной Академией наук СССР в 10-ти томах (Всемирная история. В 10-ти томах. / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Государственное издательство политической литературы; Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1955–1965.), с 1964 г. руководил сектором методологии истории в Институте истории Академии наук СССР, в 1970 г. сектор закрыт по требованию ЦК КПСС, с 1976 г. прекратил работать в Институте, с середины 1970-х — в 1980-е гг. публиковался в самиздатской литературе. Направления исследований — экономическая история дореволюционной России, методология и философия истории, диссидентское движение в СССР в конце 1970-х — начале 1980-х гг., академическое диссидентство.

исторической школы в России, неужели вы не знаете его имени?» — «Да я тут недавно работаю, а карточки в картотеке нет. А Вы позвоните в Институт российской истории»... Словом, сказка про белого бычка.

В конце концов я, конечно, его разыскала. Ему сейчас 75 лет, он давно вышел на пенсию, живет за городом, готовит к изданию собрание своих сочинений, написанных в период «застоя» и не публиковавшихся. Часто болеет, не совсем здоров и сейчас, вынужден экономить силы, выступает редко. Не так легко было с ним связаться даже после того, как узнала московский телефон — установлены несколько фильтров для отсечения ненужных звонков. Но вот, наконец, связалась, оставила телефон, и он мне перезвонил. И тут — *два чуда!* Первое — это эффект от личного (хотя и телефонного) разговора. Мы проговорили минут двадцать-тридцать, не замечая времени, с первых слов как лучшие друзья. Он согласился выступить на нашем симпозиуме. А вторым чудом было то, что, как выяснилось, он сам хотел со мною связаться, но «не решался». И много сказал мне доброго. [...]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 6 марта 1994 г.

Дорогая Маюша!

Наконец, получила возможность тебе написать, а до этого была так загружена, что не оставалось ресурса на письма. Январь и февраль у меня выдались особо тяжелыми сошлось несколько дел, каждое из которых требовало больших усилий. Во-первых, я интенсивно работала над второй частью статьи о доходах (первая уже опубликована в ИБМ № 1[24]). В этой связи должна сказать, что давно мечтала о проведении вторичного анализа данных мониторинга, а реально смогла начать его осенью с проверки первой, самой приближенной гипотезы о современной социальной структуре нашего общества. Здесь я основательно увязла в предпринимателях, слой которых оказался очень размытым, и в социальном, и в социально-психологическом плане. Затем мне потребовалось проанализировать доходы предпринимателей, в результате чего выявилась необходимость надежного знания общей картины личных доходов россиян, на фоне которой только и можно понять

[24] *Заславская Т.И.* Доходы работающего населения России. Часть 1. Социальная шкала материальной обеспеченности // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 5–10. *Заславская Т.И.* Доходы работающего населения России. Часть 2. Динамика и дифференциация доходов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 5–12.

положение разных групп. И уж тут я засела фундаментально. А в итоге замкнулся какой-то логический круг. Ведь, будучи экономистом, я 16 лет изучала именно распределение доходов, видя в нем чисто экономическую проблему. Занявшись социологией, ушла от неё, казалось бы, весьма далеко. А сейчас снова столкнулась с ней, уже как с одной из центральных проблем социального развития России. [...]

Таково было моё первое дело. Вторым стало редактирование трудов декабрьского симпозиума «Куда идёт Россия: альтернативы общественного развития» (листов 20–25)[25]. Чтение стенограммы, замечания и пожелания авторам, работа с авторами, собственно редактирование, теперь чтение и редактирование верстки... Я уже закончила работу над первыми четырьмя панелями, и только что привезли две последние, чтобы не скучала в праздники. Но через два-три дня всё-таки надеюсь сбросить это дело. Книга получается яркая, читаю верстку с большим интересом, ведь на слух далеко не всё усваивается, да и многие авторы переработали свои выступления. Когда книжка выйдет, пошлю вам с Пашенькой по экземпляру.

Третье, чем занималась в последнее время, — редактирование второго номера ИБМ, 94. Прежде я надеялась, что с переходом к выпуску 6 номеров в год вместо 12[26] наша жизнь существенно облегчится, так как статьи будут поступать постепенно, на протяжении полутора месяцев. Как бы не так! Практически все они и на этот раз были сданы в последний момент. В результате номер сдаётся с беспрецедентным опозданием на 5 дней. Утешаюсь тем, что третий выпуск — последний, за который я отвечаю. Надеюсь сделать его необычным — интересно для читателей подвести содержательные и методические итоги первого этапа мониторинга. Честно говоря, трудно смириться с мыслью, что дело целого года жизни, доказавшее свою эффективность может развалиться, так как денег на его продолжение нет. [...] Интерцентр выделил на мониторинг всего 15 тыс. долларов, что для нас немало, а для мониторинга — капля в море. Аганбегян дает 30 тыс. долларов на издание ИБМ[27], кое-что сулят политические фонды, что-то дадут минтруда и минэкономики, но всё это пока «журавли в небе»... А из «синиц в руках» — только АНХ и Интерцентр.

[25] Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития/ Общ. ред. Заславской Т. И. и Арутюнян Л. А. М.: Интерпракс, 1994. 320 с.

[26] 12 выпусков в год были только в первоначальных планах. Первый выпуск бюллетеня вышел в мае 1993 г., и до конца года в ежемесячном режиме выпустили восемь номеров. Но уже с 1994 г. бюллетень мониторинга выходит шесть раз в год.

[27] С № 4 1994 г. на обложке бюллетеня указаны не только ВЦИОМ и Интерцентр, а также Академия народного хозяйства. С этого же номера главным редактором бюллетеня становится Ю. А. Левада.

Наконец, всё это время я занималась организацией ротации кадров Интерцентра. Контракты 17 членов ИЦ «первого поколения» истекли 1 февраля, и предполагалось набрать столько же. Возникли проблемы организации ротации, никакого опыта которой не было: как ее проводить, кого оставить — для обеспечения преемственности или просто в силу отличной работы, а кого, и на основе каких критериев — сменить? Какую формальную процедуру ротации кадров принять? Объявлять ли конкурс проектов в печати? Если объявим — утонем в заявках, а если нет, как найти достойных людей? Словом, возникли десятки вопросов, а Шанин был занят новой «игрушкой» — своим независимым европейским университетом, и в сущности переложил всё это на меня. Это была большая и сложная для меня работа, ведь заявки поступали не только экономические и социологические, а охватывающие весь спектр социальных наук, от экологии до культурологии. И из примерно 40 претендентов надо было отобрать 17 сильнейших, иногда, «наступая на горло собственной песне», т. е. признавая преимущество мало знакомых учёных над хорошо знакомыми и близкими. Пришлось разработать систему балльной оценки заявок; а затем самостоятельно провести эту оценку и подготовить окончательные предложения для Шанина. Последний полностью согласился с моим списком, но добавил к нему ещё пять ученых, в которых лично заинтересован, с тем, чтобы я втиснула их в исходную сумму грантов. В итоге сейчас мы рассылаем поздравительно-деловые письма 22 прошедшим и сочувственно-утешительные — 15 не прошедшим конкурса ученым. Однако последним предлагается остаться ассоциированными членами Интерцентра, а также обратиться с непрошедшими у нас заявками на конкурс гуманитариев и обществоведов, где все достойные имеют шансы пройти. Таким образом, и эта «глыба» сброшена. 4 апреля — общее собрание членов Интерцентра-94. Как мне кажется, это будет интересный состав.

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 2 июля 1994 г.

[...] В Интерцентре внешне всё нормально, но у меня есть ощущение нарастания неявного недовольства Шанина мной как со-президентом. Во-первых, в последнее время я много болела, во-вторых, не проявляю особой инициативы, хотя обязанности свои выполняю. Третье же и главное обстоятельство заключается в моём возрасте, точнее — в принадлежности к уходящему поколению. Большинство членов Интерецентра находится в возрасте 35–50 лет, это другие поколения, особенно 35–40. У них иные ценности и понятия, взгляды, структура информированности и знаний, более фамильярные отношения

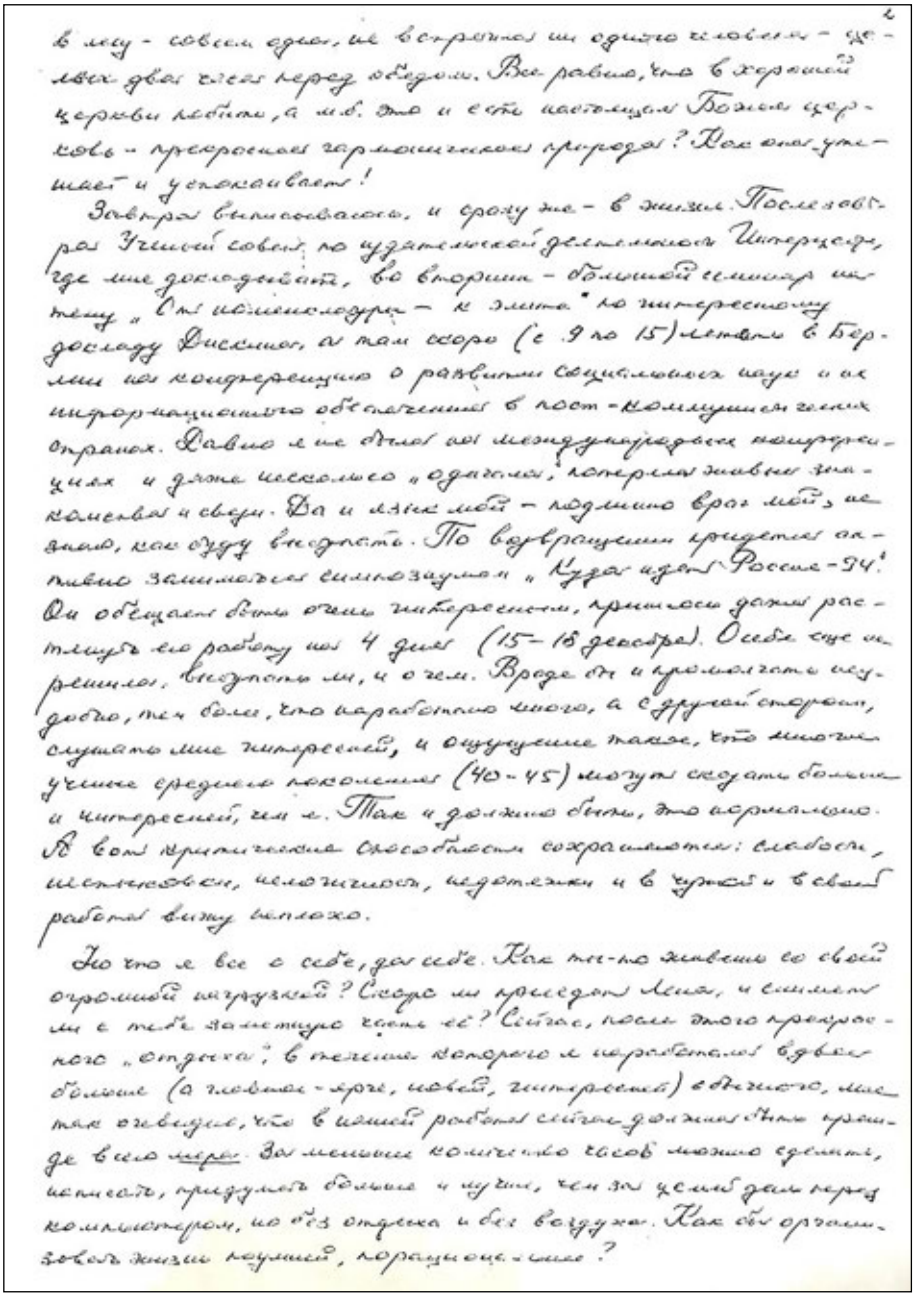
с Западом и т. д. Это создает определенный разрыв, и я уже не раз получала уроки от Шанина и более молодых учёных, свидетельствующие о своём «несоответствии» (последний раз — вчера, во время первого заседания Ученого совета Интерцентра). Это достаточно неприятно. Согласно договорённости с Шаниным, срок нашего со-президентства — 2 года, объявленные переходным периодом. Работать в этом качестве я начала в октябре 1992, а получать деньги — с февраля 1993 года. Конец этого срока — не за горами, а быть может и близко. Собираюсь выяснить этот вопрос, чтобы иметь ясную картину. Ведь мой страх, навеянный папиной судьбой, — это «зазеваться», потерять самокритичность, не понять, что пора добровольно уйти, и дождаться, пока об этом станут просить. К тому же идея со-президентства возникла стихийно, приглашал меня Шанин, и я соглашалась на работу «просто учёного», так что держаться мне особенно не за что.

Надеюсь остаться в Интерцентре в качестве постоянного научного сотрудника, как В. П. Данилов, и заниматься чисто исследовательской работой, быть может с малым кусочком преподавания. Если же это не получится, то придётся искать другую работу. Приглашают, к примеру, в Государственный социальный институт (или университет) на достаточно хороших условиях, но не хочется разбрасываться. А пригласят ли потом, не знаю — время работает не на меня.

[...] Большую статью о доходах работающего населения, написанную по мотивам двух публикаций в ИБМ, «на корню» попросил вполне приличный журнал «Общество и экономика»[28]. А статью «Бизнес-слой российского общества: определение, структура, идентификация», над которой я работаю сейчас, просит журнал, «Общественные науки и современность»[29], в редколлегию которого я недавно вошла. Да и вообще, журналов социально-экономического профиля сейчас достаточно, как старых, так и вновь образованных. Научная жизнь так или иначе идёт, главное — от неё не отстать. А в этом отношении членство в Интерцентре дает уникальные возможности — новая информация так и сыпется на тебя, поскольку идет интенсивный обмен публикациями, докладами, рукописями, газетными статьями и проч. и проч., не говоря о семинарах. [...]

[28] *Заславская Т.* Новые данные о доходах россиян // Общество и экономика. 1995. № 6. С. 28–48.

[29] *Заславская Т. И.* Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 5. С. 7–15. *Заславская Т. И.* Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 17–32.



в лес – совсем одна, не встречаю ни одного человека – где-
либо два часа перед обедом. Все равно, что в хорошей
церкви побыть, а м.б. это и есть настоящая Божья цер-
ковь – прекрасная гармоничная природа? Как она уте-
шает и успокаивает!

Завтра выписываюсь, и сразу же – в жизнь. После обе-
да Ученый совет по издательской деятельности Интерсоци,
где мне докладывать, во вторник – большой семинар на
тему „От номенклатуры – к элите" по интересному
докладу Дисмана, а там скоро (с 9 по 15) летать в Бер-
лин на конференцию о развитии социальных наук и их
интернационального обеспечения в пост-коммунистических
странах. Давно я не была на международных конферен-
циях и даже несколько „одичала", потеряла живые зна-
комства и связи. Да и язык мой – подлинно враг мой, не
знаю, как буду выходить. По возвращении придется ак-
тивно заниматься сильнозаумной „Куда идет Россия-94".
Он обещает быть очень интересным, пришлось даже рас-
тянуть его работу на 4 дня (15–18 декабря). О себе еще не
решила, выходить ли, и о чем. Вроде бы и промолчать неу-
добно, тем более, что наработано много, а с другой стороны,
слушать мне интересней, и ощущение такое, что многие
ученые среднего поколения (40–45) могут сказать больше
и интересней, чем я. Так и должно быть, это нормально.
А вот критические способности сохраняются: слабость,
шаткость, немощность, недотепки и в чужой и в своей
работе вижу неплохо.

Но что я все о себе, да себе. Как ты-то живешь со своей
огромной нагрузкой? Скоро ли приедет Лена, и сможет
ли с тебя малую часть её? Сейчас, после этого прекрас-
ного „отдыха", в течение которого я переработала вдвое
больше (а главное – проще, новей, интересней) обычного, мне
так очевидно, что в нашей работе сейчас должны быть пра-
де всего нервы. За меньшим количеством часов можно сделать,
написать, придумать больше и лучше, чем за целый день перед
компьютером, но без отдыха и без воздуха. Как бы организо-
вать жизнь мудрей, порадостней?

Рис. 1. Фрагмент письма Т. И. Заславской сестре М. И. Черемисиной, 25 октября 1994 г .
Источник: Открытый архив СО РАН, Фонд Т. И. Заславской — М. И. Черемисиной.

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 25 октября 1994 г.

[...] Завтра выписываюсь, и сразу — в жизнь. Послезавтра учёный совет по издательской деятельности Интерцентра, где мне докладывать, во вторник — большой семинар на тему «От номенклатуры — к элите» по интересному докладу Дискина[30], а там скоро (с 9 по 15) лететь в Берлин на конференцию о развитии социальных наук и их информационного обеспечения в пост-коммунистических странах. Давно я не была на международных конференциях и даже несколько «одичала», потеряла живые знакомства и связи. Да и язык мой — подлинно враг мой, не знаю, как буду выступать. По возвращению придётся активно заниматься симпозиумом «Куда идёт Россия — 94». Он обещает быть очень интересным, пришлось даже растянуть его работу на 4 дня (15–18 декабря). О себе ещё не решила, выступать ли, и о чём. Вроде бы и промолчать неудобно, тем более, что наработано много, а с другой стороны, слушать мне интересней, и ощущение такое, что многие учёные среднего поколения (40–45) могут сказать больше и интересней, чем я. [...]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 12 февраля 1995 г.

[...] Несколько дней просто лежала. Лежа, без спешки, с перерывами редактировала текст новой книжки «Куда идёт Россия?», которая бу-

[30] Дискин Иосиф Евгеньевич (род. 1948) — экономист, социолог, доктор экономических наук (1990), в настоящее время — ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики», заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ; на момент описываемых событий работал в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, при поддержке Интерцентра выполнял исследование «Региональные элиты современной России». Результаты исследования были представлены на I-м симпозиуме «Куда идёт Россия?» (*Дискин И. Е.* Россия: социальная трансформация элиты и мотивация / Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Заславской Т. И. и Арутюнян Л. А. М.: Интерпракс, 1994. С. 114–125.), в других публикациях: *Аврамова Е. А.*, *Дискин И. Е.* Социальная трансформация и элиты // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 38–52. *Дискин И. Е.* Элиты как субъекты российских реформ // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 1. С. 12–17.

дет ярче и интереснее прежней[31]. Правда, судя по ее содержанию, общественная мысль напоминает сегодня растопырившего свои иголки ежа. Разброд мнений — отчаянный, утверждения разных авторов часто противоположны, но какая-то «равнодействующая» всё же просматривается, и, увы, она не утешительна. Возможно, работа с этой книгой в сочетании текущими политическими событиями и загнала меня в болезнь, добрую долю которой составляет депрессия. [...]

Определенную роль в этом депрессивном мировосприятии сыграла неопределенность судьбы Интерцентра. [...] Сейчас вопрос в том, что сможет сделать Аганбегян в одиночку, но ясно, что двух паёв ему не поднять. [...]

Узнав о наших трудностях, Левада искренне и сердечно предложил мне в случае развала Интерцентра вернуться во ВЦИОМ, за что я ему очень благодарна. Конечно, я понимаю, что как президента-основателя они всегда бы меня взяли обратно, но дорого приглашение, получаемое в трудную минуту. Однако ВЦИОМ все более чётко разворачивается в сторону маркетинговых исследований. Это позволяет ему прочнее встать на ноги, выше оплачивать труд сотрудников, обновить оборудование, расширить круг заказчиков и т.д., но от науки маркетинг ещё дальше, чем изучение общественного мнения. Другим вариантом в случае необходимости уйти из Интерцентра могла бы стать должность консультанта в Институте Ядова[32] или Римашевской[33] —

[31] Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Материалы II Международного симпозиума / Отв. ред. Заславская Т.И. М.: Издательство «Аспект Пресс», 1995. 512 с.

[32] Ядов Владимир Александрович (1929–2015) — социолог, доктор философских наук (1968), организатор лаборатории социологических исследований при Ленинградском государственном университете (конец 1950-х гг.), ставшей основой ленинградской социологической школы; автор первого учебника по методологии и методам социологического исследования (*Ядов В.А.* Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968). В 1988–2000 гг. — директор Института социологии РАН (в настоящее время — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук). Направления исследований — трудовая мотивация, ценностные ориентации, социальная идентичность, социальные изменения.

[33] Римашевская Наталья Михайловна (1932–2017) — экономист, член-корреспондент РАН (2003), в 1988–2004 гг. — директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, с 2004 г. — заведующая лабораторией гендерных проблем в этом институте. Один из организаторов многолетнего лонгитюдного проекта «Таганрог», исследующего экономическое благосостояние населения на примере отдельного города (первая волна «Таганрог-I» — 1968–1969 гг., пятая волна «Таганрог-V» — 2014–2016 гг.). Направления исследований — социально-экономическая демография, экономическая социология, гендерный анализ, социальные и демографические последствия государственных реформ и кризисов.

полставка, оставляющая полную свободу научной деятельности, но без какого-либо коллектива… […]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 23 июня 1995 г.

[…] В Интерцентре большие перемены. Его отделили от Школы административно, и сейчас в нём всего 8 человек: Шанин, Данилов, я, 3 наших референта и 2 администратора. Так что работы у меня административной не очень много. Остальные все перешли в штат Школы, а главное мы в этом году из-за отсутствия финансов не делали обычного набора грантополучателей. Поэтому моя работа в качестве со-президента Интерцентра носит, скорее, знаковый характер, хотя деньги платят полностью. Наш финансовый кризис в конце концов разрешился благополучно. […]

Несколько дней назад Абел пригласил меня зайти к нему ближе к вечеру. Я зашла в половине шестого и просидела, наверное, час. Он подробно рассказал мне о методе, с помощью которого сбрасывает вес (уже 15 кг), но у меня было чувство, что ему просто хотелось пообщаться по-старому. Потом он спросил меня, как я себя чувствую и вообще живу. Я ответила, что очень плохо, и излила ему свои чувства по поводу неадекватности отдачи по сравнению с занимаемым положением, отсутствия научного коллектива, к работе с которым я привыкла, научного одиночества, недостатка новых идей и проч. Словом, поплакалась в жилетку. Он посоветовал мне взять какую-то крупную тему, а лучше идею, и в спокойной обстановке написать по ней книгу. Я сказала, что идея вообще-то есть, и я хочу попробовать развернуть её, но пока не очень уверена в ней. Он говорит: «Вот я 2 июля приеду, и сразу приноси мне этот проект, а потом, числа 3-го посидим и обсудим». Это меня тронуло. Но больше всего тронули его последние слова: «И вообще, давай держаться вместе!» […]

Т. И. Заславская (Москва) сестре М. И. Черемисиной (Новосибирск), 28 ноября 1996 г.

[…] Опять-таки по инициативе Левады мы начали совместную работу со ВЦИОМ по усовершенствованию концепции, методологии и методики мониторинга «Экономические и социальные перемены в России». В марте 1997 года ему исполнится четыре года, что в на-

ших условиях очень немало. Четырехлетние динамические ряды по десяткам социально-экономических вопросов — это богатство, каким не располагает ни один российский центр, кроме ВЦИОМ. Но, во-первых, мониторинг с самого начала был спроектирован не идеально, а во-вторых, и это главное, конкретное содержание трансформационного процесса в России постепенно меняется, он «уходит» от инструментов нашего наблюдения, базирующихся представлениях конца 1992 года, как если бы мы пытались обычной линейкой измерять длину окружности. Инструмент измерения надо менять вслед за изменением наблюдаемого объекта, но для этого надо ясно понимать, каким он был, каким становится и каким, скорее всего, будет еще через 3–4 года. А это предполагает уточнение теоретической концепции, той самой, которую я когда-то посылала тебе на прочтение (ИБМ, 1993, №№ 1–2). Ты еще удивлялась, откуда у меня такое отчуждение от советского общества. А сейчас я перечитала эту концепцию и готова опять подписаться под ней. Мне кажется, что позитивные и негативные оценки сбалансированы в ней в такой пропорции, которая соответствует моему мироощущению. Сравни это ощущение хотя бы с Нагибиным[34], который буквально пропитан ненавистью к советскому режиму, причем с первых дней ведения дневника в 1942 году и через всю жизнь. Я в этом смысле прямо-таки доброжелатель советской власти. Но о Нагибине свой разговор, — кстати, начала ли ты его читать? — а пока я пишу о мониторинге.

Так вот, мы провели уже два семинара, первый сугубо организационный, все участники которого признали, что ревизия мониторинга нужна, и что они готовы в ней участвовать. А на втором семинаре, дней пять назад, я сделала концептуальный доклад о том, в каких направлениях, по-моему, надо совершенствовать мониторинг, и какой взгляд на трансформационный процесс в России принять. Основные положения доклада были приняты, по сути, без возражений. Меня порадовало, я бы сказала, общее мнение, что прежняя концепция мониторинга осталась правильной и сейчас, так что менять в ней почти ничего не надо. Говорилось о том, что, перечитывая ее через четыре года, удивляешься, до чего точно все написано, и что так мало устарело, и что охват предмета так широк. Приятно, что, хотя в свое время концепция мне далась не легко, зато она выдержала испытание временем. [...]

Позавчера в нашей Школе был красивый и необыкновенно теплый праздник: выпускникам 1996 года вручались дипломы АНХ и Манчестерского университета. Из Англии приехали два представителя

[34] Нагибин Юрий Маркович (1920–1994) — советский писатель, журналист, сценарист. В переписке речь идёт о дневнике Ю. Нагибина, который он вёл в 1942–1986 гг. Первое издание дневника вышло в 1995 г.

ректора МУ, привезли видеозапись процедуры вручения дипломов, мантии и шапочки для участников церемонии и кассету с органной музыкой. Утром была генеральная репетиция, без четверти четыре в зал были допущены гости (некоторым даже пришлось стоять), профессора же, преподаватели и выпускники столпились перед входом в зал в мантиях и черных бархатных шляпах. Мантии были красные с кремовыми отворотами, а академические воротники с капюшонами — желто-золотые, очень красочное зрелище. Без пяти четыре в зал в заранее определенном порядке вошли 17 магистров, облаченные в черные мантии, но еще без шапочек. Они сели на стулья, стоящие впереди первого ряда кресел. Ровно в 4 часа заиграла органная музыка и в зал направилась процессия профессоров, включая ректора. Мы расселись полукругом лицом к магистрам и аудитории. Затем было краткое приветствие от лица ректора Манчестерского университета, небольшая речь Шанина, представление магистров ректору деканами факультетов, вручение магистрам дипломов и черных шапочек с кисточками, краткие выступления гостей, ответное слово от лица выпускников и выступление одного из студентов этого года. Все было одновременно и торжественно, и душевно.

И Шанин, и Аганбегян в своих выступлениях упомянули обо мне, хотя, моя роль в создании собственно Школы невелика. Шанин сказал, что без меня не было бы Интерцентра, на базе которого только и могла возникнуть Школа, а Абел, что Школа может гордиться уровнем профессоров, имеющих такие научные заслуги и уровень. После церемонии был небольшой, но вкусный фуршет, во время которого говорилось, в частности, что секрет большого успеха Школы связан с объединением трех «аур» — Шанина, Заславской и Аганбегяна. Я всегда была чувствительна и к похвалам, и к их отсутствию. Но в данном случае эти высказывания были особенно важны для преодоления моей неуверенности в собственной нужности и полезности Школе. Теперь я думаю: «Года полтора у меня точно есть, а если повезет, то поработаю и побольше». Ну всё. На этом с рабочей темой надо решительно покончить. [...]

Литература

1. *Докторов Б. З.* Анализ надёжности результатов мониторинга: первые опыты // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. № 5. С. 5–8.
2. *Дубин Б. В.* Затрудняющиеся с ответом и социокультурная стратификация оценок // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 3. С. 30–34.
3. *Заславская Т. И.* Избранное: в 3 т. Т. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2007а.
4. *Заславская Т. И.* Мониторинг: итоги первого полугодия // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993а. № 6. С. 5–8.
5. *Заславская Т. И.* Социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993б. № 1. С. 3–10.
6. *Заславская Т. И.* ...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука (интервью Б. Докторову) // Социологический журнал. 2007б. № 3. С. 137–173.
7. *Козеренко Е. В., Новиков С. Г.* Выборка мониторинга: апостериорный контроль // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. № 5. С. 8–10.
8. *Косова Л. Б.* Единый архив социологических данных // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 133–140. Kosova L. Sociological Data Archive
9. *Крыштановский А. О.* Банк данных мониторинга // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. № 8. С. 27–28.
10. *Шанин Т.* Стать Теодором: от ребёнка войны до профессора-визионера. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

T. Zaslavskaya

"... Most of all I would like to go to Shanin"

Fragments of letters by T. I. Zaslavskaya, 1992–1996

Tatiana Zaslavskaya (née Karpova; April 9, 1927 — August 23, 2013) was a Soviet and Russian sociologist and economist. She was at the origin of the creation of the MVSHSEN/Intercenter, the organization and holding of the Shaninka symposia: «Where is Russia going?» / «Ways of Russia», the editor-in-chief of the yearbook of this symposium, the successor of which is the magazine «Russia's Directions».

Preface, comments **Tatiana Cherkashina** — PhD Sociological Sciences, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Production Organization SB RAS, Head of the Department of General Sociology at the Faculty of Economics of Novosibirsk National Research State University. **Address:** Novosibirsk, Pirogova str., 1, office 3338. **E-mail:** touch@nsu.ru.

Abstract: Fragments of letters from Academician T. I. Zaslavskaya to sister M. I. Cheremisina about the events of 1992–1996 related to the opening and work of the Interdisciplinary Academic Center for Social and Economic Sciences (InterCentre), on the basis of which the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences was created in 1995. As co-president, T. I. Zaslavskaya participated in the organization of publishing and grant programs of the InterCentre, was the organizer of the international symposium "Where is Russia going?", together with VCIOM initiated the sociological monitoring of economic and social changes in Russia, was the editor-in-chief of the Monitoring's Bulletin of Information. Ego documents show the emergence and consolidation of initiatives that are significant for modern Russian sociology today.

Keywords: T. I. Zaslavskaya, Teodor Shanin, Russian sociology, InterCentre, VCIOM, monitoring of public opinion, ego-documents

References

1. Doctorov B. Z. (1993) Analysis of Reliability of Monitoring's results: First Experience. Economic and Social Change: The Monitoring of Public Opinion. No. 5. P. 5–8.
2. Dubin B. V. (1995) Those who find it difficult to Answer and Socio-cultural Stratification of Assessments. Economic and Social Change: The Monitoring of Public Opinion. No. 3. P. 30–34.
3. Kosova L. (2010) Sociological Data Archive. Economic sociology. Vol. 11. No. 1. P. 133–140.
4. Kozerenko E. V., Novikov S. G. (1993) Sampling at the Monitoring — A posterior Control. Economic and Social Change: The Monitoring of Public Opinion. No. 5. P. 8–10.
5. Kryshtanovsky A. O. (1993) Databank of the Monitoring. Economic and Social Change: The Monitoring of Public Opinion. No. 8. P. 27–28.
6. Shanin T. (2024) Becoming Teodor: From a child of war to a visionary professor. Moscow: New Literary Observer Publishing House, 2024.

7. Zaslavskaya T. I. (1993a) The Monitoring: Results of the First Six Months. Economic and Social Change: The Monitoring of Public Opinion. No. 6. P. 5–8.
8. Zaslavskaya T. I. (1993b) Sociological Monitoring of Economic and Social Changes in Russia. Economic and Social Change: The Monitoring of Public Opinion. No. 1. P. 3–10.
9. Zaslavskaya T. I. (2007a) Selected: in 3 volumes. Volume 3. My life: memories and reflections. M.: ZAO Izdatelstvo ''Ekonomika''.
10. Zaslavskaya T. I. (2007b) ...I know since my Childhood that Science is the most interesting and respectable Work (Interviewer B. Doktorov). Sociological journal. No. 3. Pp. 137–173.

Т. И. Заславская

О советской сельской социологии

Татьяна Ивановна Заславская (урождённая Карпова; 9 апреля 1927–23 августа 2013) — советский и российский социолог и экономист. Стояла у истоков создания МВШСЭН/Интерцентр, организации и проведения симпозиумов Шанинки: «Куда идёт Россия?» / «Пути России», главный редактор ежегодника этого симпозиума, преемником которого является журнал «Пути России»

Аннотация: это интервью с Татьяной Ивановной Заславской проводилось в январе 2000 года с целью его публикации в издававшемся в МВШСЭН ежегоднике «Крестьяноведение». Но именно в этом году издание ежегодника прервалось на несколько лет, а интервью затерялось в архивах «Крестьяноведения» ещё на целых четверть века.
В данном интервью Т. И. Заславская рассказывает о прерывистых этапах становления и развития советской сельской социологии, о своих собственных сельских социологических исследованиях в связи с исследовательской деятельностью ряда российских и зарубежных сельских социологов.

Особое внимание в интервью уделяется обсуждению этапов научно-исследовательской деятельности Новосибирской социологической школы. Заславская размышляет о проблемах взаимодействия учёного с властью, рассматривает парадоксы поисков прогнозных альтернатив социалистического сельского развития, связанных с экспериментами реформирования советского сельского хозяйства.

Беседу провёл **Александр Михайлович Никулин** — на момент проведения интервью сотрудник Интерцентра/МВШСЭН, на настоящий момент кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС, главный редактор журнала «Крестьяноведение».

Ключевые слова: сельская социология, село, город, миграция, хозяйственный механизм, экономическая социология

Для цитирования: *Заславская, Т. И.* О советской сельской социологии / Интервьюер А. М. Никулин // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 138–159.

Татьяна Ивановна, расскажите, пожалуйста, о развитии советской сельской социологии и Вашем участии в ней.

В советское время характеристику чего угодно было принято начинать с Ленина. Если придерживаться такого подхода, то для начала надо отметить: Ленин придавал большое значение конкретным социальным исследованиям. Это было, думаю, очевидно связано с его высоким уважением к земской статистике. Ведь у Ленина был опыт собственной большой работы с земскими данными, расчётами. Поэтому в первые же годы советской власти, как закончилась Гражданская война, он стал давать массу указаний о необходимости развёртывания конкретных социальных исследований, в первую очередь — деревни. Это, конечно, было связано и с тем, что власть — городская, пролетарская, а деревня — океан мелких крестьянских хозяйств непонятной социальной психологии и так далее. В общем, была развёрнута соответствующая идеологическая кампания с постоянной установкой партийным органам — поддерживать такие исследования. И в 1920-е годы эти исследования проводились довольно активно. Вместе с тем, очевидно, они уже оказались оторванными от магистральной науки, от социологии, её теории, развивавшейся на Западе. Вот это начало всяких советских конкретных социальных исследований часто имело довольно наивный характер, первичный. Ну, эти исследования преследовали цель узнать, что реально происходит в деревне, как к советской политике относятся крестьяне. Но поскольку любая активно ведущаяся работа — она саморазвивается, то к концу 1920-х годов появились очень продвинутые экономико-статистические исследования. И в Сибири такие исследования проводились довольно широко. Анна Наумовна Соскина у нас защищала диссертацию как раз по сельской социологии 1920-х годов в Сибири. Ей удалось найти в архивах сами анкеты тех времён, их дополнительно разработать, сравнить уже с нашими исследованиями. В целом, с учетом довольно большого прошедшего периода времени — 50 лет примерно — всё это вызывало уважение. Но коллективизация, конечно, «вонзила нож» и в сельскую социологию.

Я начинала свою работу в Институте экономики Академии наук СССР на Волхонке, 14. На этой же самой Волхонке 14 с конца 1920-х, находился Институт аграрных проблем, а я начала работать в аграрном отделе Института экономики. И многие люди, основное ядро сотрудников, с которыми я познакомилась, они перекочевали в этот Институт экономики после закрытия Института аграрной экономики.

В каком году Вы начали работать в Институте экономики?

1950 год, сталинское время, откровенных разговоров быть не могло, — но мой непосредственный руководитель, а им был Григорий

Григорьевич Котов[1], в экспедициях, когда мы были часто вдвоём, ехали на каких-нибудь телегах, мог заводить откровенные разговоры, хотя и он очень скупо, но всё-таки рассказывал о том, как была свёрнута эта сельская социология. Григорий Григорьевич Котов, Ксения Васильевна Лосева, хотя они никогда слово «социология» не употребляли, они рассказывали мне о тех конкретных социальных исследованиях, которые они проводили и в меру возможности продолжали эту линию. В частности, говорили о том, что, когда началась коллективизация, люди, которые на протяжении 1920-х годов привыкли отслеживать реальные процессы, происходившие в деревне, учитывать общественное мнение, а эти исследователи все были большевики, верующие в коммунизм, так вот даже они считали, что происходит что-то страшное, огромное заблуждение, что руководство партии не знает, что реально творится в деревне. Поэтому, во-первых, привозили соответствующие исследовательские материалы, во-вторых, писались докладные записки и были выступления на соответствующих партийных конференциях, целью которых было стремление открыть глаза заблуждающемуся руководству. Это всё, понятно, вошло, как тогда говорили, в противоречие с генеральной линией партии. И, как они мне рассказывали, в один прекрасный день, когда они пришли на работу, — это начало 1930-х годов, точнее не могу сказать — а на дверях их Института висело объявление о том, что Институт временно закрыт, то ли на техническое переоборудование, то ли ещё на что, и сотрудников просят поработать дома ближайшие несколько дней. И когда они через эти несколько дней пришли на работу, то двери их Института были открыты, но все их столы и шкафы оказались пустыми. И никаких материалов исследований — ни первичных, ни написанных диссертаций, никаких статей, — ничего не было!

Конечно, Михаила Кубанина расстреляли значительно позже[2], Институт не был ещё в то время закрыт совсем, но такая превентивная мера была проведена. Кажется примерно к этому времени появилась формулировка в советских словарях, что «социология является буржуазной лженаукой». И надолго, на многие времена, закрылось всё это социологическое исследование села.

А когда именно Вы узнали, поняли, что такое сельская социология?

Интересно то, что меня с самого начала, ещё с подросткового возраста, интересовала наука, которая изучала бы жизнь людей, поведение людей современности. Я тогда спрашивала свою высокообразо-

[1] Григорий Григорьевич Котов (24.11.1901–27.05.1980) — аграрник-экономист.

[2] Михаил Ильич Кубанин (1898–1941) — один из ведущих советских аграрников-экономистов 1920–1930-х годов.

ванную мать, есть ли такая наука, а она отвечала, что это этнография. А вот социология… — я это слово узнала уже в 1960-х годах, когда переехала в Новосибирск. А в Москве даже такого слова не слышала. Несмотря на то, что те методы, которые применял Григорий Григорьевич Котов в нашей совместной работе в 1950-е годы, они были в значительной степени социологические. Огромный статистический материал собирался, в том числе обязательно первичный, непосредственно из учётных данных хозяйств, но и кроме того, обязательны было хождение по домам, когда учитывались история, мнения, описания, механизмы сельской жизни — как это люди сами всё видят. Всё это было учтено. Но кроме Котова я не знаю таких, во всём нашем аграрном отделе, кто такие методы применял, а все остальные сидели на официальной статистике, а какая это была статистика — и ежу понятно.

Как же и когда стало происходить возрождение сельской социологии?

Это надо говорить о начале 1960-х годов. Тут насколько я знаю, первой была работа Шубкина. Предпринял он её уже после переезда в Новосибирск, а переехал он туда в 1962 году. И с небольшим коллективом они поехали в село Копанка и провели исследование, которое указало на огромные позитивные изменения, которые произошли за 25 лет [Копанка …, 1965]. Но после этого Шубкин как переключился на профессиональную ориентацию молодёжи, так уже всю жизнь ею и занимался.

Конечно, большое значение в советской сельской социологии, может быть, даже следует говорить «определяющее», имела Новосибирская социологическая школа. Но, когда я в Новосибирск приехала в 1963 году, в Институт экономики и организации промышленного производства, для меня вообще был вопрос — как я могу туда ехать, если я в предстоящей работе ещё совсем не разбираюсь? Да, Аганбегян пригласил меня как личность. Он слышал хорошие отзывы обо мне, ему нужны были перспективные люди. А директор Института Пруденский взял меня на работу по той причине, что в это время обком партии был крайне обеспокоен повышенной миграцией сельского населения в города. Чисто практически обеспокоен. Потому что чаши производства и потребления были уравновешены до конца 1950-х годов, но когда уже меньше и меньше людей оставалось в деревне, больше и больше потребителей становилось в городе, начались большие трудности со снабжением. И партийные руководители задавались наивным вопросом: а почему началось движение из сёл в города? Конечно, это было непосредственно связано с паспортизацией сельского населения. «Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше». Если бы можно было колхозникам получать паспорта раньше, то и миграция началась бы гораздо раньше. Но, поскольку они, практически, были закрепощены до начала 1960-х годов, то с расширяющейся сельской паспортизацией

начался массовый отток населения. И на эту тему исследования меня взяли как экономиста. Никаких мыслей про социологию на тот момент у меня не было.

У нас работал Виктор Иванович Переведенцев, известный человек. Он изучал миграцию. Он попал в мою группу. Меня взяли как руководителя, понимающего в этих делах организации исследования, а Переведенцева — как специалиста по миграции. Тема у нас была — «Обеспеченность трудовыми ресурсами села». И была записана она за Переведенцевым. Я на себя её не брала. Но Переведенцев быстро отошёл от дел, уехал в Москву, тут оказалось, что человека, который бы изучал миграцию, нет. Мне пришлось взяться за изучение миграции, и в 1966 году мы организовали первую пробную экспедицию в районы Новосибирской области.

Поехали в эту экспедицию, сделали анкету. Это был небольшой опрос, примерно 500 человек мы опросили.

А дальше наступило, можно сказать, эпохальное событие — мы вошли в связь с ЦСУ РСФСР. Не помню, как познакомились тогда с Владимиром Давыдовичем Миркиным, который был совершенно потрясающий человек, на поколение старше меня. Мне было тогда 36, а ему около 70, и он был заместителем начальника отдела переписи ЦСУ РСФСР. Он ещё участвовал в организации переписи 1937, 1939 годов. Он статистик до мозга костей, такой старой школы — необыкновенно тщательный профессионал. И мы договорились о проведении совместного исследования миграции сельского населения в городах на примере Новосибирской области нашего отдела и ЦСУ РСФСР. Подготовка к такому исследованию шла целый год. Владимир Давыдович предъявлял высокие, с нашей точки зрения очень высокие, требования ко всему: к инструментарию, особенно к выборке, к организации проведения исследования. Это была привычная фраза, которую мне говорили, когда я приходила на работу: «Татьяна Ивановна, Миркин возмущён!»

В чём же была уникальная особенность этого исследования? Оно было уникальным и остается уникальным до сих пор. Во-первых, выборка: было опрошено 5 тысяч семей из 212 поселений. Было восемь отрядов, районов было больше. Каждый брал по нескольку отрядов. А инструментарий был организован по принципу матрёшки. Было заполнено 212 характеристик населённых пунктов, которые достаточно подробно описывали каждое поселение. Наряду с ними были заполнены паспорта, характеристики, достаточно многостраничные, на каждый колхоз или совхоз. Причём, брались все поселения колхозов и совхозов. Выборка была гнездовая, чтобы можно было также судить и о хозяйстве. Естественно, наши характеристики включали социальные признаки. Затем — опрашивалась каждая пятая семья, не было дифференциации больше-меньше, просто брали каждую пятую семью в любом поселении. И в этой семье ещё отдельно по специальным анкетам — все взрослые. Было опрошено 10300 человек. В анкете

семьи была специальная врезка, посвященная уехавшим мигрантам. Членам семьи, которые мигрировали — зачем, почему. Мы их называли «реальными мигрантами». И массив на них составлял около 500 человек. Затем выявлялись потенциальные мигранты из общего числа взрослых. 8 отрядов, примерно 50 человек — членов экспедиций. И на протяжении чуть больше месяца была собрана эта информация. Особенность нашей работы в Новосибирске всегда заключалась в том, что опрашивались сотрудники. Один раз мы имели опыт привлечения сельской интеллигенции, получили такой материал, что пришлось забраковать. Мы ещё привлекали сотрудников из других отделов, привлекали перспективных студентов. Собрали мы этот гигантский материал. Нужно было его обрабатывать.

Методика опубликована — целая книжечка отдельная, она среди моих трудов имеется. Называется «Методика выборочного исследования миграции сельского населения» [Методика выборочного исследования..., 1969]. И началась обработка. А в те времена обработка велась средствами машинос чётных станций. Это перфокарты. И материал обрабатывался два года. Несмотря на то, что в институте была своя машиносчётная станция, но она и другим отделам считала. Конечно, первые массивы пошли раньше — те же самые реальные мигранты, характеристики населённых пунктов. По материалам этого исследования в 1969 году была выпущена книжка «Миграция сельского населения: цели и задачи», как-то так. А в 1970 году вышла книга «Миграция сельского населения» [Миграция сельского населения, 1970]. И, видимо, в процессе этой работы постепенно происходило преобразование нашего сознания и приходило осознание того, что работа носит более социологический характер, нежели экономический. Конечно, очень большое значение, если не сказать — колоссальное, имели международные контакты. Они были очень интенсивными. С сельскими социологами Польши, Чехословакии организовывались различные конференции.

Что ещё можно сказать? Мы работали в Сибирском отделении, где были сильные математики, мощный институт математики. Во-вторых, в нашем институте у Аганбегяна было экономико-математическое направление развито. Наука без математики считалась в каком-то смысле и не наукой. А у нас к тому же ещё —огромные массивы данных. И плюс — международные контакты, где у коллег тоже было увлечение этими методами. Итак, мы довольно широко применяли математические методы. Для начала это был факторный анализ, всякие повороты осей, регрессионный анализ. В конечном счёте от этого увлечения осталось некоторое не то, что разочарование, но безусловное понимание того, что всё это чисто аналитический инструмент, что он не может быть инструментом прогнозирования, он носит аналитический характер. Но на аналитическом пути он какую-то помощь оказывает.

Мне кажется, что применение количественных методов позволяло нам получать более надёжные и качественные результаты. Потому что выводы должны носить качественный характер. Наиболее сильный фактор — вот то-то и то-то.

Нашим самостоятельным вкладом была работа с методами распознавания образов. Они в это время ещё не применялись в социологии, насколько мне известно, а в Институте математики Загоруйко эти методы разрабатывал. Он сам вышел на меня и рассказал подробно — что они на других данных изучают. И мне подумалось, что это может быть и для нас более адекватным, интересным. Потому что в распознавании образов нет этого ограничения линейности. Всё-таки все дисперсионные, регрессионные, корреляционные анализы — они все базируются на предположении линейных связей, которых на самом деле нет. Хотя делаются попытки, допустим, или корень квадратный извлечь, или, наоборот, степень какую-то, но это всё имеет очень искусственный характер. А распознавание образов совершенно не связано ни с какой линейностью, там совершенно другой подход. Поэтому думалось, что оно может оказаться полезным, и мы целый ряд таких экспериментов провели, написали вместе с Загоруйко книжку «Распознавание образов в социальных исследованиях» [Распознавание образов..., 1968]. Это был 1968 г. После этого, конечно, эти методы продолжали применяться, и сейчас продолжают, но мне кажется, они встали на своё место. Как инструмент. И применяются тогда, когда надо. А когда видно, что это совершенно неподходящие данные для этого метода, то они не применяются. Этот этап увлечения прошел.

Если говорить о существе наших исследований по сельской социологии, то их логика была такая: мы прошли 4 или 5 этапов исследования.

Первый этап — изучение миграции сельского населения в города, её интенсивность, направление, вызывающие её факторы, её социальные последствия. Такое комплексное исследование. Обком хотел получить некоторую панацею — как от этой миграции избавиться. Например, уходят из села потому, что нет больниц — построим больницу, люди уходить перестанут. Но наш вывод был иной: он заключался в том, что город и деревня находятся на качественно разных этапах социального развития, это проявляется, прежде всего, в качестве и образа жизни. Это верх и низ и нет возможности остановить этот переток, кроме как выровнять каким-то образом условия. А для выравнивания условий необходимо передвинуть деревню или сельский сектор общества на качественно иной уровень, что может быть достигнуто, во-первых, в течение долгого периода, и, во-вторых, при последовательном проведении соответствующей политики. И чтобы такую политику предложить и обосновать, мы выдвинули концепцию системного изучения деревни, и поставили перед собой задачу:

изучить сельскую часть общества как некоторую целостную систему. Для этого, прежде всего, нужно было обосновать, что она таки является системой. Понятно, что все связи в обществе очень тесные.

А вот школа Льва Никифорова стояла на противоположной позиции. Мы хотели поднять деревню, а они хотели срастить деревню с городом в единую систему. Поэтому они доказывали, что это настолько тесно связанные вещи, что это просто часть системы. И здесь могло сказываться и то, что они изучали, в основном, нечернозёмную деревню, где, действительно, гораздо теснее связи. А мы изучали Сибирь, где очень большие расстояния, где была качественно иная картина в этом отношении. В общем, это была такая теоретическая работа обоснования.

А дальше была проблема — как представить эту систему. Концепцию системного изучения деревни разрабатывала в основном я. И мы постарались сделать, чтобы это не было теорией. Для теории она в таком виде просто никому не нужна. Мы постарались сделать, чтобы это была методология, на основе которой можно это изучать. И с этим были выделены крупные подсистемы, — шесть подсистем. И если в целом эту конструкцию представить себе, то я её иногда сравнивала с бочкой, в которой есть деревянные планки, а есть обручи, которые связывают. И вот эти подсистемы выступали в качестве «рёбер», это было, например, общественное сельское хозяйство, личное подсобное хозяйство — это производственные подсистемы. Затем непроизводственные подсистемы. И были общие ресурсы или даже образ жизни в том числе выступал — например, баланс времени. Распределение: вот рабочее время. Можно работать в общественном секторе, можно — в личном, можно в домашнем. Бюджет рабочего времени. Бюджет всего суточного времени. Образ жизни как качественная связь между подсистемами. Если у тебя ретроградный способ труда, то вряд ли у тебя развит досуг. И так , мы тогда строили дальнейшие исследования: просто эти подсистемы были распределены, один изучает одно, другой — другое. А были люди, которые изучали уже эти связи. И по итогам этой работы было написано несколько книг. Последняя была издана в 1980 г, называлась «Методология и методика системного изучения деревни» [Методология и методика..., 1980].[3]

Для чего ещё нам это было нужно? Для прогнозирования развития деревни как некоторого целого. Потому что сама идея взялась из того, что, пытаясь наметить пути будущего деревни, мы сталкивались с тем, что специалисты отдельных профилей совершенно независимы друг от друга. Один проектирует, что у него будет индустриальное производство, а демограф рядом с ним говорит, что вся молодежь

[3] Методология и методика системного изучения деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.

из деревни уйдет. И все эти связи совершенно не учитывались. И мы хотели сделать некий «манекен», на котором можно примерять одежду. Где всё взаимосвязано. И мы только успели этим как следует заняться. В 1970 вышла наша «Миграция», в 1971 мы начали работу по подсистемам деревни, и в 1971 году мне предлагают включиться в международный проект, который называется «Будущее деревни в индустриально развитых обществах». Анри Мендра, отец Мари Мендра, был одним из руководителей. Богуслав Галецкий был другим руководителем. Проект Венского центра. Мы включились в этот проект, четыре года в нём работали.

Но самое интересное было в 1973 году, когда Руткевич на меня перекинул руководство комиссией, созданной Президиумом АН — Комиссией по проблемам и перспективам социально-экономического развития советской деревни до 1990 и 2000 годов. Причём АН приняла решение об организации этой комиссии, потому что это было по настоянию Совета министров. А Совмин заинтересовался вдруг деревней, потому что на него со страшной силой нажал Госстрой. А у Госстроя была генеральная схема расселения на территории СССР. И, когда они дошли до села, они остановились в полном недоумении, потому что никаких расчётов или прикидок не было: то ли деревню сселять в города, то ли что? И выяснилось, что никто не знает, ни АН, ни ВАСХНИЛ. И тогда они нажали на Совмин, тот — на АН. Академия организовала эту комиссию, во главе поставили Руткевича как директора Института социологии, а меня — как заместителя. Он один раз нас всех собрал, сказал, что «Татьяна Ивановна в деревне понимает, пусть занимается», и больше у нас не появлялся.

Всё совпадало: и наше внутреннее стремление, и тот международный проект, и этот проект. Вообще, комиссия была сформирована без нашего участия, и это было хорошо, людей обязал Президиум Академии, не я. Но мы потом достаточно широко и свободно включали в неё новых людей. И комиссия работала минимум два года, даже больше. В 1975 году в сентябре на Президиуме АН я уже отчитывалась об этой работе. Но ещё и после этого мы продолжали работу. Поэтому системное изучение — оно не просто с потолка упало. Идеи системного изучения реализовались в работе комиссии, естественно. По итогам работы этой комиссии был написан доклад под тем же названием «Проблемы и перспективы социально-экономического развития советской деревни до 1990 и 2000 годов», который был издан для служебного пользования в количестве 100–150 экземпляров, и одна из задач моей жизни сейчас заключается в том, чтобы найти где-нибудь хоть один экземпляр этого доклада. Доклад был интересный чрезвычайно! Все участники, все члены комиссии получили экземпляр, у меня тоже был — ни одного не могу найти! Кажется, что можно прийти в отчаяние, что ни одного экземпляра такой работы невозможно найти. Но я вдруг, глядя в свои собственные списки публикаций, нахожу:

«Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономические последствия», том 23. А доклад был опубликован в серой обложке, мы все называли его «серый доклад». А ведь он же вошёл в Комплексную программу. И он стал официальным документом. И я надеюсь, что Комплексную программу можно где-то найти, это же такой труд. Интересно сейчас было бы посмотреть на «плод коллективного разума», что же мы на 2000-й год спрогнозировали, и как с прогнозом расходится жизнь. Естественно, у нас там были рыночные идеи. Обязательно было совершенствование хозяйственного механизма. Другое дело, что мы совершенствование хозяйственного механизма видели в развитии рыночных отношений при сохранении форм собственности: колхозно-кооперативная собственность, полный хозрасчёт, худенковские эксперименты — вот такие там идеи.

И на этой основе мы сделали три прогнозных варианта — чтобы какие-то результаты на Президиум представить. Один мы называли «Инерционный вариант». Другой был интенсификационный, худенковский. А третий — реалистический, потому что мы считали, что в сторону интенсификации надо обязательно идти, но не пойдут теми темпами, а будет что-то среднее. И когда академик Котельников готовил заседание Президиума, мы с ним до этого встречались, когда он увидел эти три варианта, он предложил убрать инерционный. А как его убрать, когда всё развитие по нему идёт. «Но это же нельзя считать вариантом развития!» Я говорю: ну, почему же нельзя. Это один из вариантов. «Нет, нет, это невозможно считать вариантом. Пусть будет два варианта, а третий как бы...» Естественно, в жизни реализовался инерционный. В общем, очень бурное было обсуждение на Президиуме. Там Капица тогда выступал. Он то ли родился, то ли вырос в деревне. И он свои воспоминания детства представил. Тем не менее, мы снискали всяческое одобрение. Вот такой у нас был этап.

Надо сказать, что все эти направления, о которых я говорю, в дальнейшем все сохранялись. Как была миграция, так она и дальше продолжалась, только она уже не доминировала в наших исследованиях. Когда общая системная работа окончилась, то она задала основу для изучения всех подсистем, например, исследование личного подсобного хозяйства. А в общественном хозяйстве Василий Дмитриевич Смирнов свои эксперименты ставил социально-экономические с совершенствованием хозяйственного механизма. Велись исследования бюджета времени, баланса времени, социальной сферы. Все эти дела. И достаточно ясно в это время прорисовалась проблема огромной территориальной дифференциации деревни. Того, что (есть) отстающие колхозы и хорошие, пригородные, а также и маргинальные зоны мелких поселений в системе расселения.

Возникла идея сселения мелких поселков как одно из решений проблемы. Тогда мы выделили новое направление — исследование социально-территориальной структуры села сельского сектора, имея

в виду все эти аспекты. И в рамках этого исследования главным образом совершался типологический анализ, была построена целая серия типологий, начиная с типологии крупных регионов страны, областей и краёв автономных республик. Затем была типология районов. Эту типологию делала сначала Майя Мучник, она уехала в Америку, потом сделала Света Крапчан, защитила диссертацию. А типология всех районов Западной Сибири — это Федосеев сделал диссертацию, затем Паша Колосовский делал типологию колхозов и совхозов, уже по характеристикам, свойственным им. А поселениями занималась я сама и Лиза Галиченко. Таким образом, у нас была такая иерархическая структура. И мне кажется, что главные результаты, если говорить о них, они, скорее, (имеют) качественный характер, определяя, что от чего зависит.

Если говорить о мелких посёлках — что мы сделали: с Лизой больше всего мы разработали дифференцированные рекомендации по развитию систем сельского расселения в Сибири. Была типология этих поселений, и для каждого из этих типов были сделаны рекомендации: в чём их главная проблема, во что упирается их жизнь и что с ними надо делать.

По мелким посёлкам история была такая: первое, с чем мы столкнулись — это фантастическая миграция. Оттуда народ уходил. Эти большие исследования деревни повторяли раз в пять лет, за это время численность их населения сократилась на 35%.

Поживи-ка в посёлке, где нет автобусной остановки. Первое, что там жители требовали — автобусную остановку. В ближайший посёлок за 5 км надо ходить пешком. Поэтому исходное представление было — что надо эти посёлки сселять, тем более, что это было торжественно объявлено ещё Хрущевым. И в этом было определенное рациональное зерно. Относительное. И я об этом говорила примерно в 1973 году.

А когда начала работать наша комиссия, там сселение представляли профессор Ковалёв из МГУ, большой авторитет, и его коллега Владимир Беленький. Они были такими настоящими «расселенцами», их основная специальность была «география». И они были против сселений малых сельских посёлков. Они очень быстро и меня убедили. Они были и просто «против», и против форсированного сселения. Соглашаясь, что всё равно остановить исход из мелких селений невозможно, они просто говорили, что там, где исчезает малое сельское, начинает сразу разлагаться чуть большее. Если принимается решение: до 50 человек малое (поселение), давайте, мы их сселим с теми, кто от 50 до 200. И сразу начинается ускоренное разложение тех, кто от 50 до 200. То есть всякое ставшее крайним начинает ускоренно разлагаться, независимо от его более или менее мелкого-крупного размера. Поэтому пусть они существуют мелкие. Всё равно народ из сельской местности уходит, но мелкие сельские поселения, по

аналогии с природой, это как болота, которые не надо осушать, потому что из болот подпитывается вся остальная гидросистема.

Таким образом, те в которых 50 жителей, сохраняют те селения, в которых 200?

Да. Не трогайте мелких. Всё равно процесс сельского исхода идёт, но без централизованного сселения идёт медленнее. И я этому в полной мере вняла. Когда вышел «серый доклад», было 478 тыс. сельских поселений в СССР. И мы говорили, что на 2000 год у нас была цифра порядка 240 тыс. А Госплан настаивал на 120 тысяч, столько надо оставить. А у нас был экстраполяционный (результат), что они всё равно будут постепенно разлагаться, и их останется порядка 240 тыс. И на заседании Госплана мы отстаивали вместе — Беленький, Ковалёв и я — а я уже была академиком, впервые выступала там с доказательствами, что не нужно форсировать процессы сселения мелких деревень. Поэтому, конечно, эти дурацкие обвинения Салуцкого имеют мало отношения к жизни[4].

Вот это мы занимались расселением, и подготовили дифференцированные рекомендации, которые, как и все рекомендации, писались «в воздух», потому что не было субъекта, который интересовался такими рекомендации для воплощения их в жизнь.

Естественно, нас интересовала социальная сторона жизни деревни в первую очередь. Мы отслеживали динамику. Книга «Развитие сельских поселений» тоже по этому направлению написана [Развитие..., 1977]. Это тогда была очень новаторская книга. Была статистика очень хорошая у нас, потому что мы каждые 5 лет получали характеристики населенных пунктов, очень развёрнутые. Такую толстую книжечку создали про каждый населённый пункт. И работали с этой статистической динамикой. И в это время, примерно начиная с этой комиссии, у меня началась совместная работа с Ильей Борисовичем Мучником, который занимался как раз распознаванием образов. Только совсем у него другая методика, чем у Загоруйко. Мучник работал в Институте проблем управления в Москве, рядом с Борисом Березовским, кстати, он меня тогда с ним и познакомил. И мы начали с ним совместную работу именно на типологии поселений. И меня совершенно подкупил метод, который ими был разработан. Он назывался «Лингвистический метод классификации многомерных объектов». Мне всегда казалось, что это страшный выпендрёж, (не имеющий) никакого отношения к лингвистике. Но потом я поняла, в чём была его прелесть. Действительно, одна из величайших

[4] Более подробно о журналистских выпадах А.С. Салуцкого против Т.И. Заславской см. статью Никулина [Никулин, 2014, с. 116–139].

трудностей, с которыми сталкиваются люди, занимающиеся типологическим анализом, особенно — методами Загоруйко, заключается в том, что, когда ты получаешь тип, то тебе о нём сообщаются какие-то средние характеристики. А имени для него нет. И непонятно, что это за тип. Вот эти сёла, как разобраться с типологическим названиями: малообразованные, больше мужчин, чем женщин, у них там то-то и большое личное хозяйство. Кто они такие? А вот другие... И придумать им типологическое имя... Какие только имена им не пытались дать: «чокнутые», чуть ли не «шизофреники», потому что у них типологически получалось раздвоенное сознание. Необыкновенно трудно было ухватить их качество. А лингвистический метод построен таким образом, что базируется на факторном анализе, выделяются факторы, совершенно независимые. Например, один раз мы делали типологию поселений, и у нас выскочил фактор — численность населения и обеспеченность физкультурными сооружениями, два взаимосвязанных показателя. И там высокий критерий: населённый пункт либо очень большой, либо маленький, но у него есть физкультурное сооружение. Ну, глупость, с таким фактором работать нельзя! Естественно, мы выкидываем эту физкультуру, потому что она явно не о том. А когда ты получаешь что-то — высокие доходы, материальную обеспеченность высокую, зарплаты, ты понимаешь — фактор материальной обеспеченности. Он у тебя получил имя. Потом по нему уже выделяются типы. И даже (если) он многомерный, то ты просто знаешь, что это высокодоходный и так далее. Всё осмысленно.

И мы сначала сделали типологию поселений за 1967 год, потом — за 1972. Их надо сравнивать, а как? Они сделаны на независимых массивах, их сравнить, вообще говоря, нельзя. И тогда мы уже стали разрабатывать совместно с Игорем Борисовичем методику динамических сравнений. Разные методы, как можно к этому подходить. И написали книгу, которая в содержательном плане, как мне кажется, достаточно интересная, но мне не приходилось сталкиваться с тем, чтобы люди зачитывались этой книгой. И когда с Игорем Борисовичем подводили итоги, а мы с ним не одну книгу написали, я ему пожаловалась: «Мы сделали сложную работу, очень высокого уровня передовой науки, а кто нашу книгу читал?» Он мне: «Вы серьёзно говорите? Вы не знаете, что по этой книге учатся?» — «А кто учится?» — «Все распознаватели учатся! Это классика». Может быть, а так-то не всегда знаешь, как это всё соотносится в науке и жизни. В общем, так: мы сравнили 1967-й и 1972-й годы, — динамика очень сильная, интересная, закономерности всякие... Проходит 1977 год — анализируем, сравниваем и его. И с изумлением видим, что никакой динамики нет вообще, полный застой, ничего не меняется! Прекратилось социальное развитие деревни, нет его. Ну, есть какая-то подвижка вверх-вниз, а развитие прекратилось. И дальше — то же самое. Застой стал ощущаться тут сильней всего и на всё один ответ: «нет денег». Нет денег на больницы, на школы, на это и на то.

И до поры до времени мы позволяли себе думать, что мы занимаемся социальными проблемами села, а экономисты занимаются экономическими проблемами. Конечно, деньги должны производиться в экономике. Поэтому — вот мы будем исследовать как социально развивать те или другие поселения, а экономисты тем временем будут совершенствовать хозяйственный механизм, и деревня начнет богатеть, начнутся всякие рыночные преобразования и так далее. Но здесь уже — начало 1980 годов, видим, что ничего не получается с этим социальным и экономическим развитием. А мы раз в пять лет должны были писать и писали так называемый «Сибирский доклад», весь Институт его писал. И на нашу долю приходилось анализировать социальное развитие городов и сибирского села. И в частности — планировать, прогнозировать. Но мы видим — что планировать? Ничего не происходит, разлагается то, что было. И пришли мы к выводу, что нам нужно заняться непосредственно социальными проблемами развития сельской экономики. Что, раз здесь лежит ключ к решению социальных проблем, то невозможно просто сидеть в стороне и ожидать, что кто-то из экономистов это сделает. Надо залезть в это сердце социальных проблем хозяйственного механизма АПК. И вот это был следующий этап, о нём и поговорим.

Значит проблематика этого этапа определилась осознанием застоя в развитии советского села?

Да, 1972–1977 годы. На этом отрезке вдруг неожиданно оказалось, что, по существу, развитие прекратилось или стало во много раз меньше. Но это хорошо подтверждается и тем, что именно с 1975 года началось абсолютное сокращение производства. И это тогда совершенно не было осознано обществом, тот факт, что население растёт, а производство снижается, с 1975 года! Но оно выражалось только в натуральных величинах, но зато по натуральным показателям в Алтайском крае, например, практически не было исключений, то есть по всем показателям производства: меньше зерна, меньше мяса, меньше тракторов, моторов, тканей. То есть до этого если уже всё время снижались темпы роста, то вот в 1975–1976 годы черта была перейдена, и стали выпускать продукции меньше, чем раньше. Но поскольку цены повышались, и повышались, видимо, достаточно заметно — на четыре-пять процентов в год — постольку ещё достаточно долго статистика даже, по-моему, в пятилетку 1980–1985 годов всё-таки фиксировала рост порядка двух процентов. В то время как на самом деле предыдущая пятилетка уже была связана с уменьшением продукции. А если уменьшается пирог, то естественно, что на всём этом сказывается. И, конечно, люди ощущали, что жить становится труднее, ощущалась инфляция достаточно основательно. Конечно, какая это был инфляция — делались расчёты инфляции, наш институт делал,

экономические отделы. Они говорили: в строительстве — семь процентов, в потребительском секторе — примерно пять, в обрабатывающей промышленности — примерно два-три процента. Если за год — зарплаты же все были стабильные, — за год снижение уровня жизни на пять процентов — вообще довольно ощутимая вещь, а в строительстве и того больше всё это шло. Поэтому замораживались стройки, и вот эта вся нехватка денег... А за счёт кого первого экономить? Естественно, за счёт села. Колхозы пусть сами строят, добывают и так далее. Вот с какой проблемой мы столкнулись... Причём было такое расхождение в идеологии, которая совершенно инерционно развивалась: торжественно объявленная продовольственная программа 1982 года, в связи с ней обсуждаем: таким путём или другим пойдем, такие трактора у нас будут или другие — а жизнь-то уже пошла в это время по своему пути.

Как вы работали в это время начала 1980 годов, над чем?

Таким образом мы пришли к выводу, что без фундаментального реформирования экономики никакие социальные проблемы села и города решаться не могут. А между тем, другой вывод заключался в том, что само развитие экономики уперлось, по существу, в социальные аспекты жизни, прежде всего в социальные отношения отчуждённости населения от средств производства, от труда собственного. Потому, конечно, в деревне больше, чем где-либо, ощущалось страшное пьянство, которое тоже является одной из форм отчуждения: люди уходят от этой действительности и переходят в ту, которая кажется, является им наиболее приятной.

И в это же самое время уже в Польше были большие сдвиги под влиянием этих рабочих восстаний. Затем в Венгрии я была в 1981–1982 годах: там было такое экономическое и идеологическое оживление в Будапеште — «Пражская весна» своего рода, настроение у них было абсолютно другое, потому что они проводили рыночные реформы — это, конечно, были, рыночные реформы не такие, как сейчас, не либеральные, а реформы идеологии рыночного социализма, с сохранением многого из старого проверенного опыта. Просто открывались постепенно некоторые направления так сказать для свободной предпринимательской деятельности. Я с предпринимателями встречалась в Польше, и когда задавала им вопрос, согласились бы они — бывшие инженеры и так далее — вернуться, при каких условиях, в государственный сектор. Они отвечали, что никогда, ни за что в жизни. Чувствовалось, что есть позитивная энергия предпринимательства, которая могла бы выступить в качестве движущей силы. И мы решили тогда, что мы должны всё-таки сосредоточиться и на мотивациях к труду. Конечно, все остальные направления тоже сохранялись, но выделились по крайней мере направления именно экономической

социологии, то есть социологии именно экономических отношений в целом. Это не только то, что называется социология труда, потому что труд — это один из элементов проблемы. Но, может, где-то близко к социологии труда.

Кроме того, у нас было очень хорошее отношение к экспериментам Худенко в свое время[5]. Но Худенко погиб — его арестовали в 1972 году, он умер, по-моему, в 1974. Так как он свои опыты ставил в Казахстане, а Казахстан близок к Сибири, кроме того, Худенко в нашем институте нашёл большую, значительную духовную поддержку, поэтому он несколько раз бывал у нас в институте, делал доклады на учёных советах, водил с нами дружбу, с социологами. Обращались худенковцы к нам, когда над ними нависла эта опасность, и мы писали письмо Кунаеву с просьбой его освободить, заступались за него. Но не помогло.

Во второй половине 1970-х годов главный помощник Худенко, Филатов, второй человек в этих экспериментах, вышел из тюрьмы на свободу. Вышел всё с той же идеей: продолжать худенковские эксперименты. Вокруг него было примерно 30 человек. У них вообще-то при Худенко около 70 человек участвовало, но к тому времени кто куда: женился, уехал, ещё что-то. А человек 30 готовы были начинать новый эксперимент, и он приехал к нам за помощью методической. Филатов по своей основной профессии был архитектором. И вот эта идея какого-то социального эксперимента, социально-экономического, прежде всего в сельском хозяйстве, она тогда носилась в воздухе. Она и для нас органически возникала из проведённых исследований, и вместе с тем окружающие факторы тоже подталкивали, и Филатов тут где-то рядом. Ещё один был экспериментатор — Журкин, такого же рода. Он обосновался в Алтайском крае, там проводил эксперименты. Но, например, то, что представил Филатов, его методическая программа, нас абсолютно не устраивало, потому что Филатов вообще не был экономистом. А вот Худенко был экономистом, он всё прошёл снизу доверху, начинал с помощника счетовода, а непосредственно входя в экспериментальную деятельность, был начальником производственно-финансового управления Министерства совхозов Казахстана, поэтому он знал абсолютно всё, и у него были очень грамотные эксперименты. А Филатов такое написал — у него там ещё второй помощник был, кажется, Волков, они там такое понаписали, что хоть стой, хоть падай. Получается, что они должны получать больше, чем они будут производить. Ведь любой эксперимент такого рода должен показать, что всем будет лучше: мы произведём на 50% или втрое больше, а сами получим в полтора раза больше — и нам хорошо, и государству. А у них

[5] Иван Никифорович Худенко (1917–1974) — директор казахского совхоза «Акчи», в котором проводились эксперименты по внедрению полного хозрасчёта.

получалось всё наоборот. И сколько мы им не говорили, они это отказывались переделывать. Они хотели, чтобы мы методическое руководство взяли, но мы не могли, потому что это выглядело как расхищение, ведь им же давали государственные средства.

И тогда мы решили, что нам самим надо ставить свой эксперимент, а у нас в отделе как раз работал Василий Дмитриевич Смирнов, уже имевший опыт колхозного экспериментирования на предыдущих этапах своей биографии. А потом спокойно он работал у нас старшим научным. И он взялся за эти эксперименты, начал их проводить где-то в самом начале 1980-х годов и в 1990-е проводил. Но был у него взлёт в этой деятельности — примерно 1985–1986 годы, когда опыт его колхоза заслушивали на Верховном совете СССР, Горбачев там реагировал, в правительство вызывали нашего Василия Дмитриевича, и в Министерство совхозов... В общем, было какое-то исключительное внимание к этому эксперименту. Но на самом деле, этот эксперимент достаточно обычный. Не буду о нём рассказывать в подробностях, главная его идея заключалась в том, чтобы люди отвечали за конечные результаты своей работы. Весь вопрос в том, как это учитывать, как распределять, чтобы это было справедливо и так далее. И действительно, они добились немалых результатов — на 40% продукцию увеличили, плохого не было.

Но почему это всё получилось у них? Во-первых, великолепную там удалось сформировать бригаду специалистов. Во-вторых, председатель колхоза такую карьеру делал, что всех всячески поддерживал. Далее — там были великолепные экономисты. Потому что в экономических расчётах эту социальную справедливость очень сложно воплотить. Экономист — женщина вдохновенная, которая действительно сделала это целью своей жизни, поэтому у них это как-то было всё хорошо. Ну и специалисты основные: главный агроном, главный зоотехник, главный инженер — они все разделяли эту идею. Это редчайший случай — такая команда, повторить это в каком-нибудь другом хозяйстве было бы очень трудно. Итак, вот команда единомышленников — это раз. И конечно, имел место эффект просто экспериментирования, когда всем становится интересно, все чего-то ждут и начинают работать лучше благодаря этому — вот этот фактор.

Василий Дмитриевич не вылезал оттуда — он гораздо больше был в колхозе, нежели он был в Новосибирске. Мы ему говорили: честно скажите — если вас завтра забрали бы из колхоза, что произойдет с колхозом? — «Всё развалится». Мы его регулярно слушали, конечно, нам было интересно. И спрашивали его об отношении рядовых работников к этому эксперименту — а как остальные?

И он нам рассказывал. Он сам из крестьян, поэтому он в колхозе был своим человеком. И просто этим языком крестьянским докладывал. И видно становилось... что это чужое всё равно для простых людей. Говорили они: «Ну ладно, балуется интеллигенция — не меньше

платит, а больше, и слава Богу». А так, чтобы этот механизм зацепил и поволок за собой человека — ничего подобного, ничего этого не было.

Всё-таки я делала вывод, скорее для себя, конечно, что этот эксперимент не распространяемый. И это скоро подтвердилось, когда району стало завидно, секретарю райкома, что председателя колхоза уже вызвали на слушания в Верховный совет, а его не вызвали никуда, и он решил распространить этот эксперимент на весь район. Сделали такую попытку. И уже в масштабе района сразу стало очевидно, что очень трудно всё это распространяется. Не было там таких уже людей, которые бы этого безумно хотели, потом на уровне одного района уже очень разные условия. Тут всё абсолютно сказывается: вот нет у тебя в хозяйстве рядом завода — одна ситуация, а рядом завод, на котором половина молодёжи работает — уже другая. В общем результат был, что этот колхоз — «Путь к коммунизму» он назывался, у него и главный эффект. Ну, ещё два-три колхоза, что-то попробовали сделать... Кто-то одну ферму на эксперимент перевёл, кто-то — одну бригаду, кто-то никого и ничего не перевёл. Было достаточно очевидно, что в целом это дело не идёт.

Из этого я лично делала выводы, которые были в своё время в моём Новосибирском докладе отражены, что надо всю систему перестраивать, что эта существующая система наши эксперименты отторгает. Но что я не понимала тогда в должной степени, и не знаю, в какой степени сейчас понимаю — что, может быть даже не система, а сама культура отторгает. И система, и культура. Потому что систему сломали сейчас: уже нет ни коммунистической партии, которая всем руководит, ни государственной собственности — уже всё поломали, а оно всё равно всё не так. Поэтому, если система долго существовала — старинная российская система, не говоря о 70 годах советских, то она, конечно, вошла в культуру достаточно глубоко. Это как умирающие клетки: их уже унесло, а эффект остается. Так и тут: советской власти нет, а её фантом продолжает существовать в культуре.

Но на тот момент у меня было более оптимистическое мировоззрение, и я считала, что раз так, раз эта система категорически отвергает все эти эксперименты, значит нужно менять эту систему. Вот такой вывод был сделан в 1982–1983 году. И мы решили тогда изучить социальный механизм развития экономики. На примере аграрного сектора. Разобраться надо было в том, что, если уж надо всю систему реформировать, и реформировать её по социальным причинам и в социальном плане, то прежде всего надо понять, как она на самом деле устроена именно в таком системном плане. Не вот как среднее звено её работает — об этом диссертации писали, а в целом как она работает — нет.

Но мы не успели развернуть эту работу, потому что она на самом деле большая, сложная, у неё должен быть большой теоретический задел. Конечно, эмпирические исследования продолжали идти, но они шли по заведённому пути, не с позиции постижения всего этого

механизма. А над механизмом шла теоретическая в основном работа. И в это время уже началась перестройка, в это время я уже уехала в Москву. Так эта идея, по существу, осталась нереализованной. Некому было реализовывать, потому что у нас отдел очень согласованно работал, было де-факто такое явление как высокий статус, высокая авторитетность руководителя. Если бы я там оставалась, я бы могла организовать, чтобы там много людей работало в этом плане, и они бы работали. А когда я уехала, люди сразу — кто как, всё распалось. Хотя продолжают, изучают.

Антон Карпов мне говорил как-то, что ему надоела эта идея механизма — из Новосибирска, он уже про неё наслушался. Потому что каждый старается её применить к своим, более мелким вопросам. Но это так не складывается — эти вещи, которые делаются раздельно, не на основе единой концепции, их потом нельзя сложить.

А к этому времени — какова ваша общая оценка, какой был потенциал нашей сельской социологии? Кто-то ещё вёл какие-то сельские социологические исследования?

Начинал их ещё Арутюнян, но, поскольку работал он в Институте этнографии, хотя у него была большая свобода, его никто не притеснял, так что нельзя сказать, что его заставили, всё равно окружающая среда воздействовала. Я работала в Институте экономики, и мы постепенно поворачивались в сторону экономической социологии, а Арутюнян работал в Институте этнографии, постепенно поворачивался в сторону этнических исследований. Во-первых, они стали изучать не только село, но и город, в сравнении, что неплохо. Но в основном они брали национальные республики. Вот они проводят большое, можно сказать, общероссийское исследование: Татарстан, Башкирия, Калмыкия. И ещё какой-нибудь один регион российский берут для сравнения. Но это уже акцент, тем самым, переносился на этнические проблемы, межнациональные отношения. Мне кажется, есть основания говорить, что Арутюнян всё-таки ушёл из сельской социологии, де-факто перешел в социологию этнических отношений.

А главный сельский социолог тогда был всё-таки Староверов, потому что он руководил сектором социологии села в Центральном социологическом институте в Москве. Староверов — человек очень противоречивый в том отношении, что, безусловно, он талантливый, но абсолютно беспринципный. Конечно, у него были очень идеологические работы, которые он писал, — и в общем, всё, что прикажете. И у нас поэтому были отношения с ним порваны, и до сих пор. Всякое было. Много было у него лицемерия. Например, он писал про индустриализацию сельского хозяйства как про позитивный процесс, она же страшно противоречива: все эти громадные свинокомплексы на 108 тыс. голов. В жизни как-то всё, что придумывалось партией,

всё оборачивалось какой-то нелепостью… Мы сомневались, пытались с этим разбираться, а такие как Староверов, наоборот, — вдохновенные были, так сказать. Они прежде всего пропагандировали великие успехи. Но нельзя так односторонне говорить, всё по-всякому было.

А так, сельские социологи были на периферии представлены: в Краснодаре был Хагуров, в Минске была своя социология села. Но эти направления были тоже очень официальные, насколько я знаю. Мы были в Минске в 1970 году, там была конференция по социальной структуре советского общества, и у неё была целая большая секция по социальной структуре села. А мне кажется, всё, что тогда писалось по социальной структуре, имело мало отношения к жизни. Мне запомнилось, что там был доклад о том, как всё больше становится людей, для которых материальная сторона труда — деньги — теряют значение. И всё больше значение приобретает мотивация, связанная с воодушевлением, вдохновением, интересом к самому труду в содержательном плане и так далее.

Я пыталась вопросы задавать скептические на той конференции. Во-первых, можно ли противопоставлять одно другому? Можно ли отрицать, что человек является существом материальным, что ему нужно пить, есть, что деньги дают свободу в выборе образа жизни, повышения качества жизни? Что это может быть за человек, который вообще не заинтересован в деньгах? Или он миллиардер, но у нас таких нет, чтобы больше ему было ничего не надо. Или он просто воздухом питается? Там был такой доклад представлен, который всё это демонстрировал. Из этого доклада было очевидно: исследователи не обращали внимания на то, что о незначимости денег говорят люди с высокими доходами. И это можно понять — деньги незначимы тогда, когда проблема с ними решена. Вот они исследовали человека, который получал свои, в те времена, 300–350 рублей, а остальное большинство людей получает 100 рублей. Он может заняться творчеством, этот главный агроном, и он уже делает эксперименты, новые культуры внедряет в науку и производство. Для него это главное. Ему можно поверить. Но по той причине, что ему уже достаточно. А если его посадить на зарплату в 50 рублей? Тогда он станет первым, кто заговорит о значении денег. Вот тогда очень много было — с одной стороны, тривиальности, а с другой — вынужденной идейности. Но поскольку было много преподавателей, которые этой идеологией занимались, а они должны были в своих лекциях всё повторять и твердить, то у них происходила уже своеобразная «имплантация». Они не осознавали, что «ладно, сегодня совру» — а это уже завтра перерастёт в убеждённость. От этого было очень тяжко.

Нам в Новосибирске очень помогало не только то, что мы были далеко от центра идеологии Москвы — это само собой. Но всё-таки мы были достаточно тесно связаны с Западом, активно ездили за границу, имея широкий круг общения. Нас было 70 человек, будем

считать, 60, — обычная, средняя цифра, а ездящих коллег было не меньше 15–20. Важно, что весь практический, творческий состав, весь он был выездной. Поэтому мы постоянно соприкасались с западной социологией, учились, старались перенести на свою почву — методы, по крайней мере. Особенно из социалистических стран у нас совместные проекты делали.

Естественно, у Староверова были ещё большие возможности в этом отношении. Но, с другой стороны, у них было так: Центральный институт и проекты, в которых они участвовали, они тоже были очень международно официальными. Они организовывались обязательно через Академию наук, через отделение, далее договаривались между собой академии разных стран. И там влияние официоза ощущалось значительно сильнее.

А наши связи носили в основном неформальный характер — «шерочка с машерочкой». И с Галецким в Польше, и с Таубером в Чехословакии. И это совершенно другой стиль общения. Особенно Таубер, да и Галецкий — они абсолютно были незаидеологизированными исследователями. Галецкий вообще диссидент по своим убеждениям. А Таубер, хоть и был членом коммунистической партии в 1930-е гг., но он, оставаясь идейным коммунистом, именно поэтому отрицал заформализованную идеологическую действительность. Всё это можно было свободно обсуждать с ними, и, мне кажется, это было важным фактором.

Литература

1. Копанка 25 лет спустя. / Под ред. Осипова Г. В. М.: Наука, 1965.
2. Методика выборочного обследования миграции сельского населения / Под ред. чл.-кор. АН СССР Т. И. Заславской [и др.]; ЦСУ при Совете Министров РСФСР. АН СССР. Сиб. отделение. Ин-т экономики и организации пром. производства. Новосибирск: Наука,1969.
3. Методология и методика системного изучения деревни / Отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.
4. Миграция сельского населения / Под ред. чл.-корр. АН СССР Т. И. Заславской. М.: Мысль, 1970.
5. *Никулин, А. М.* Научное наследие Т. И. Заславской и советские идеолого-политические конфликты // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 116–139.
6. Развитие сельских поселений (Лингвист. метод типол. анализа социальных объектов) / [Е. Е. Горяченко, Т. И. Заславская, Л. П. Ляшенко и др.]; Под ред. Т. И. Заславской и И. Б. Мучника. М.: Статистика, 1977.
7. Распознавание образов в социальных исследованиях / Отв. ред. Н. Г. Загоруйко, Т. И. Заславская; АН СССР, Сибирское отделение, Ин-т экономики и организации пром. производства, Ин-т математики. Новосибирск: Наука. 1968.

T. Zaslavskaya

On Soviet Rural Sociology

Tatiana Zaslavskaya (née Karpova; April 9, 1927 — August 23, 2013) was a Soviet and Russian sociologist and economist. She was at the origin of the creation of the MVSHSEN/Intercenter, the organization and holding of the Shaninka symposia: «Where is Russia going?» / «Ways of Russia», the editor-in-chief of the yearbook of this symposium, the successor of which is the magazine «Russia's Directions»

Abstract: This interview with Tatyana Ivanovna Zaslavskaya was conducted in January 2000 for the purpose of publishing it in the yearbook "Krestyanovoedenie" ("Peasant Studies") published at the Moscow School of Social and Economic Sciences. But it was in that year that the publication of the yearbook was interrupted for several years, and the interview was lost in the archives of "Krestyanovoedenie" for another quarter of a century.

In this interview, T.I. Zaslavskaya talks about the intermittent stages of the formation and development of Soviet rural sociology, about her own rural sociological research in connection with the research activities of a number of Russian and foreign rural sociologists.

Particular attention in the interview is given to the discussion of the stages of research activities of the Novosibirsk sociological school. Zaslavskaya reflects on the problems of interaction between a scientist and the authorities, considers the paradoxes of the search for predictive alternatives to socialist rural development associated with experiments in reforming Soviet agriculture.

The interview was conducted by **Alexander Nikulin**, an employee of the Intercenter/MSSES at the time of the interview, currently a candidate of economic sciences, director of the RANEPA Center for Agrarian Studies, editor-in-chief of the journal "Russian Peasant Studies".

Key words: rural sociology, village, city, migration, economic mechanism, economic sociology

References

1. Kopanka 25 let spustya (1965). M.: Nauka.
2. *Metodika vyborochnogo obsledovaniya migracii sel'skogo naseleniya* (1969). Pod red. chl.-kor. AN SSSR T.I. Zaslavskoj [i dr.]; CSU pri Sovete Ministrov RSFSR. AN SSSR. Sib. otdelenie. In-t ekonomiki i organizacii prom. proizvodstva. Novosibirsk: Nauka.
3. *Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya derevni* (1980). Otv. red. T.I. Zaslavskaya, R.V. Ryvkina. Novosibirsk: Nauka.
4. *Migraciya sel'skogo naseleniya* (1970). Pod red. chl.-korr. AN SSSR T.I. Zaslavskoj. M.: Mysl'.
5. Nikulin, A.M. (2014). Nauchnoe nasledie T.I. Zaslavskoj i sovetskie ideologo-politicheskie konflikty. *Sociologicheskij zhurnal*. No. 3. P. 116–139.
6. *Razvitie sel'skih poselenij* (Lingvist. metod tipol. analiza social'nyh ob»ektov) (1977). [E.E. Goryachenko, T.I. Zaslavskaya, L.P. Lyashenko i dr.]; Pod red. T.I. Zaslavskoj i I.B. Muchnika. M.: Statistika.
7. *Raspoznavanie obrazov v social'nyh issledovaniyah* (1968). Otv. red. N.G. Zagorujko, T.I. Zaslavskaya; AN SSSR, Sibirskoe otdelenie, In-t ekonomiki i organizacii prom. proizvodstva, In-t matematiki. Novosibirsk: Nauka.

Научная жизнь

А. А. Артамонов

Библиотека Шанинки: проектный замысел и его воплощение

Александр Алексеевич Артамонов — ведущий специалист научно-исследовательского отдела Интерцентр МВШСЭН, редактор сайта журнала «Пути России»; ведущий специалист редакции журнала «Крестьяноведение» РАНХиГС при Президенте РФ. **Адрес:** Москва, пр. Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003. **Электронная почта:** aartamonov@yandex.ru.

Аннотация: В статье, написанной на основе личных воспоминаний, рассказывается о проекте библиотеки Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН). Работая в 1995 году в должности заведующего информационным отделом МВШСЭН, автор принимал непосредственное участие в создании библиотеки, оснащении её компьютерной техникой и сетевым оборудованием, консультировании и поддержке сотрудников, слушателей и преподавателей МВШСЭН.

Ключевые слова: Московская высшая школа социальных и экономических наук, МВШСЭН, воспоминания, Теодор Шанин, библиотека.

Для цитирования: *Артамонов, А. А.* Библиотека Шанинки: проектный замысел и его воплощение // Пути России. 2025. Т. 3. № 3. С. 161–174.

«Цель Московской школы — конечно, преподавание. Цель Московской школы — конечно, исследования. Но у неё есть добавочная цель — это интегрировать в жизнь российских университетов те методы, которые были наработаны английскими университетами за последние 600 лет, это дать начало русским Оксфордам, которые продвинут вперёд педагогические методы высшего образования»

Из выступления Теодора Шанина
на открытии библиотеки МВШСЭН

В сентябре 1995 года на территории Академии народного хозяйства при Правительстве РФ начала работать Московская высшая школа социальных и экономических наук, спустя десятилетие получившая неформальное название «Шанинка» в честь её основателя и первого ректора профессора Теодора Шанина, британского социолога и крестьяноведа. Ректор Академии народного хозяйства, академик Абел Аганбегян, предоставивший в начале 90-х Теодору Шанину и его коллегам возможность пользоваться помещением и инфраструктурой академии, предлагал открыть Школу годом ранее, в 1994, но Теодор был непреклонен: без хорошо налаженной библиотеки настоящего университета быть не могло. Отмечу, что библиотека возникла не на пустом месте: начиная с основания Интерцентра, с 1993 года, начали закупаться первые издания и первым заведующим библиотекой Интерцентра была Лада Громова, а задачу создания библиотеки Московской Школы как одного из ключевых её подразделений Шанин поручил британскому специалисту Йену Бейну (Ian R. Bain).

Под будущую библиотеку была отдана одна из больших аудиторий, которая использовалась для проведения выставок: она имела достаточную площадь, высокий потолок и двухсветные окна. Традиционная модель библиотеки с отдельным книгохранилищем не подходила: по замыслу Шанина, который ориентировался на британскую образовательную модель, когда студент основное время проводит в библиотеке, требовалось дать возможность свободного доступа к полкам и обеспечить читателей комфортными рабочими местами с современным техническим оснащением. По мнению Шанина, средний советский студент проводил в университетских аудиториях втрое больше времени, а в библиотеке втрое меньше, чем его зарубежный коллега. Мечты о «русском Оксфорде» — гуманитарном университете нового

Фото 1 (с. 163). На переднем плане — места для самостоятельной работы читателей с компьютерами, оснащённые точечными источниками света. Справа от лестницы, у входа — ворота системы защиты книг. Снимок сделан в один из последних дней работы библиотеки на Юго-Западной перед переездом в Газетный переулок 1 августа 2018 г. Фото автора.

для России типа — увлекли этим проектом британских специалистов: мастера библиотечных стартапов Йена Бейна и молодого архитектора Дадли Ео. Йен до работы в Московской Школе успешно реализовал несколько проектов крупных университетских библиотек по всему миру, приступая к работе с самого основания и оставляя после 2–3 лет труда слаженно работающие библиотечные институции. Архитектурная мастерская Дадли Ео предложила новаторский для России проект компактной университетской библиотеки, оснащённой по последнему слову техники.

Концепция библиотеки была сформулирована кратко и состояла всего из трёх постулатов:

1. Библиотека — для читателя;
2. Открытый доступ к фондам;
3. Новейшие технологии.

Шанину удалось найти средства не только на собственно проект, реконструкцию помещения и приобретение книг, но и на зарубежную стажировку для будущей библиотечной команды. Это дало возможность детально познакомиться с опытом работы зарубежных коллег.

Московская школа задумывалась Шаниным прежде всего как постдипломный университет (заметим, что и само это словосочетание было внове), где уже взрослые, имеющие высшее образование люди могли получить дополнительное образование по программам профессиональной подготовки или британской магистратуры. Три первых факультета, программам работы которых уделялось наибольшее внимание, были факультетами права, социологии и социальной работы. Под них составлялись списки литературы, как российской, так и зарубежной, а также подписка на международные библиографические и журнальные базы данных, которые в те годы поставлялись на компакт-дисках (CD). Архитектурный проект предусматривал размещение в открытом доступе:

— Стеллажи для книжного фонда на 20 тысяч изданий;
— Стеллажи включали около 1 тысячи экземпляров справочников и словарей;
— Справочный раздел — около 1 тысячи экземпляров справочников и словарей с большим рабочим столом;
— Газетно-журнальный уголок для 100 наименований журналов и газет;
— Электронный каталог с доступом с четырех отдельно стоящих компьютеров и возможностью работы с любого из более 100 рабочих компьютеров МВШСЭН;
— Более 50 индивидуальных мест для самостоятельной работы читателей: 20 из них были оснащены персональными компьютерами с возможностью работать под индивидуальным логином/паролем;

Фото 2. Директор библиотеки Йен Бейн выступает на открытии библиотеки 9 сентября 1995 года. Переводит Людмила Капустина, основатель и первый директор Академического лингвистического центра МВШСЭН. Слева от Йена ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ академик Абел Аганбегян, справа — ректор МВШСЭН Теодор Шанин. Фото автора.

— Библиотечную кафедру с 6 рабочими местами библиотекарей, книговыдачей по штрих-кодам и системой защиты книг.

Книжный фонд был размещён вдоль стен на двух ярусах, заполняя собой всю высоту помещения. Для доступа к верхним ярусам был запроектирована галерея, а для перемещения книг между ярусами — специальный книжный лифт.

Все поступающие в библиотеку издания защищались от несанкционированного выноса специальной магнитной системой защиты.

Это было время, когда позволить себе собственный ноутбук (тогда это называлось «лаптоп») могли очень немногие, поэтому компьютеры в библиотеке, предназначенные для работы читателей — слушателей и преподавателей Московской школы — были очень востребованы и могли резервироваться на библиотечной кафедре слотами по 2 часа. В плату за обучение в Московской Школе входила

Фото 3 (с. 166–167). Слушатели МВШСЭН за работой в библиотеке. 20 октября 2003 г. Фото пресс-службы АНХ.

Фото 4. Научный сотрудник библиотеки Павел Арефьев рассказывает о комплектовании МВШСЭН электронными ресурсами коллегам из университетских библиотек. 1995 г. Фото автора.

возможность для слушателей распечатать в течение учебного года до 300 страниц на библиотечном принтере. Возможность печати была очень важна, потому что основной формой университетской отчётности были письменные работы — эссе, кейс-стади, проекты, магистерские диссертации.

«Перейти от образования, построенного на больших аудиториях, в которых студент слышит то, что ему должны передать, а после этого передаёт это обратно на базе своих записок на базе учебника или двух, к новой системе, в которой — акцент на самообучение студентов, на работе в библиотеке, на письменной работе, где преподаватель направляет студента, учит его, как учиться больше, чем говорит ему что есть, говорит ему факты или связки фактов».

Теодор Шанин

Читательские билеты библиотеки Московской Школы имели «цветовую дифференциацию»: синие для сотрудников и преподавателей, зелёные для слушателей и золотые — для выпускников и внеш-

Фото 5. Директор библиотеки МВШСЭН Йен Бейн рассказывает о библиотеке российским коллегам. Справа — Виктор Глухов, известный российский специалист в области электронных библиотечных ресурсов, в 1995 году — руководитель отдела автоматизации и заместитель директора библиотеки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). На дальнем плане можно увидеть Геннадия Батыгина, основателя и первого декана факультета социологии. 1995 г. Фото автора.

них исследователей. Возможность продолжать работу в библиотеке по окончании университета впоследствии оказалась важным элементом в становлении сообщества выпускников. Отмечу также, что для удобства работы у каждого пользователя был персональный аккаунт в локальной сети и возможность работать с личными файлами с любого из компьютеров библиотеки. Дисковая квота на хранение файлов на сервере была, по нынешним меркам, небольшой — 50–100 мегабайт, но для текстов этого хватало. Кроме того, данные по окончании учебного года архивировались на магнитную ленту и информационный отдел время от времени восстанавливал по запросам выпускников их архивы в случаях, когда что-то случалось спустя годы с их личными компьютерами.

Библиотека никогда не имела карточного каталога: все поступающие издания вносились сразу в электронный каталог, доступ к которому открывался с любого рабочего места из локальной сети. Несколько архаичная по меркам сегодняшнего дня, но надёжно

работающая и хорошо продуманная система Tinlib использовалась в качестве каталога не только у нас, но и во Всероссийской библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино, причём активно использовалась более 10 лет, успешно пережив «проблему 2000»[1]. Когда мы говорим о продуманности системы, приведу такую деталь: в той системе уже тогда была возможность импорта библиографических записей в MARC-совместимом формате, записи в лист ожидания на книгу, находящуюся на руках, возможность работы с электронным каталогом из дома, подключившись через модемное соединение и многое другое. При этом установочный комплект системы размещался на нескольких дискетах ёмкостью 1,44 мегабайта каждая. Система каталогизации фондов, по предложению директора Йена Бейна, была десятичная по Дьюи, что в практике российских университетов встречалось впервые. Для удобства идентификации книг и читателей в библиотеке широко использовались штрих-коды, что сокращало время обслуживания и делало процесс книговыдачи технологичным.

Середина 90-х — это эпоха, когда высокоскоростной интернет был делом, мягко говоря, не дешёвым: чтобы иметь постоянный доступ к сети, организации должны были не только оплачивать аренду порта и канала, но и трафик, причём российский и зарубежный трафик мог тарифицироваться отдельно[2]. В этих условиях стандартным решениям по работе с базами данных были подписки на комплекты компакт-дисков. Для работы с подписными базами был закуплен специальный сервер, который мог одновременно обслуживать до 7 устройств, доступных по локальной сети, а всего коллекция компакт-дисков на пике их использования насчитывала до 100 наименований.

Отдельного внимания заслуживала система защиты книг, так как книжный фонд был открыт для читателей. Стандартные противо-

[1] В середине 90-х ряд информационных систем, включая Tinlib, умел хранить в поле даты только две последних цифры года, в результате чего в таких системах после 31 декабря 1999 года «наступало» 1 января 1900 года. На решение этой проблемы тогдашняя IT индустрия бросила значительные интеллектуальные и финансовые ресурсы. Не остался в стороне и маркетинг: даже на упаковках компьютерных мышей, работа которых никак не зависела от даты, можно было встретить наклейку «Y2K ready», то есть, «готов к 2000 году».

[2] Постоянный высокоскоростной интернет появился в Шанинке к концу 1995 года. Для экономии трафика и в качестве межсетевого экрана был использован кэширующий прокси-сервер на базе свободно распространяемого ПО. Несколько лет спустя был организован собственный недорогой канал связи благодаря членству Московской школы в Ассоциации учебных заведений — пользователей сетей передачи данных (RELARN).

Фото 6. Ректор МВШСЭН Теодор Шанин в день открытия библиотеки 9 сентября 1995 г. Фото автора.

Фото 7. Общий вид пространства библиотеки. Слева на дальнем плане — книжно-журнальный уголок, справа на дальнем плане — отдел периодических изданий. Чуть ближе — библиотечная кафедра. Перед ней — компьютеры с электронным каталогом библиотеки. Июнь 1996 г. Фото автора.

кражные ворота, применяемые в торговле, не годились, и библиотека была оснащена специальными воротами[3], а каждое издание, поступающее в библиотеку, снабжалось специальной магнитной меткой, которая деактивировалась при выдаче и активировалась при возврате изданий[4].

Стоит сказать несколько слов и о подготовке пространства под библиотеку. Ремонт и реконструкция продолжались с весны по сентябрь 1995 года. Все материалы и инструменты завозили из-за рубежа.

[3] Отмечу, что те ворота были чувствительны к магнитному полю. Под библиотекой располагался спортивный зал, когда там переставляли футбольные ворота, приходилось перенастраивать библиотечные.

[4] Вся коллекция делилась на 3 группы с точки зрения возможности выдачи на дом: короткая — на 3 дня, стандартная — на 5 дней с возможностью продления, если никто не занимал очередь в электронном листе ожидания. Справочная литература на дом не выдавалась.

Бригада строителей работала ежедневно и без выходных дней с 8 утра до 8 вечера: приходя в понедельник, сотрудники Московской школы поражались объёмам сделанного за выходные. Единственным событием, сбившим реконструкцию библиотеки с рабочего ритма, стал пожар в помещении спорткомплекса, расположенного прямо под нашим пространством, это произошло в мае 1995 года. Последствия возгорания были устранены очень быстро, но наши помещения наполнились горячим дымом, а когда он рассеялся, оказалось, что исчезла часть инструментов. Впрочем, строителям удалось их незамедлительно заказать и восполнить, что в немалой степени удивило и обрадовало Теодора Шанина, который и сам любил работать в таком стиле. Строительная бригада сдала в конце августа 1995 года библиотеку не просто «под ключ», а «под чистые полки»: последнее, что было сделано перед неформальной передачей ключа — тщательная протирка стеллажей под будущие книжные фонды. Торжественное открытие библиотеки состоялось 9 сентября 1995 года. В июле 1996, по завершении первого учебного года, коллектив библиотеки торжественно проводил на новый проект своего директора Йена Бейна, который впоследствии много лет работал в Сингапуре. На директорской вахте после Йена были Карен Вильман, Галина Кармишенская и Галина Зинина.

Библиотека оказалась очень востребованной с первых дней работы: ни стандартный рабочий день до 18 часов, ни удлинённый, до 20 часов, не мог в полной мере устроить читателей. И тогда было принято решение продлить работу библиотеки до 22 часов и открыть её по субботам, введя в штат должность вечернего дежурного из числа слушателей МВШСЭН. Одним из вечерних дежурных был доктор философских наук, профессор Валерий Виноградский, участник Шанинского крестьяноведческого проекта: он в 1996–1997 году наравне со своими младшими коллегами обучался в магистратуре социологического факультета.

В первые годы работы сотрудники библиотеки часто приглашали в гости коллег из университетских, академических и публичных библиотек, вели экскурсии и рассказывали об опыте своей работы. В библиотеке проводились семинары, книжные выставки, встречи, вечера. Нередки были и российские, и зарубежные VIP-гости: не только Теодор Шанин, но и руководство Академии народного хозяйства гордились наличием у себя «английской библиотеки».

Особым годом для библиотеки Московской Школы стал 2018-й: в этом году библиотека сменила свой адрес, переехав, под руководством Вероники Хомяковой, вместе с университетом на новое место в Газетный переулок. Но это уже другая история.

A. Artamonov

The MSSES Library: the concept and its implementation

Aleksandr Artamonov — leading specialist of the research department Intercentre, the Moscow School of Social and Economic Sciences, editor of the website of the journal "Russia's Directions"; leading specialist of the editorial board of the "Russian Peasant Studies" journal, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** Office 2003, building 9, Vernadsky prospekt, 84, Moscow, Russian Federation, 119571. **E-mail:** aartamonov@yandex.ru.

Abstract: The article, written on the basis of personal memories, tells about the project of the library of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES). Working in 1995 as the head of the information department of the MSSES, the author took part in the creation of the library, equipping it with computers and networks, consulting and supporting staff, students and teachers of the MSSES.

Keywords: Moscow School of Social and Economic Sciences, MSSES, memoirs, Teodor Shanin, library.

А. В. Турчик

Шанинка — педагогика отношений

Круглый стол выпускников социологического факультета МВШСЭН разных лет

Текст: **Анна Васильевна Турчик** — кандидат социологических наук, проректор по международному сотрудничеству МВШСЭН. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** annaturchik@gmail.com.

Ведущий: **Ирина Васильевна Дуденкова** — доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, декан факультета социальных наук МВШСЭН (Шанинка). Адрес: Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. Электронная почта: dudenkova-iv@universitas.ru.

Участники:
Дмитрий Михайлович Рогозин (выпускник 2002 года) — кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, главный редактор журнала «Пути России». **Адрес:** Москва, Пречистенская набережная, д. 11, корп. 1, ком. 404. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru.

Константин Сергеевич Фурсов (выпускник 2006 года) — кандидат социологических наук, доцент-исследователь, ведущий эксперт Центра научной коммуникации Национального исследовательского университета ИТМО. **Адрес:** Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49. **Электронная почта:** konstantin.fursov@gmail.com.

Павел Михайлович Степанцов (выпускник 2009 года) — MA in sociology, социолог, преподаватель МВШСЭН и Сколково, сооснователь исследовательского агентства Synopsis Group. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** Pavel.Stepantsov@gmail.com.

Владимир Владимирович Картавцев (выпускник 2013 года) — MA in Sociology, проректор МВШСЭН по научному развитию. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** kartavtsev.vladimir@gmail.com.

Ася Александровна Терехова — студентка программы профпереподготовки по направлению «Социология» МВШСЭН, редакторка, продюсерка в медиа и образовании. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** asya.terehova@gmail.com.

Илья Павлович Новиков — Студент магистратуры в МВШСЭН (Шанинка) и в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** bulvionn@gmail.com.

Анна Васильевна Турчик (выпускница 2006 года) — кандидат социологических наук, исследователь, проректор по международному сотрудничеству МВШСЭН. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** annaturchik@gmail.com.

Аннотация: В тексте представлены результаты круглого стола выпускников и студентов социологического факультета Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН, Шанинка) разных поколений. Целью дискуссии стала «методологическая педагогическая рефлексия» феномена институциональной устойчивости небольшого камерного учебного заведения и выявление специфики его педагогического подхода. В качестве концептуальной рамки анализа использована полемика между основателем школы Т. Шаниным и И. Илличем по поводу институциональной формы образования. Участники круглого стола через систему метафор («лес-экосистема», «живая лаборатория», «террариум друзей», «прививка смелости» и др.) раскрывают сущность Шанинки как особого образовательного пространства. В процессе круглого стола участники выявляют ключевые характеристики «педагогики отношений» Шанинки: автономность как основа институциональной устойчивости; несогласие как принцип познания; партнерские отношения между преподавателями и студентами; свобода через ответственность; персонализация и адаптивность образовательного процесса; «педагогика настоящего момента».

Ключевые слова: педагогика отношений, альтернативное образование, Иван Иллич, Теодор Шанин, институциональная устойчивость, автономность образования.

Для цитирования: *Турчик, А.В.* Шанинка — педагогика отношений. Круглый стол выпускников социологического факультета МВШСЭН разных лет / Текст А. В. Турчик, ведущая И. В. Дуденкова // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 175–189.

В одном из архивных видео МВШСЭН запечатлена запись встречи Теодора Шанина с преподавателями, где коллеги обсуждали короткое название Школы вместо громоздкой аббревиатуры. Теодор настаивал: это должна быть Московская школа. Именно Школой задумывался тот проект, который большинство сегодня знают как Шанинку. Почему школа? Возможно, потому что для Теодора вся жизнь была одной длинною в жизнь невероятной школой — постоянного преодоления себя, обстоятельств, трудностей, школой становления Человека, а не только школой академических активностей, которым, несомненно, он также посвятил всю свою жизнь.

В 2025 году Шанинка отмечает свой 30-летний юбилей. Поскольку школа задумывалась как образовательный проект в области современного социально-гуманитарного знания, не удивительно, что одним из ключевых факультетов, все преподаватели которого прошли переподготовку в Манчестерском университете, был факультет социологии. За эти годы только магистратуру социологического факультета закончили более 600 человек — довольно много для камерного учебного заведения.

В рамках XXI Международной научно-практической конференции «Тенденции развития образования: Образовательная политика и качество образования» декан социологического факультета Ирина Васильевна Дуденкова организовала круглый стол выпускников разных поколений, а также студентов нынешней Шанинки, — не столько для разговора о социологической подготовке, сколько для методологической педагогической рефлексии: что позволяет Школе в разные, порой очень трудные времена, оставаться институционально устойчивой? Чем отличается подход Шанинки к слушателям (именно так было принято называть студентов Школы) от других учебных заведений? Почему феномен Шанинки, столь небольшого, камерного учебного заведения, привлекает внимание экспертов и профессиональных сообществ в области социально-гуманитарного знания, несмотря на постоянную институциональную «шаткость», связанную с «неудобностью», «невписываемостью», а зачастую и финансовой бедностью.

Эти вопросы приобретают все большую актуальность в контексте последних лет, когда в стенах самой Школы ведутся жаркие разговоры и споры о том, есть ли в Шанинке действительно какие-то особые педагогические подходы, отличная от других вузов методология преподавания. Феномен небольшого учебного заведения, которое не оставляет выбора быть равнодушным — ты либо считаешь его абсолютно чуждым, либо полностью своим, — требует не только социологического осмысления, но и педагогического (методологического) описания.

Концептуальная рамка беседы: Шанин vs Иллич

В качестве концептуально-теоретической рамки нашей беседы (как это должно быть в любом социологическом исследовании, а разговор наш сам по себе был попыткой исследования) Ирина Дуденкова предложила «полемику» между Теодором Шаниным и его другом, коллегой, в чем-то оппонентом, Иваном Илличем, автором работы «Освобождение от школ». Как писал Шанин в предисловии к этой книге: «Едва встретившись, мы сразу не сошлись во мнениях — я никогда не принимал его антиинституционального экстремизма, его радикального анархизма. Мы были не согласны также и в других вопросах» [Иллич, с. 18]. Лейтмотивом круглого стола звучала проблематика со-существования Школы как институционализированной сущности и Школы in situ, самой по себе — пространства каждодневного поиска смыслов и истины, вне зависимости от внешних условий, обстоятельств, внутренних регламентов и формальных рамок.

Метафорическая топография: образ Шанинки в представлениях участников

Чтобы как-то обозначить смысловые границы и экзистенциальное поле, в котором существует Шанинка в представлении участников, **Ирина Дуденкова** попросила предложить метафоры, возникающие в связи с Шанинкой, напомнив и о метафоре Теодора — **полигон**, — особое пространство, где эксперименты в области образования и научного знания являются необходимым условием существования и развития, а также предложила свою метафору **Ноева ковчега** как отсылку к некой миссии спасения, ради которой можно потерпеть испытания и ставить общие интересы выше личных целей.

Дмитрий Рогозин сравнил Шанинку с **лесом-экосистемой**, где со-существуют самые разные растения и деревья, какие-то засыхают, а какие-то расцветают, где помимо растений есть ещё звери и насекомые: «*Крупные млекопитающие иногда приходят и пожирают. Среда агрессивная к чужаку, но лояльная к проживающему рядом. Лес характеризуется тем, что никто никому не мешает, и каждой твари по паре*».

Константин Фурсов предложил метафору **живой лаборатории**: «*пространства свободного научного поиска со своими правилами, непонятными внешнему наблюдателю. Все занимаются чем-то, разговаривают на птичьем языке и что-то из этого получается. Живая, потому что постоянно в процессе трансформации*».

Павел Степанцов использовал весьма неожиданную метафору **тюрьмы** в том смысле, что существует некое внутреннее единство, построенное по определённым правилам, но при этом с некоторой изоляцией от внешнего мира: «*Шанинка производит своих, производит сообщество. Шанинка хороша в том, что есть сильные связи, лояльность*».

Владимир Картавцев говорил о **террариуме друзей**, сообществе, где царит единство непохожих: «*История про парадоксальный способ связи. Шанинка производит автономное отношение*».

Необычные метафоры предложила студентка магистратуры **Ася Терехова: прививка смелости** — пространство формирования личности, готовой выбирать и идти собственным путем и **бердвочинг** (от англ. birdwatching — наблюдение за птицами) — обретение нового языка: «*Ты начинаешь слышать птиц — у тебя появляется „третий глаз“, появляется какая-то иная оптика. Новая оптика на происходящее вокруг меня*».

Илья Иванов предложил метафору **кристалла**, который образуется в результате особого рода огранки в сочетании определённой долей свободы: «*Это как раз про возможность систематически мечтать и про возможность расти во все стороны. Если получается кристалл, то получается очень красивым и блестящим*».

Метафору **Царства грибов** предложила **Анна Турчик**, отсылая к неким скрытым возможностям и ресурсам, которыми обладает Шанинка в лице многочисленных причастных лиц, обитающих где-то в мире: «*Гриб, который размножается спорами и может прорасти в самых неожиданных местах в самый неожиданный период времени, — самая большая сила и ресурс Шанинки, неочевидный, зачастую скрытый от глаз, но в определённой среде непременно проявится и поведёт за собой*».

Даже беглый взгляд на столь разнообразные метафоры позволяет предложить некий **обобщенный образ**: истинная суть Шанинки не лежит на поверхности и не поддается простому объяснению, потому и кажется непонятной для многих. В лесу основная жизнь происходит в почве и корневой системе. Лабораторные процессы и вовсе всегда скрыты от глаз обывателей. Тюрьма, будучи изолированной, следует своим внутренним законам и правилам, также скрытым от внешнего наблюдателя, грибное царство и подавно незаметно даже для самых завидных грибников. **По своей форме** Шанинка — это некий «образовательный айсберг»: то, что наблюдаемо снаружи (учебные программы, мероприятия, здание, библиотека) — это лишь малая часть. Подводная его часть, самая богатая — это глубинные процессы формирования мышления, создания многомерных и разнообразных связей, передача неявного знания и способа «смотрения» и инструментов наблюдения реальности.

По содержанию Шанинка формирует какой-то **особый тип живого сообщества,** которое создаёт подходящую среду непохожих друг

на друга людей, но единых в стремлении к познанию и поиску истины, в желании обретения собственного пути, далеко не всегда связанного с академическим будущим.

Эксполярный университет и автономная организация

Ирина Дуденкова обратила внимание участников на два ключевых сюжета, которые бы помогли раскрыть тему, связанную с институциональной устойчивостью школы. Первый связан с пониманием Шанинки как эксполярного университета, институциональная модель которого весьма гибкая и в целом находится на периферии основных игроков, влияя на них как бы со стороны и даже способствуя образованию новых (коллеги не могли не отметить роль Шанинки в становлении и развитии таких вузов как ВШЭ и РАНХиГС). Второй сюжет непосредственно связан с полемикой Теодора Шанина и Ивана Иллича: «*Теодор Шанин искренне верил и каждый день показывал, что институциональное образование возможно без коррупционного преобразования ценностей, что в конечном итоге приводит к бюрократизации*», — отметила И. Дуденкова.

Владимир Картавцев справедливо заметил, что сам Иллич также создал институцию, в чем-то очень напоминающую Шанинку (а именно шанинскую выездную школу) по своему устройству и даже внешне — Центр интеркультурной документации. Обе школы существовали в довольно агрессивной внешней среде, только в случае с Илличем и его Центром всё было ещё более сложно с точки зрения институциональной устойчивости.

Вместо привычных и распространённых определений Школы как «свободная» или «либеральная» Владимир предложил всё же говорить об «автономности» Шаниники как вуза. Апеллируя к исследованиям Шанина в области неформальной экономики, Владимир заметил: «*Шанинка — нечто иное по отношению к тому, что считается более понятным в мире образования. Непонятно как с ним взаимодействовать. Автономия — важная черта. Это не история про свободу от чего-то. Скорее про ответственность... Самая интересная перекличка между Шаниным и Илличем заключается в том, что они создают некоторые автономные учреждения, которые порождают некоторые параллельные системы ответственности*». В этом смысле мы можем говорить об автономности лишь в той мере, в которой мы можем также говорить об ответственности и вместе с ней устойчивости.

Несогласие как принцип познания

Дмитрий Рогозин, с присущим ему стремлением «вскрыть» все то, что кроется за формальностями, заметил, что любой «лейбл» будет чем-то наносным, фиктивным и иметь мало отношения к сути. А суть, в его понимании, можно выразить словом «несогласие» в том смысле, что в Шанинке всегда была возможность не согласиться, отказаться и быть независимым от прозвучавшего мнения, опровергнуть его, предоставив другие аргументы: «*Шанинка не про ту науку, которую можно воспроизводить по трафарету. С этим прекрасно справляется современный ИИ. А про какую науку? Про науку, про которую неудобно говорить и Шанинка не говорит об этом, но подразумевает. Это наука, у которой стоит одна задача — увидеть, приблизиться как-то к истине...*» В этом смысле Шанинка действительно является крайне неудобным вузом для системы, «*который нужно поскорее закрыть, особенно в ситуации развития такого структурированного вертикального стиля образования, который реализуется сейчас как повестка в России. Но он очень любопытный, который в том числе даёт и вертикальному мировоззрению такие подарки, которые эта вертикаль от других не получит. Это в том числе связано с „доказательной политикой“, ведь у нас все хотят принимать решения, опираясь на какие-то факты, какие-то аргументы и исследования*».

Здесь нужно вспомнить, что Дмитрий Рогозин сам учился в Шанинке в годы, когда на социологическом факультете преподавали четверо невероятно сильных, каждый в своей сфере фундаментальных и уникальных учёных — А. О. Крыштановкий, А. Ф. Филиппов, Г. С. Батыгин, В. В. Радаев. Немыслимо разные, непохожие друг на друга «*и по стилю аргументации и по проведению исследования и по пониманию того что есть научное знание. Но они вместе и есть то, что есть Шанинка*». Единство непохожих, способных не соглашаться друг с другом, отстаивать свое мнение и позиции — таков был изначальный фундамент социологического образования на факультете.

Павел Степанцов продолжил мысль Дмитрия Рогозина относительно противоречия между университетом как институцией и поиском истины: «*Университет как институция — это, скорее, плохая и бедная корпорация, когда необходимо что-то воспроизводить, что принято называть „наукой“: посещать конференции, писать статьи, отчитываться этими статьями. Производство науки не связано с поиском истины. Сколько работ опубликовал Витгенштейн при жизни? Одну. В современном университете Витгенштейн бы умер с голоду*».

Продолжая тему «голода» Степанцов также высказал довольно провокационную мысль о **бедности как преимуществе**: «*Бедность — это не порок, это благодать, это счастье, потому что это в этом преимущество. Потому что Шанинка не может ничего предложить преподавателю и исследователю и заинтересовать с точки зрения институционального*

чего-то. Незаинтересованный поиск истины — это то единственное, что предлагает Шанинка людям, которые в ней остаются. И преподавателям и студентам. Шанинка не предлагает больших карьерный перспектив. За карьерными прерспективами вы бы лучше пошли в „Вышку“, например. Вы приходите за чем-то другим. Поиск истины, а не производство науки, становится возможным благодаря бедности Шанинки».

Трудности перевода языка «административных регламентов» на язык «образовательного цеха»

Для еще одной выпускницы социологического факультета, **Анны Турчик**, ценность Шанинки как устойчивого института заключается в способности выдерживать границу между разными административными регламентами и «производством на местах»: «*Шанинка всегда умела выдерживать эту границу: не важно сколько и какие регламенты „спускались сверху“ — административному персоналу всегда удавалось и хочется, чтобы и дальше удавалось, обеспечить „пространство производства“, творчества, интеллектуальной деятельности путем „перевода“ языка регламента на понятный язык тех, кто работает в „образовательном цехе“*». В этом смысле административный персонал действительно выполняет роль «переводчиков», бережно трансформирующих давление сверху в понятные и «безопасные» для профессорско-преподавательского состава «инструкции». В этом, в том числе, и заключается состоятельность и эффективность отношений в вузе, и не только на уровне преподаватель-слушатель, но и на структурном уровне администрация — профессорско-преподавательский состав. За счет своей камерности и стремлению к реализации индивидуального подхода, о котором все говорят, «*Шанинка во многом противопоставляет себя всем массовым учебным заведениям, где зачастую царит атмосфера обезличенной корпоративной заботы, которая не для всех является ценностью в образовании*».

Голоса нынешних слушателей: преемственность и вызовы

Интересно было услышать впечатления и мнения не только давних выпускников, но и нынешних слушателей, ведь вопрос преемственности «генов» Шанинки — весьма незаурядный и более чем актуальный. Есть ли действительно нечто «вшитое» в интеллектуальный эгрегор Шанинки, что-то уникальное в тех самых «отношениях», которые участники попытались сделать объектом исследования?

Магистрант социологического факультета Илья Новиков, хоть и не согласился с некоторой «маргинальностью» Шанинки, но подчеркнул: «*Смысл Шанинки не столько в том, чтобы приучить к какой-то академической деятельности с поиском истины, но в том, что Шанинка про то, чтобы научить понимать, что тебе нравится, и научить этим заниматься. И заниматься этим, в том числе, эффективно*». Противопоставляя Шанинку другим университетам, Илья заметил, что Шанинка — «*это не про быстрое получение какого-то навыка или просто диплома, но про вдумчивое и осмысленное отношение ко всему, что ты делаешь*».

Еще одна нынешняя магистрантка, **Ася Терехова,** внесла довольно тревожные нотки, отреагировав на слова Павла Степанцова по поводу «бедности как преимущества». Не поддерживая сентиментальный дискурс выпускников, Ася весьма трезво и критично оценивает ситуацию в вузе сегодня, отмечая критическую перегрузку преподавателей и администрации, отсутствие ресурсов для полноценной тьюторской работы. Ася констатировала: «*Шанинка — это такой досуг для богатых*», а «*преподавать в Шанинке могут только уверенно чувствующие себя преподаватели, у которых есть стабильный доход в других местах*».

Если попробовать как-то обобщить мнения и взгляды участников относительно институциональной устойчивости Шанинки, представляется важным отметить следующее: школе свойственна определенная степень автономности, позволяющая не соглашаться, искать и перепроверять, не доверять и, в каком-то смысле сражаться и отстаивать свой путь как слушателя, исследователя, преподавателя, миссия которых во многом состоит в «незаинтересованном поиске истины».

В том, как структурно устроена Шанинка, проглядывают те самые отношенческие вещи, которые становятся ценностью для каждого, кто соприкасается с ней.

Педагогика отношений — это не только, а может и не столько про отношения «педагог-слушатель», но про умение выстраивать диалог в условиях постоянного «давления сверху», в условиях жестких регламентов, призывающих к установлению диктатуры бюрократии и воспроизводства «научных трафаретов».

Педагогика отношений: свобода через ответственность и партнерское взаимодействие

В продолжении беседы **Ирина Дуденкова** поставила один из главных вопросов обсуждения, который ставит под сомнение саму возможность существования педагогики отношений в условиях довольно жесткой модели университетского образования. Ирина Дуденкова

ссылается как на автоэтнографическое эссе Давида Гребера «Анархизм, академия и авангард», так и на слова Теодора Шанина, который всегда особо серьезно относился к вопросам равных позиций в университете в условиях структурного неравенства. Цитируя Шанина, Ирина Васильевна отметила: «*Мне всего этого было отпущено немало, вместе со своеобразным ароматом свободного, порой забавного, гротескного сочетания самых обыкновенных, диковинных собеседников, терпеливых друг к другу. Подобное терпение и гостеприимство по отношению друг к другу — это именно то, чего Шанин действительно добивался, по крайней мере, судя по фрагменту из документа 1994 года и по той нарезке из Иллича, которую я вижу*».

Дмитрий Рогозин, критикуя «воспитательный подход» к образованию, заметил, что слушатели Шанинки («детьми» или «студентами» в Шанинке их никогда не называли) приходили с уже каким-то опытом проектов, с опытом работы и вопросом, порой глубоким и иногда личным, который их интересовал. В этом смысле у слушателей Шанинки действительно всегда была возможность некой исследовательской автономии: самим выбирать исследовательское поле, ставить исследовательский вопрос, находить экспертов и т. д. При этом «*эта свобода, которая на самом деле ответственность, — вовсе не диалектическая какая-то пара, а прямая конструкция.* ***Свобода по Шанинке — это ответственность:*** *ты поступил в Шанинку и ты несешь ответственность за свой успех или неуспех. Преподаватель, в общем-то, не должен ни воспитывать тебя, ни обучать, он лишь сопровождает тебя в твоем направлении, в твоем исследовательском цикле. И это, конечно,* ***сразу же ломает с одной стороны иерархию, а с другой стороны ее выстраивает***».

В качестве довольно «трагической» истории такой свободы и ответственности Дмитрий привёл пример из периода своего руководства факультетом, когда слушатели отказались слушать великих представителей российской социологии — В. Ядова и Т. Заславскую. Но таков был выбор слушателей, и в этом и заключается ответственность в том числе — ответственность за возможность выбора и за сам выбор. Дмитрий Михайлович также заметил, что требования как к «профессуре высокого класса», так и к слушателям были одинаково жёсткими, и в этих отношениях превалировали, прежде всего, партнёрские отношения, нежели отношения «учитель — ученик», где от учителя ожидается некий набор знаний, а от ученика — послушание и согласие.

О свободе исследовательского поиска и непередаваемом опыте взаимодействия «на равных» высказался и выпускник 2006 года **Константин Фурсов**, вспомнив свое вступительное испытание в Шанинку, когда пришлось отвечать на вопрос «Зачем Вам это?» «*И отвечал я в тот момент на него очень серьёзно и* ***очень честно, и мне показалось, что вот в этом как раз проявляется совершенно другой, инаковый, дух***

Шанинки. *Мне на тот момент было важно* ***почувствовать себя в свободе исследовательского поиска.*** *И Шанинка была, и, я надеюсь, остаётся этим местом, где это возможно.* ***Это первое про педагогику отношений, — возможность свободно заниматься исследованиями».*** Второй момент, который отметил Константин, связан именно с непривычным на тот момент стилем взаимодействия с преподавателями: «***вот в этих ситуациях общения всегда сквозило кантианством. Вот этот категорический императив воспринимать другого как субъекта, как равного себе.*** *Это очень уважительное отношение к студентам, вне зависимости от того, какой у них на самом деле опыт и жизненные интересы».* Константин также отметил возможность открытого диалога, когда действительно существует пространство несогласия с поддерживающей линией аргументации, а также, что не менее важно, «*чувство безопасности, когда, несмотря на всю разницу между всеми в жизни вне Шанинки, в стенах её всегда было некое единство и следование определённым правилам».*

Павел Степанцов подчеркнул принципиальное, на его взгляд, отличие шанинского подхода: «*В Шанинке не преподают „преподаватели“, потому что Шанинка не ставит перед собой целью научить чему-то. Например, я приходил к Филиппову и говорил, что хотел бы заниматься этим и этим, а он в ответ говорил: „Почитайте это, посмотрите, может быть, потом вернётесь“ и так далее.* ***И на самом деле это учило некоторой ответственности через свободу и свободе через ответственность...*** *что дает Шанинка? Шанинка не учит.* ***Шанинка даёт возможность научиться. Вот если человек хочет, он научится. Потому что невозможно научить. Невозможно научить заниматься исследовательским поиском. Невозможно научить читать тексты.*** *Это путь, который человек должен пройти сам.* ***Шанинка говорит: „Ребята, вот вам возможности, вот вам библиотека, вот вам преподаватели, можете с ними пообщаться“».***

«Педагогика настоящего момента»

Исследователь, проректор Шанинки по науке, также в прошлом выпускник социологического факультета **Владимир Картавцев** совсем иначе представил идею педагогического подхода в Шанинке, отодвинув на второй план уже упомянутые автономию, свободу и ответственность. Владимир отметил: «*Для меня это история про отношения в рамках настоящего. Я прихожу, каждый раз как будто заново всё, вот, и каждый день, он не то чтобы день сурка, а он именно что в моменте, в потоке, в настоящем, захожу в библиотеку и знаю где кто сидит, кто какую книжку читает, и чудесно, для меня это отношение в настоящем».*

Если говорить про реализацию некой индивидуальной траектории слушателей, то она возможна именно в таком режиме настоящего момента, где вряд ли кому-то доведется услышать лекцию одного и того же преподавателя, которая бы звучала одинаково из курса в курс, из года в год.

Эту мысль продолжил и нынешний слушатель магистратуры **Илья Иванов**, для которого нахождение в моменте, персонализация, особого рода взаимодействие преподаватель-студент, а также возможность со-творчества и со-участия в образовательном процессе «здесь и сейчас» позволяют несколько иначе проживать образовательный опыт: «*Преподаватель мог вчера прочитать классный текст, и вот вы сегодня его разбираете. А может, классный текст прочитали вы, задали по нему какой-то вопрос, и вся пара пошла вообще в другую сторону. И такое здесь возможно*», — заметил Илья. По его мнению, в этом и состоит «фишка» педагогики Шанинки — обоюдное стремление адаптироваться: «*студенты адаптируются к курсам, курсы адаптируются к студентам, и это сотрудничество и позволяет состояться уникальному опыту в том числе*», опыту, который протекает в моменте здесь-и-сейчас.

Шанинка как способ реализации «альтернативной педагогики» на уровне вуза

Подхватив тему персонализации и адаптации, **Анна Турчик** заметила, что Шанинка — один из немногих вузов, который решает множество проблем массового образования для тех студентов, которые прошли путь какого-либо «альтернативного» педагогического подхода, будь то школа Монтессори, вальдорфский подход, реджио или какой-то ещё. Шанинка с присущим ей персонализированным и адаптивным подходом, с призывом к ответственности и «настоящести» предлагает адекватные и необходимые условия для всех тех, кто изначально вырос в подобной образовательной среде — среде, где смыслы приоритетнее формы, где поиск и ошибки — необходимые шаги на пути развития.

Также, завершая разговор про педагогику в Шанинке, Анна вспомнила свои давние аргументы в пользу поступления в Шанинку: «*Там преподают люди, которые сами пишут книги — так мне представила Шанинку моя научная руководитель в УРФУ. Меня это сильно зацепило*». Достаточно сильный аргумент в пользу преподавателей Шанинки, которые не только побуждают к научному и исследовательскому творчеству, но также подчеркивают, что там, где есть место мысли, смыслам и научному этосу действительно нет места географическим

или каким-либо другим границам или иерархии: «*если есть заинтересованность в какой-то области науки, всегда можно найти любого специалиста по этой теме в любой части света и начать коммуникацию*». Первичность смыслов и содержания перед формой и иерархией — ещё одна особенность обучения в Шанинке.

Обобщая вышесказанное коллегами и студентами можно выделить несколько ключевых особенностей того, что было вынесено в заголовок как «педагогика отношений»:

Преподаватель Шанинки не позиционируется и не воспринимается как некий эксперт-всезнайка, роль которого заключается сугубо в передаче конкретных знаний. Скорее, это роль партнёра в процессе познания, роль тьютора в выстраивании некой индивидуальной траектории. Преподаватель выступает, скорее, катализатором, предлагающим условия для формирования интеллектуальной зрелости будущих профессионалов или учёных.

Основной формой взаимодействия является не столько фронтальный формат лекции, когда преподаватель в одностороннем порядке стремится донести какую-то информацию, сколько дискуссии, обсуждения, обмены мнениями, совместные чтения и анализ прочитанного, — форматы, позволяющие слушателям развить способность аргументировать собственную точку зрения, предложить свой исследовательский вопрос.

В идеале, каждый студент получает поддержку и работу в индивидуальном порядке исходя из специфики его интересов и потребностей.

Сами преподаватели (наставники и партнёры) всегда находятся в процессе познания, самосовершенствования, не претендуя на «последнее слово». Преподаватели и сами активно вовлечены в исследовательскую и иную деятельность, которая позволяет постоянно развиваться и предлагать новые темы и исследовательские вопросы.

Литература

1. *Graeber, D.* Anarchism, academia, and the avant-garde // Contemporary Anarchist Studies. An introductory anthology of anarchy in the academy. 2009. P. 103–112.
2. *Иллич И.* Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006.

A. Turchik

Shaninka — Pedagogy of Relationships

Alumni roundtable discussion featuring MSSES sociology faculty graduates from various years

Text: **Anna Turchik** (2006 graduate) — PhD in sociology, researcher, Vice-Rector for International Relationships at MSSES. **Address:** 3, bld. 1, Gazetny pereulok, Moscow. **E-mail:** annaturchik@gmail.com.

Moderator: **Irina Dudenkova** — Associate Professor at the Department of Theoretical Sociology and Epistemology of the Faculty of Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences at RANEPA under the President of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Social Sciences at MSSES (Shaninka) **Address:** 3, bld. 1, Gazetny pereulok, Moscow. **E-mail:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Participants:

Dmitry Rogozin (2002 graduate) — PhD in sociology, Director of the Center for Field Research at the Institute of Social Analysis and Forecasting, RANEPA, Editor-in-Chief of the journal «Russia's Directions». **Address:** Moscow, Prechistenskaya embankment, 11, build. 1, room 404. **E-mail:** rogozin@ranepa.ru.

Konstantin Fursov (2006 graduate) — PhD in sociology, Associate Professor-Researcher, Leading Expert at the Center for Scientific Communication of ITMO National Research University. **Address:** St. Petersburg, Kronverksky ave., 49. **E-mail:** konstantin.fursov@gmail.com.

Pavel Stepantsov (2009 graduate) — MA in sociology, sociologist, lecturer at MSSES and Skolkovo, co-founder of Synopsis Group research agency. **Address:** Moscow, Gazetny lane, 3-5. p. 1. **E-mail:** Pavel.Stepantsov@gmail.com.

Vladimir Kartavtsev (2013 graduate) — MA in Sociology, Vice-Rector for Scientific Development at MSSES. **Address:** Moscow, Gazetny lane, 3-5. p. 1. **E-mail:** kartavtsev.vladimir@gmail.com.

Asya Terekhova — student of the professional retraining program in «Sociology» at MSSES, editor, producer in media and education. **Address:** Moscow, Gazetny lane, 3-5. p. 1. **E-mail:** asya.terehova@gmail.com.

Ilya Novikov — Master's student at MSSES (Shaninka) and at National Research University «Higher School of Economics» (HSE). **Address:** Moscow, Gazetny lane, 3-5, p. 1. **E-mail:** bulvionn@gmail.com.

Anna Turchik (2006 graduate) — PhD in sociology, researcher, Vice-Rector for International Relationships at MSSES. **Address:** Moscow, Gazetny lane, 3-5, p. 1. **E-mail:** annaturchik@gmail.com.

Abstract: The text presents the results of a roundtable discussion involving graduates and students from different generations of the sociology faculty at the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES, «Shaninka»). The aim of the discussion was «methodological pedagogical reflection» on the phenomenon of institutional sustainability of a small educational institution and identification of the specifics of its pedagogical approach.
The conceptual framework for the analysis was based on the polemic between the school's founder T. Shanin and I. Illich regarding the institutional form of education. Through a system of metaphors («forest-ecosystem», «living laboratory», «terrarium of friends», «courage vaccination», and others), the roundtable participants reveal the essence of Shaninka as a special educational space.

During the roundtable, participants identified key characteristics of Shaninka's «pedagogy of relationships»: autonomy as the foundation of institutional sustainability; disagreement as a principle of cognition; partnership relations between teachers and students; freedom through responsibility; personalization and adaptiveness of the educational process; «pedagogy of the present moment».

Keywords: pedagogy of relationships, alternative education, Ivan Illich, Theodor Shanin, institutional sustainability, educational autonomy.

References

1. *Graeber, D.* (2009). Anarchism, academia, and the avant-garde. In: *Contemporary Anarchist Studies. An introductory anthology of anarchy in the academy.* P. 103–112.
2. *Illich, I.* (2006) Osvobozhdenie ot shkol. Proporcional'nost' i sovremennyj mir [Deschooling Society]. M.: Prosveshchenie.

Рецензии, обзоры, рефераты

Плюснин, Ю.
Промыслы российской провинции. Неформальные экономические практики населения

М., ИД ВШЭ, 2024. — 264 с.

Один из лидеров исследовательской школы «сословного общества и ресурсного государства» Юрий Плюснин выступил с обобщающим трудом о «промыслах», т. е. неформальных экономических практиках жителей современной российской провинции. Речь идёт о «самодеятельной хозяйственно-экономической активности домохозяйства, использующей собственные средства и технологии и направленной на жизнеобеспечение (выживание) семьи». Такая активность приобрела в постсоветский период значительные масштабы, особенно в «провинциальных местных сообществах, где от 1\3 до 1\2 и более всего трудоспособного населения занято не в местной экономике, а обеспечивает себя за счёт промыслов самого разного вида». В официальную экономическую статистику эта активность не попадает, социологические опросы её тоже не видят. Поэтому основным методом её изучения стали социологические экспедиции, наблюдение и тому подобные качественные методы. Результаты многолетних исследований такого рода и подводятся в этой книге.

Но сначала — о самой провинции. Автор предпочитает использовать термин «провинциальное местное общество», определяя его как «территориально организованную совокупность общин, члены которых связаны родством, соседством и реципрокной поддержкой, обитают на общей, контролируемой собственными силами территории и ведут экономическую деятельность». Община — это, как правило, не один населенный пункт, а несколько небольших тесно связанных между собой поселений. Прочность связей между общинами — а большинство местных обществ включает 10–20 таких общин — «обеспечивается исторической общностью и государственными административными механизмами». Минимальный порог такого общества Плюснин определяет в 100–500 чел., максимальный — в 40–50 тыс. чел., средняя же численность — 20–30 тыс. чел. Почему промыслы особенно развиты именно в провинции (т. е. в малых и средних городах, их пригородах и сельской местности)? Потому что именно их жители, в отличие от жителей крупных городов и мегаполисов, «в силу низких денежных доходов при формальной занятости вынуждены искать разнообразные иные источники дохода».

Исследователь предлагает типологию местных обществ, построенную на пересечении двух признаков. Первый — это степень пространственной изоляции (изолированное\неизолированное общество).

Изолированность снижает подверженность общества внешним воздействиям, неизолированность её повышает — вплоть до степени, когда общество становится «турбулентным». Обычно это происходит, когда общество имеет транспортную магистраль, обеспечивающую высокоинтенсивный перенос ресурсов, энергии и людей. Второй признак — причины возникновения и развития данного конкретного общества (естественная\принудительная). Оно либо возникло естественным путем, либо создано усилиями государства и поддерживается ими же (обычно это относительно новые общества — не более 3–4 поколений). Как результат, выделяются 4 главных типа обществ: изолированные естественного развития, изолированные принудительного развития, неизолированные естественного и неизолированные принудительного развития.

Теперь — о провинциальных экономиках. Их, как убедительно демонстрирует книга, две. В официальной экономике занято обычно не более половины трудоспособного населения, распределённые по трем главным сферам: бюджетной (занятые в ней получают фиксированное государственное жалованье), материальному производству и услугам (наёмные работники здесь получают зарплату по результатам труда), малому предпринимательству (предприниматели извлекают из него доходы, неся соответствующие риски). Чем же заняты все остальные? Ни статистики, ни муниципалитеты этого, как правило, не знают. Причина в том, что «в отличие от советского времени, когда каждый работник был однозначно зафиксирован на своём рабочем месте.., наблюдается массовое распространение неформальных экономических практик». В 1990-х гг. рынок труда в провинции схлопнулся, и население «утратило легальные источники дохода и было вынуждено самостоятельно искать новые способы жизнеобеспечения».

Искало — и нашло! Во множестве теневых экономических практик. И хотя они не вписаны в формальную экономику, они в основном (за редким исключением в виде изготовления и сбыта наркотиков и др.) вполне легитимны. Масштаб их таков, что «косвенные методы оценки... постоянно подтверждают, что в российской провинции реальные расходы домохозяйств как минимум вдвое превосходят официальные денежные доходы». Неформальная экономика представлена широким спектром разнообразных промыслов, которые практикуются не только в целях выживания, но и для извлечения повышенного, по сравнению с формальной экономикой, дохода. Автор называет четыре главных сферы такой экономики: отходники (форма сезонной возвратной трудовой миграции), рассеянные мануфактуры (реинкарнация одноименного типа промышленного производства периода раннего Нового времени), гаражная экономика и домашние промыслы (описано около 150 их видов). Если формальная экономика, завязанная на государство и крупные компании, везде более или

менее однотипна, то неформальная экономика на её фоне «цветет ярким цветом», т. е. весьма разнообразна.

Самый распространенный её тип — эксплуатация природных ресурсов и производство продукции на личном подворье. Помимо этого «население использует с максимальной эффективностью и ресурсы другого вида» — инфраструктурные (транспортные и информационные), человеческие (промысел на людях растёт по мере их обогащения) и социальные (промысел на социальном государстве). Широко комбинируются архаические и современные промыслы: например, «в одних и тех же домохозяйствах браконьерская охота в тайге и сбор кедровых орехов, наряду с выращиванием картофеля и кур, сопровождается торговлей экзотической продукцией на дальние расстояния и без границ, с использованием социальных сетей в интернете». На фоне широко распространённых простейших технологий (как сбор грибов и дикоросов) наблюдается и «множество технологий уникальных и требующих специальной подготовки, длительного обучения, развитых навыков не только работы с материалом, но и работы с людьми и институтами (как изготовление и продажа украшений с ростовской финифтью)».

Важная особенность неформальной экономики в российских условиях — это широко развитая кооперативная деятельность. Это кооперация не только родственных, но и соседских домохозяйств. Её основная форма — артель как добровольный союз нескольких домохозяйств. Такой тип самоорганизации местного общества «оказывается тем ритмом, который исподволь и непрерывно поддерживает жизнь всех и каждого. Это есть условие жизнестойкости российского провинциального общества». В целом провинциалы получают широкий набор экономических и социальных преимуществ благодаря использованию неформальных экономических практик: более высокий, чем официальный, доход; разнообразие источников ресурсов, возможность их комбинировать; способность обеспечивать как выживание, так и получение более высокого дохода; эффективная координация трудовых усилий; поддержка локальной социальной самоорганизации.

Автор выдвигает три главных исследовательских гипотезы. Первая: формы и виды промысловой активности различаются в зависимости от вида и масштаба поселений. Так, «отхожие промыслы (возвратная трудовая миграция) характерны преимущественно для сельской местности и таких малых городов, которые фактически являются селами вследствие полного отсутствия местного рынка труда». В малых городах со специализированным производством советского времени сформировались «рассеянные мануфактуры». Там же, где рынок относительно развит, развилась преимущественно «гаражная экономика» (промыслы, реализуемые на базе гаражных кооперативов). Домашние же промыслы распространены повсеместно.

Вторая гипотеза гласит, что многообразие форм промысловой активности, когда одновременно сосуществуют многочисленные архаические и современные промыслы, поддерживает жизнеспособность и устойчивость местного общества. Согласно третьей гипотезе, активность каждого домохозяйства имеет тенденцию к специализации в одном или немногих видах промыслов, что обусловлено поиском путей снижения трудозатрат и роста маржинальности. Как результат, «большинство домохозяйств местного общества заняты одними и теми же немногими видами промыслов». Проблема в том, что со временем специализация снижает устойчивость таких обществ, делает их более уязвимыми к неблагоприятным внешним воздействиям. Это ведет к увеличению числа «выморочных поселений», оставленных человеком в течение 30 постсоветских лет. Плюснин считает, что такое «выморачивание» происходит быстрее в случае специализации на современных промыслах. И напротив, специализация на архаичных промыслах делает местные общества более устойчивыми. Доказательство этих гипотез и составляет наиболее интересную часть книги.

В. В. Фёдоров

Для цитирования: *Федоров, В. В.* [Рец.] Плюснин, Ю. Промыслы российской провинции. Неформальные экономические практики населения. М., ИД ВШЭ, 2024 // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 191–194.

Мартынова, М. Ю., Тишков, В. А. [и др.]
Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики

Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. — 556 с.

В сентябре 2022 года Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая благодаря финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 21-09-43116 «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики СССР», руководитель — Академик РАН, д.и.н., профессор В. А. Тишков), выпустил в свет коллективную монографию «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики».

В рамках настоящей коллективной монографии авторский коллектив размышляет: 1) об уровне важности проектной деятельности индивидов в историческом процессе; 2) о роли осуществления целенаправленных планов и умственных программ стараниями государств, крупных коллективов и некоторых персон. Символично, что выход данного произведения был приурочен к поистине великой исторической дате, а именно к 100-летию с момента создания Союза Советских Социалистических Республик — СССР.

В части I «Конструирование советскости: идеи и герои» можно выделить, пожалуй, такие интересные главы отечественных историков как: глава 1 «Этнография в российской академической традиции» принадлежащая перу член-корр. РАН, д.и.н., профессору А. В. Головнёву. Данная глава «уносит» читателя далеко в историю, в начало XVIII века. Здесь автор описывает базовое понятия «этнография» и «этнология» даёт их трактовки, отмечает первые академические экспедиции и публикации того времени (например описание тунгусов) (С. 16–25).

Ещё одним интересным и безусловно смелым шагом было описание этнографии/-логии в России после революции 1917 года (происхождение и логический итог которой и по настоящее время не перестаёт приковывать взгляды ряда зарубежных и отечественных учёных). В частности отмечается то, что новая власть, которую возглавили большевики, большое внимание уделяла данной науке. Более того, в стенах Петербургской академии наук была даже организована «Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) для составления этнографической карты России» (С. 28). В дальнейшем А. В. Головнёв описывает развитие, основные наиболее важные этапы и лица, причастные к этим действительно важным событиям. Так, например, уже в октябре 1922 года было образовано

«Центральное этнографическое бюро при отделе нацменьшинств Наркомпроса, — пишет А. В. Головнёв, — декларировавшее задачу „всестороннего изучения народов РСФСР“» (С. 30).

Глава 3 «Послевоенный этап развития отечественного народоведения и его концептуальные подходы» написана д.и.н., профессором В. В. Карловым. В его главе отмечается, что идя по научным стандартам, разработанными предшественниками, советские специалисты-этнографы стали всё чаще и чаще сталкиваться с тем, что новое время требует поиска т введения новых «подходов к изучению современности...» (С. 69).

Несомненным прорывом в данной науке стали 1960-е годы, период истории который называют «оттепелью». Сейчас это уже кажется обыденным, но в то время учёные смогли посягнуть на «неприкасаемые» идеологические постулаты и их руководящее воздействия на науку. В частности, связанная с этим полемика была бурно развёрнута на страницах авторитетных советских научных журналов «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Народы Азии и Африки», «Советская этнография», «Советское государство и право». На страницах этих журналов активно печатались: д.и.н. Б. О. Долгих (1904–1971), член-корр. РАН, д.и.н., профессор К. В. Чистов (1919–2007), д.и.н., профессор М. Г. Левин (1904–1963), д.и.н. О. А. Сухарёва (1904–1983), д.и.н., профессор П. И. Пучков (1930–2008), д.и.н., профессор С. А. Токарев (1899–1985) и др. (С. 71).

Подводя логические итоги данной главы В. В. Карлов приходит к мнению, что научное сообщество понимало (не смотря на его разные позиции «за» и «против») необходимость «обновления в теории и практике исследований» (С. 77).

Часть II «„Национальный вопрос“ и региональные исследования». В её рамках наш интерес привлекла глава 7 «Дальний Восток как объект этнографических исследований». В ней д.и.н., профессор А. Ф. Старцев рассказывает об исторических этапах изучения Дальнего Востока.

Автор главы напоминает читателям, что уже к середине 1930-х годов согласно официальной статистике на Дальнем Востоке России обитали представители более 70-ти этнических общностей (С. 197). «В июне 1924 г. при Президиуме ВЦИК был создан Комитет содействия народностям Севера, — пишет А. Ф. Старцев, — ставший центром координации изучения народов Дальнего Востока». Конечно, нужно понимать, что перед данным Комитетом стояли задачи такого характера как: сбор данных о расселении, численности, хозяйстве, культуре и быте северных народов (С. 200). В период 1980–1990-х годов вышли в свет коллективные монографии о чукчах, удэгейцах, ительменах.

Часть III «Исследовательский инструментарий: идеология и наука». Весьма интересной и насыщенной является глава 14 «Изучение

рабочего быта и городская этнография». В её рамках д.и.н., профессор М. Ю. Мартынова остановилась на рассмотрении рабочего класса («пролетариата») в период существования СССР. Этот класс изучался буквально всеми науками, этнография, конечно же, не была исключением и так же придавала большое значение роли трудящегося класса. Пожалуй один из самых популярных социалистических лозунгов того времени — «Слава труду!» — реализовывался в жизнь учёными буквально.

Профессор М. Ю. Мартынова подчёркивает, что трудовая (производственная) деятельность людей всегда была объектом этнографического изучения, но зачастую внимание фокусировалось лишь «на сельском населении, крестьянстве и его занятиях» (С. 473). Пожалуй, можно сказать, что здесь приобрело вес описание так называемых планов «пятилеток» [Канукова, 2022; Мартынова, Тишков, 2023]. Суть этих планов первоначально заключалась в восстановлении утраченной вследствие ВОВ социально-экономической базы страны.

Не будет преувеличением сказать, что советский рабочий класс в его непростом прошлом и настоящем активно изучался на пространстве от Москвы и Ленинграда, до Калмыкии, Башкирии и Чувашии (С. 478–479). Список научных трудов того времени по данной проблематике был не только большим но и широким по своему спектру.

Несомненный интерес для читателя будет представлять и глава 16 «Поздний СССР и советская этнография. Антропологический анализ в контексте личного опыта В. А. Тишкова». В ней академик РАН, д.и.н., профессор В. А. Тишков через призму своего личного богатого опыта (как гражданина, так и учёного) рассматривает поздний СССР и советскую этнографию начиная с 1980 года. Страницы данной главы буквально «пронизаны» биографическими вехами и воспоминаниями Валерия Александровича.

Надо признать, что немало в этой частичке важных воспоминаний написано хорошего, светлого про наставников, коллег, учеников и просто верных друзей. Читатель найдёт много интересных примеров имеющих прямое и косвенное отношение к ЦК КПСС и бесспорным лидерам партии. Автор скрупулёзно отразил и имеющиеся конфликты, возникшие между научными сотрудниками Академии общественных наук ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (С. 528–531) и отношениях власти и этнографов (С. 531–535).

Итак, в завершении можно сказать, что данное научное произведение хорошо структурировано, логически связанно, написано доступным языком, оно непременно вызовет интерес у специалистов — этнографов, историков, антропологов, социологов.

С. В. Козин, Т. П. Жидяева

Литература

1. *Канукова З.В.* «Расцвет и сближение» наций в интерпретациях советского кавказоведения // Известия СОИГСИ. 2022. №45 (84). С. 47–60.
2. *Мартынова М.Ю., Тишков В.А.* Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1 (112). С. 31–47.

Для цитирования: *Козин, С.В., Жидяева, Т.П.* [Рец.] Мартынова, М.Ю., Тишков, В.А. [и др.] Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022 // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 195–198.

Павел, Т.
Жизнь романа. Краткая история жанра

Пер. с фр. О. Волчек под ред. С. Фокина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. — 416 с.

Оригинальное издание книги румынско-французского-американского литературоведа Тома Павела Le pensée du roman вышло в Париже в 2003 году, десять лет спустя вышло переработанное американское издание под заглавием The Lives of the Novel: A History — и в этом году появилось русское, с новой, теперь уже третьей версией заголовка. Прежде всего необходимо сказать, чего в книге нет. Необходимо потому, что отсутствующее — одна из наиболее примечательных черт работы, поскольку отсутствует именно то, что свойственно исследованиям литературы последнего полувека, а в некоторых аспектах — и всего последнего столетия. В книге Тома Павела нет ничего из области рецептивной эстетики — в рассказе о романе нет читателя или, что будет намного точнее, нет читателей. Читатель там ровно один — если не вне-, то а-временной, совпадающей вроде бы с фигурой автора этого повествования. Там есть отчасти, хотя в очень небольшой доле, «социальный контекст», социальные условия — но они выступают (как и сказано, весьма редко) как материал романов. Позиция, занимаемая Тома Павелом, может показаться архаичной — и в известном смысле так оно и есть, только избрана она с умыслом, с пониманием того, зачем и почему это делается. Она прямо вытекает из поставленной Павелом цели: рассказать длинную историю романа, не доверяя декларативному разрыву модернистского романа с предшествующей традицией. Рассказать о «романе», в значительной степени игнорируя меняющиеся «условия», ведь ни простые читатели (что бы это ни значило), ни романисты XVIII, например, века или XIX и даже XXI не читали и не читают роман «исторически» и при этом продолжают читать романы весьма отдаленных времён.

При этом Павел отказывается от попытки жесткого исходного определения понятия «романа», которое позволило бы из многообразия текстов прошлого внешним образом (через привносимый извне критерий) выделять те, которые войдут в совокупность «романов», и тех, которые окажутся чем-то иным. В понимании того, что есть «роман», он следует за Витгенштейном, моделью образования понятий по принципу «семейного сходства» — и одновременно в принятии (хоть и не полном) того, что люди/авторы разных эпох считают за «роман». Не полном не в силу недоверия к словам, а к первостепенному вниманию не на том, что говорится в теоретическом, критическом плане — но сосредоточенному на практике. В самом конце своего трактата Павел объясняет на примере «Гаргантюа и Пантагрюэля»

Рабле, не относимого им к числу романов, критерии отбора:

> *«во-первых, сходство между проблемным случаем и основной массой романов, во-вторых, общность интересов между рассматриваемым произведением и романами, их предшественниками и последователями»* (с. 380).

«Жизнь романа» имеет несколько больших вдохновителей-отталкиваний, прямо поименованных во введении — это и Георг Лукач с его «Историческим романом», и русские формалисты (прежде всего Виктор Шкловский, на которого, кажется, по ходу текста Павел ссылается чаще всего), и Михаил Бахтин, а в теоретическом плане следования прямо отсылает к Винсенту Декомбу с его трактовкой субъекта. Однако главным притяжением-отталкиванием, спрятанным в перечень других имен, предстает «Мимесис» Эриха Ауэрбаха — и это обстоятельство, спрятанное во введении за перечислением и обсуждением сходств и отличий от тех и этих, становится обнаженным в заключении, где многообразие авторов и подходов рассеивается, и автор остается один на один с Ауэрбахом, становящимся выдающимся воплощением того подхода, при котором литературный процесс «от Гомера до XX века [толкуется] как медленное обучение искусству наблюдения за человеческой жизнью в непосредственной близости и во всех ее деталях, вместе с тем — как будто издалека и с охватом всех исторических импликаций» (с. 381). И дальше (уже говоря не об Ауэрбахе, но с тем, чтобы сразу же после этого пассажа вновь назвать его же и тем самым обратить сказанное как утверждаемое в «Мимесисе»):

> *«Как технология, реализм развивался на протяжении веков, и этот прогресс становился источником все более впечатляющих успехов. С этой точки зрения Сервантес превзошел рыцарские повести, аббат Прево и Лакло превзошли Сервантеса, Бальзак сделал еще один шаг вперед, братья Гонкур вскоре превзошли его, а Пруст и Вирджиния Вульф, каждый по-своему, совершили новый прорыв»* (Там же).

Для любого, читавшего «Мимесис», такого рода изложение покажется никак не соответствующим написанному Ауэрбахом — и Павел сразу же делает оговорку: «В том виде, как его сформулировал Ауэрбах, этот тезис во многом верен» (Там же), но ведь о той формулировке, которая дана самим Павелом как изложение «этого тезиса», сказать нечто подобное невозможно — ведь будь это так, что заставляло бы самого Ауэрбаха в стамбульское десятилетие перечитывать «Одиссею», а всю жизнь в целом посвятить прежде всего латинской и романским литературам, от диссертации о Данте («Данте как поэт земного мира», 1929) до последней, написанной уже в Америке, книги («Литературный язык и публика в латинской поздней античности

и средневековье», 1957)? И если на последний вопрос еще можно ответить, допустим — «научная добросовестность», то на первый — по поводу книги, которая только и стала возможной, поскольку Ауэрбах был отчужден от прекрасных библиотек, новых журналов и прочих условий добротного научного труда и решился писать о своем, во многом по памяти, без попыток учесть «последнюю литературу вопроса» — остается лишь признать, что в этом путешествии по западной литературной традиции от Гомера и до XX века каждая остановка одновременно и самоценна и вместе с тем связана с другими, что и даёт возможность её понять и оценить, где сравнение и помещение в ряд — необходимое условие понимания самоценности.

Это странное и уводящие в сторону разбирательство с Ауэрбахом выдаёт, думается, не столько «страх влияния», а очевидность связи — попытку написать свой собственный «Мимесис», в конце концов «историю об одном из многочисленных движений вселенского разума» (с. 377). Эта история, правда, даже намного дальше, чем рассказанная Ауэрбахом, от литературоведения: конкретика литературы, приемы повествования и т. п. оказываются упоминаемыми лишь мимоходом и сами по себе не образуют связной истории. Для Павла они важны (как он и утверждает, отталкиваясь от формалистов) лишь в том аспекте, «какую мысль передают интересующие его формы» (с. 33) — и все многообразие романа в его истории предстает как разные способы/варианты осмысления/представления отношения героя с окружающим миром.

Роман в этом понимании — это непременно рассказ о герое/героях и через него человек осмысляет себя и свои отношения с миром (при этом, заметим попутно, «герой» отнюдь не выступает «двойником», заместителем осмысляющего: способом осмысления может быть внимание к герою, радикально отличному от себя, лишенного всяческого «жизненного правдоподобия»).

Отталкивание от Ауэрбаха и помещаемой под его именем большой традицией (которая и ведёт к тому на первый взгляд парадоксально-необъяснимому изложению «тезиса», см. выше) как раз и связано с пониманием романа как одной (и по крайней мере для XIX века — важнейшей) формы осмысления себя, что может осуществляться через преднамеренную идеализацию, создание условного мира или ситуации, вовсе лишенной жестких контуров, героя, сводимого к одной-двум чертам — как и напротив, через стремление к объемности, созданию «живого» героя и «автономного» мира, вполне способного поспорить с известным нам как «реальный» в степени своей конкретности.

«Жизнь романа» исходит из понимания природы романа как устремленного к идеальному, рассказ об идеале — и вся история с «Эфиопики» Гелиодора оказывается сложным танцем двух составляющих: идеала, идеального и окружающего мира. Он может представать рассказом о воплощении идеального в идеальном, истории Аркадии, или историей утверждения идеальной нормы в рыцарском романе,

или опытом сделать идеал «приземлённее», чтобы герой мог оказаться в мире, не столь радикально отличного от читательского — или же, наконец, сам роман может оказываться воплощением, созданием идеального, единственной реальностью последнего, доступной нам, как у Пруста в «Поисках...» Павел не претендует на то, что это единственный способ рассказать историю романа, но настаивает, что рассказывая историю таким образом, у нас получается собрать основные вехи истории европейского романа и тем самым предложенная схема доказывает себя кружным путем. Чтобы составить общее представление об авторах и романах, разбираемых Павелом, представим их в табличном виде (оставляя вне таблицы те, которые лишь упомянуты или охарактеризованы одной-двумя фразами: общий перечень авторов и произведений дан в самой работе в указателе)[1]:

В истории, рассказываемой Павелом, есть два принципиально различных предмета внимания — романы, великие с исторической точки зрения, и «шедевры», те, которые помещают в «каноны» и списки «сто лучших книг». Но ему важно именно различить, а не противопоставить их, отдавая внимание лишь одному: дело в том, напоминает автор, что роман, значимый в истории, открывающий новую линию, редко оказывается в последующем причисленным к высочайшим эстетическим достижениям. Последние обычно знаменует уже близкий конец пути, высшую точку, после которой начинается спуск вниз — а первые, новаторские, вскоре оказываются превзойденными, найденный новый принцип затем доведут до совершенства. Читая «Уэверли», с которого начинается исторический роман XIX века, затруднительно пережить эстетическое потрясение — и современный читатель, даже если он зрелых лет любитель Вальтера Скотта, скорее всего и у него предпочитает другие романы. Но то, что стремится показать, и делает весьма убедительно, Павел — это то, что роман образует довольно автономный мир, оказываясь способен включать предельно разнородное, но явно или неявно неся в себе память жанра: в конце концов и обычный читатель, вертя в руках книгу старую или новую, не задумываясь о строгих критериях, тем не менее без особого труда распознает, что перед ним именно роман, и даже авторская воля, как в случае Гоголя, обычно не способна переупрямить его.

Вернусь к финальной авторской формулировке книги: «История, которую я рассказал, — это не просто *история об одном из многочисленных движений вселенского разума (хотя в определенной степени она хотела бы быть таковой)* [выд. нами — А. Т.], но она также выводит на сцену

[1] Порядок перечисления произведений — в порядке разборов их в «Жизни романа». Меньшим кеглем и курсивом набраны указания на произведения, занимающие второстепенное место в анализе, но до известной степени также получающие самостоятельную характеристику Т. Павела.

Табл. 1.

Эпоха	Автор	Произведение[2]	Годы создания/ публикации	Стр. русского перевода, преимущественно посвященные произведению
До-модерный роман	Гелиодор	«Эфиопика»	III или IV в. н. э.	52–63
	Родригес де Монтальво (?)	«Амадис Гальский»	ок. 1508 г.	65–73
	Оноре д'Юрфе	«Астрея»	1607–1627	74–82
	Мигель де Сервантес	«Дон Кихот»	1605, 1615	86–89
	[Аноним]	«Жизнь Ласарильо с Тормеса»	1554	93–98
	Ф. Г. де Кеведо-и-Вильегас	*«Бускон» [«История жизни пройдохи по имени дон Паблос, пример бродяги и зерцало мошенников»]*	*1622*	*96–98*
	Даниэль Дэфо	«Молль Флендерс»	1722	98–103
	Даниэль Дэфо	«Счастливая куртизанка, или Роксана»	1724	98–103
	Джованни Бокаччо	«Декамерон»	1353	107–112
	Мигель де Сервантес	«Назидательные новеллы»	1613	112–116
	аббат де Сен-Реаль	*«Дон Карлос»*	*1672*	*117–118*
	мадам де Вильде	*«Беспорядки любви»*	*1675–1676*	*118–119*
	мадам де Лафайет	«Принцесса Клевская»	1677	119–124
XVIII век	Сэмюэль Ричардсон	«Памела, или Вознагражденная добродетель»	1741	136–141
	Жан-Жак Руссо	«Юлия, или Новая Элоиза»	1761	142–148
	Генри Филдинг	«История Тома Джонса, Найденыша»	1749	149–158
	Лоренс Стерн	«Тристрам Шенди»	1760–1767	159–161
	Дени Дидро	«Жак-фаталист и его хозяин»	1773–1775 (?)	161–165
	Гораций Уолпол	«Замок Отранто»	1765	167–171
	Анна Радклиф	*«Тайны Удольфского замка»*	*1794*	*171–172*
	Мэтью Льюис	*«Монах»*	*1796*	*172–173*

[2] Название дается сокращённо, по обычно употребимой в литературоведении форме.

Табл. 1. (Продолжение)

Эпоха	Автор	Произведение[2]	Годы создания / публикации	Стр. русского перевода, преимущественно посвященные произведению
XVIII век	*Анна Радклиф*	*«Тайны Удольфского замка»*	*1794*	*171–172*
	Мэтью Льюис	*«Монах»*	*1796*	*172–173*
	Иоганн Вольфганг Гёте	«Страдания молодого Вертера»	1774	175–177
	Фридрих Гёльдерлин	«Гиперион»	1799	180–182
	Фридрих Шлегель	«Люцинда»	1799	184–187
	Иоганн Вольфганг Гёте	«Избирательное сродство»	1809	182–183, 187–190
	Бенжамен Констан	«Адольф»	1816	191–195
XIX век	Генрих фон Клейст	«Михаэль Кольхас»	1808	206–209
	Вальтер Скотт	«Уэверли»	1814	210–212
		«Пуритане»	1816	212–213
		«Эдинбургская темница»	1818	213–215
	Джузеппе Мандзони	«Обрученные»	1827	216–219
	Джеймс Фенимор Купер	*«Последний из могикан»*	*1826*	*220–221*
	Альфонс де Ламартин	*«Грицаэлла»*	*1849*	*221–222*
	Михаил Лермонтов	*«Белла» [«Герой нашего времени»]*	*1840*	*222*
	Лев Толстой	«Казаки»	1863	223–224
	Чарльз Диккенс	«Оливер Твист»	1837–1839	225–226
		«Крошка Доррит»	1855–1857	226–227
	Шарлота Бронте	*«Джейн Эйр»*	*1847*	*229*
	Жорж Санд	*«Чертово болото»*	*1845*	*229–230*
	Оноре де Бальзак	«Человеческая комедия»	1-я ред.: 1841	231–237
	Мэри Шелли	*«Франкенштейн...»*	*1818*	*237–238*
	Эжен Сю	«Парижские тайны»	1842–1843	239–242
	Виктор Гюго	«Отверженные»	1862	242–245
	Стендаль	«Красное и черное»	1830	247–251
	Уильям Мейкпис Теккерей	«Записки Барри Линдона»	1844	251–252
		«Ярмарка тщеславия»	1848	252–253
	Джейн Остин	«Эмма»	1816	254–258

Табл. 1. (Окончание)

Эпоха	Автор	Произведение[2]	Годы создания/публикации	Стр. русского перевода, преимущественно посвященные произведению
XIX век	Генри Джеймс	«Дейзи Миллер»	1879	261–262
		«Женский портрет»	1881	262–263
		«Послы»	1903	263–265
	Гюстав Флобер	«Госпожа Бовари»	1856	266–274
	Эмиль Золя	«Ругон-Маккары»	1871 –1893	275–278
		особо: «Западня»	1877	280–283
	братья Гонкур	«Жермини Ласерте»	1865	278–280
	Джордж Элиот	«Мидлмарч»	1871–1872	287–289
	Лев Толстой	«Война и мир»	1865–1869	291
		«Анна Каренина»	1875–1877	291–297
	Адальберт Штифтер	«Старый холостяк»	1844	298–299
		«Бригитта»	1843	299–302
	Теодор Фонтане	«Эффи Бист»	1895	303–307
		«Сесиль»	1887	307–309
	Федор Достоевский	«Преступление и наказание»	1866	312–316
		«Бесы»	1870	316–319
		«Идиот»	*1868*	*319–320*
	Эмилия Падро Басан	*«Родовая усадьба Ульоа»*	*1886*	*326–327*
	Бенито Перес Шальдос	*«Назарин»*	*1895*	*327*
		«Регентша»	*1884–1885*	*327–328*
XX век	*Гюисманс*	*«Наоборот»*	*1884*	*339–340*
	Андре Жид	«Яства земные»	1897	342
		«Имморалист»	1902	342–343
	Марсель Пруст	«В поисках утраченного времени»	1913–1927	344–348
	Джеймс Джойс	«Уллис»	1922	349–352
	Уильям Фолкнер	*«Шум и ярость»*	*1929*	*353–354*
	Альфред Дёблин	«Берлин, Александреплац»	1929	355–357
	Томас Манн	«Волшебная гора»	1924	357–358
		«Доктор Фаустус»	1947	358–359
	Роберт Музиль	«Человек без свойств»	1930–1943	359–362
	Франц Кафка	«Процесс», «Замок», «Императорское послание»	1925, 1926, 1919	364–366
	Андре Бретон	*«Надя»*	*1926, 1963*	*367–368*
	Габриэль Грасиа Маркес	*«Любовь во время чумы»*	*1985*	*369–370*

истинных действующих лиц, в данном случае авторов романов, акторов, чьи проекты, успехи, дискуссии и взаимное влияние составляют основную пружину действия» (с. 377). И далее Павел утверждает:

«Выросшая из человеческих забот и дискуссий, история романа могла бы быть другой, если бы талант участников и принимаемые ими решения были другими. Мы можем помечтать о том, что стало бы с романом в конце XVIII и начале XIX века, обладай изобретатели готического жанра большим талантом и вкусом, если бы вместо Вальтера Скотта, умри он преждевременно, мы восхищались бы Мэри Шелли и бесчисленными научно-фантастическими романами, которые она написала бы за свою долгую жизнь. Мы также можем задаться вопросом, что было бы, если бы по воле случая истории Фонтане и Переса Гальдоса снискали бы во всей Европе то восхищение, которого они заслуживали. Будущее, отличное от того, которое сбылось, рассеивалось каждый миг истории» (с. 385).

Здесь наглядно представлено то раскачивание, которое происходит с теоретической позицией автора — сам проект, само устремление «Жизни романа» (и здесь нельзя не вспомнить Лукача, который неоднократно присутствует на страницах книги) проникнуто гегельянским духом, понять историю романа как один из моментов движения мирового духа. Но отдаться этому стремление Павел не решается, равно как и всерьез разобраться с ним — и в итоге все сводится к «идеям, правящим миром», «случайностью», которая могла бы переопределить историю, а история романа внезапно оказывается накрепко связана с отдельными авторами как великими людьми, творящими из своей творческой субъективности, в которой свободным и непредсказуемым образом преломляется опыт мира — и чьи создания столь же случайно могут быть прочитаны, поразить и вдохновить многих или же остаться никому не известными. От состояния здоровья Скотта и Шелли зависело, родится ли большая романная форма XIX века, вышедшая из «Уэверли», или же научно-фантастическое родится почти за век до Уэллса, пустившего её в пространство большинство романа.

Но в этом на первый взгляд странном подведении итогов, где все рассыпается в произвол и случайность, игру свободных авторов, зачем-то удвоенных «акторами», видится и своеобразный знак почтения, не умаления — но поставления себя вровень с Ауэрбахом: и автор почтительно карикатуризирует сам себя, проделывая ту же операцию, что несколькими страницами ранее совершил над предметом своего подражания, самого искреннего из доступных человеку проявлений любви.

А.А. Тесля

Для цитирования: *Тесля, А.А.* [Рец.] Павел, Т. Жизнь романа. Краткая история жанра / Пер. с фр. О. Волчек под ред. С. Фокина. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2025 // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 199–206.

Атнашев, Т. А.
Бюрократия, или Порядок без хозяина

СПБ: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2025. — 168 с.

Когда-то давно, не позже XVII века, случилось так, что в самых развитых государствах Западной Европы «власть незаметно перешла от монарха к леркам и прожектёрам, которые сидели за пыльными словами с бумагами вместо того, чтобы воевать, промышлять или сеять». Затем похожий процесс охватил другие страны, а со временем — и весь мир. И сегодня уже общеизвестно, что современное государство невозможно без бюрократии. Менее известно, что без бюрократии не способны существовать ни современный бизнес, ни «третий сектор» (гражданское общество). Получается, что именно полемика о бюрократии во многом «задавала ориентиры общественной мысли в Новое время», а способность различных режимов поставить бюрократию себе на службу определила исход великой идеологической борьбы между социализмом, капитализмом и демократией в XX веке. Так полагает Тимур Атнашев, автор нового исследования о бюрократии, вышедшего в известной серии Европейского университета в Санкт-Петербурге «Азбука понятий».

Социология, как и художественная литература, много разного знает о бюрократии. Автор выделяет два полюса дискурса об этом явлении: в одном случае бюрократия представляется как сила рациональная, эффективная, спасительная (полюс Вебера), в другом — как иррациональная, малоосмысленная, часто абсурдная и бесчеловечная (полюс Кафки). Если певец бюрократии Макс Вебер отталкивался от прусского образца бюрократии, то Франц Кафка существовал в австро-венгерской бюрократической парадигме. Атнашев концептуализирует их отличия и предлагает говорить о двух внешне сходных, но внутренне различающихся типах бюрократии: «северной», или прусской, обеспечивающей торжество рационального порядка, и «южной», или средиземноморской, представляющей собой господство иррационального произвола.

В каждой стране или отрасли можно встретить организации обоих типов, но общее правило таково: в развитых странах доминирует северный тип, в развивающихся — южный. Непреднамеренным результатом роста северной бюрократии становится «стандартизация общения и вытеснение личного начала. Северная машина с её винтиками и колесиками охлаждает социальные отношения... Если же в иерархии отношения остаются по-южному тёплыми, а иногда обжигающе горячими, то правила исполняются не систематически... Этос правил здесь культурно отторгается исполнителями, а ручное вмешательство хозяина делает правила ещё менее твердыми».

Какой будет бюрократия в вашей стране в определенный период времени, полагает автор, зависит не столько от неё самой, сколько от социального контекста, в который она погружена. Бюрократия существует не в безвоздушном пространстве, она занимает столько места, сколько ей позволят занять другие. Таким образом, «взаимоотношения и взаимное влияние рынка, бюрократии и демократии дают ключи к пониманию современных обществ и к пониманию самой бюрократии». Избавиться от бюрократии пока представляется невозможным (крах советского ультрадемократического эксперимента вскоре после Октябрьской революции это ясно показал). Постбюрократические формы управления пока существуют скорее в литературе, чем в реальности. Так что можно и нужно пытаться не уничтожить бюрократию, а улучшить её, и эти попытки, как показывает анализ развития бюрократии вглубь и вширь, имеют хороший шанс на успех!

Прежде всего надо понимать, что у бюрократии обычно (не всегда) есть «заказчик», будь то политический класс, бизнес или даже народ . Порядок, обещанный Вебером, «остается иллюзией без деятельного хозяина и без порядка внешнего». Ведь чиновник представляет суверена и замещает его, но в процессе этого замещения постепенно обретает собственные интересы и стиль поведения. «Поэтому заказчик должен постоянно убеждаться, что уполномоченные не искажают его волю». Бюрократы ведут себя «как своевольный слон или даже стадо диких слонов», которых нужно «одомашнить», применяя волю и соответствующую технику воспитания. «В узде энергичных заказчиков и в устойчивой окружающей среде рациональная северная бюрократия хорошо решает управленческие задачи, требующие стандартизации и масштаба. Напротив, для непредсказуемой внешней среды или выработки индивидуальных решений больше подойдут южная бюрократия или постбюрократические формы».

Чтобы восторжествовал «северный» тип бюрократии, «заказчик должен сам начать соблюдать правила и опираться на соразмерные бюрократии встречные силы и механизмы: рынок и конкуренцию, право, выборы и делиберацию и, наконец, использовать меритократию». И наоборот, «организации могут от северного полюса спектра брести к южному, если заказчики засыпают верхом на слоне». Но и северный тип не идеален сам по себе, ведь именно северная бюрократия в нацистской Германии идеально организовала Холокост, тогда как южный тип позволяет обществу выживать, пусть и не благодаря, а вопреки (строгость российских законов, как мы помним, компенсируется необязательностью их исполнения).

«Переход с юга на север, или воспитание одного слона, занимает несколько лет для организации и 30–50 и даже сто лет для системы госуправления (стада слонов) страны», утверждает автор. Россия сегодня остается страной преимущественно южного типа, но около

2000 года у нас стартовал переход к северному, и переход не на словах, а на деле (признать изменившиеся реалии зачастую мешает привитый нам гоголевский стереотип «южной» бюрократии). Нижний и средний уровни бюрократии уже приблизились к северному краю, что ярче всего демонстрируют беспрецедентная рациональность и эффективность систем «Госуслуги» и «Мои документов». На верхнем уровне по-прежнему господствуют патронажные сети южного типа, но на жизнь обычных людей в России это уже не оказывает такого кошмарного влияния, как прежде.

Дальнейший прогресс в «нордизации» нашей бюрократии сдерживается сверху. Что здесь можно было бы сделать? Атнашев рекомендует сосредоточиться на привитии российскому чиновничеству меритократических механизмов на входе. Жесткие и объективные экзамены «китайского» образца обеспечивают последовательное и неуклонное повышение качества человеческого материала, что критически важно для перехода к «северной» бюрократии. Полтора века назад именно введение экзаменов позволило английской и американской бюрократии окончательно трансформироваться из «южной» в «северную». Пора бы уже и нам!

В. В. Фёдоров

Для цитирования: *Фёдоров, В. В.* [Рец.] Атнашев, Т. А. Бюрократия, или Порядок без хозяина. СПБ: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2025. // Пути России. 2025. Т. 3. № 3. С. 207–209.

Коленникова, О. А.
Социальные проблемы рабочей силы в современной России

ФНИСЦ РАН, 2024. — 368 с.

Структура данной рецензируемой авторской монографии канд. экон. наук, доцента, ведущего научного сотрудника ИСЭПН ФНИСЦ РАН О. А. Коленниковой представлена в следующем виде: введение, шесть глав (включающих суммарно двадцать два параграфа), заключение, список литературы (состоящий из 219 зарубежных и отечественных научных релевантных произведений), сведения об авторе.

Во введении О. А. Коленникова актуализирует данную тему, приводит основные вводные положения. Например, говорит о том, что свершающиеся трансформационные веяния в российской сфере труда и занятости изменяют (причём хотим мы этого или нет) и трудовые возможности населения Российской Федерации. К спектру нерешённых проблем, унаследованных от происходивших неоднозначных рыночных реформ 1990-х гг. (итоги которых по-прежнему обсуждаются в научном сообществе), «прикрепились» ещё и новые современные проблемы. Особо подчеркнём некоторые из этих проблем, такие, как изменения уровня занятости и условий труда [Жизненный мир..., 2024], прекаризация занятости населения [Козин, Жидяева, 2023; Козин, Закиева, Жидяева, 2021], профессиональная и карьерная помощь студентам и выпускникам вузов, самозанятость и платформенная занятость в России.

В главе I «Теоретические подходы к исследованию социальных проблем рабочей силы» обобщён и показан теоретический анализ социальных проблем рабочей силы с использованием теории познания и системного подхода.

Автор обращается к работам таких авторов, как А. В. Шевчук, В. И. Марцинкевич, В. Н. Бобков, Д. О. Стребков, Н. М. Римашевская, Р. В. Рывкина, Т. И. Заславская и др. В настоящей главе изучаются различные аспекты функционирования рынка труда, включая многообразие и взаимодействие его институтов, а также проводится системный анализ классических и современных экономических теорий.

В ходе исследования О. А. Коленникова анализирует этапы развития рынка труда в России, уточняет понятия и сущность институтов рынка труда, определяет особенности взаимодействия экономических институтов и предлагает меры по улучшению механизмов взаимодействия институтов рынка труда в современной российской экономике. Здесь будет весьма целесообразно привести один из выводов сделанным академиком РАН М. К. Горшковым, согласно которому «доля населения моложе трудоспособного возраста, в срав-

нении с 2021 г. к 2036 г. сократится на 1,2%, т. е. на 7 млн человек. Такое сокращение будет способствовать дефициту трудовых ресурсов» [Горшков, 2023, с. 334].

Здесь можно допустить, что нехватка работников интеллектуального труда будет покрыта введением в производственный процесс современных цифровых систем и роботов. В то же время будут ликвидированы некоторые виды профессий, на замену которым придут новые, более современные, требующие от сотрудников целого ряда новых компетенций. По мнению С. В. Козина и Т. П. Жидяевой, те сотрудники, которые не смогут «вписаться» в рамки нового трудового мира, скорее всего, попадут в класс «прекариат» [Козин, Жидяева, 2023, с. 186–187].

В следующей главе II «Социальное положение персонала приоритетных производств и их кадровое обеспечение» рассматривается актуальная проблема социального положения сотрудников приоритетных производств и их кадрового обеспечения (с. 30–68). О. А. Коленникова анализирует факторы, способствующие инновационному развитию организаций социальной сферы, и подчёркивает важность разработки инновационного подхода к управлению кадровым потенциалом. Заметим, что в главе представлены результаты исследования кадрового потенциала одного из учреждений социальной сферы, выявлены основные проблемы и предложены способы их решения. Особое внимание уделяется обновлению материально-технической базы, повышению квалификации персонала и улучшению системы мотивации сотрудников.

В главе III «Трудовой потенциал специалистов в сфере науки и проблемы его реализации» рассматривается актуальная проблема формирования и реализации трудового потенциала специалистов в области науки. Автор монографии анализирует мотивацию, региональные особенности и требования времени как ключевые факторы, влияющие на развитие кадрового потенциала науки и образования. Между тем в исследовании освещаются особенности формирования кадрового потенциала науки и образования, а также проблемы и противоречия, связанные с этим процессом. О. А. Коленникова подчёркивает важность согласования интересов работодателей, потребностей рынка труда и возможностей образовательной системы в подготовке и переподготовке специалистов. Кроме того, глава затрагивает региональный аспект кадровой политики и возможность использования системы частно-государственного партнёрства для формирования кадрового потенциала социально-культурной сферы.

В главе IV «Вопросы повышения качества занятости медицинских специалистов» представлен качественный и количественный анализ кадровой ситуации с медицинским персоналом в системе здравоохранения Российской Федерации. В частности, в результате анкетного опроса (выборка 551 анкета) было установлено, что

90% врачей и 78% медицинских сестер в возрасте 55 лет и старше не собираются менять настоящее место работы, осознавая, что найти новое место работы на рынке труда (особенно в данном возрасте) будет весьма проблематично (с. 181).

В главе V «Проблемы использования трудового потенциала безработных» проведён анализ международного и отечественного опыта работы с безработными гражданами различных возрастных групп, квалификации и т. д. Показаны примеры привлечения этой категории (как резерва) для увеличения трудового потенциала в различных сферах труда. В завершающей главе VI «Сложности и возможности трудоустройства инвалидов» говорится о том, что в конце 2000-х гг. в Российской Федерации насчитывалось свыше 13 миллионов инвалидов (с. 292). Специалистам стал крайне интересен опыт привлечения людей с различными группами инвалидности и их эффективность для государства. Здесь автор приводит множество красочных статистических и описательных примеров из таких стран, как Австрия, Германия, Италия, Финляндия, Франция, Эстония и т. д.

В заключении мы можем кратко отразить наиболее важные выводы, полученные в данной монографии. Итак, первое, на, что хотелось бы обратить внимание, это спектр санкционной политики, который обрушился на нашу страну. Он внёс, конечно же, свои коррективы в нашу экономику, рынок труда и сотрудничество с зарубежными странами (в большинстве случаев с партнёрами), и это заставило полностью перестраивать привычный нам режим работы как крупных государственных предприятий, подобно таким, как «АвтоВаз», «Газпром», «Росатом», «Роснефть», «Ростехнологии», «РусГидро», так и средних. Вместе с тем по-прежнему в нашей стране ощущается «кадровый голод». Его уже не первый год наши власти стараются компенсировать за счёт привлечения трудовых мигрантов (преимущественно из стран бывших советских республик), но, как показывает реальность, этого оказывается, увы, недостаточно. Подчеркнём, что и полученные результаты Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г., руководитель, Академик РАН В. А. Тишков, 2020–2022 гг.) также сигнализируют о данном факте.

Кроме этого, не следует забывать о том, что отечественной системе профтехобразования с её традициями подготовки кадров для индустрии по-прежнему не удаётся в полной мере соответствовать современным требованиям отечественного рынка труда. Дефицит трудовых кадров в организациях компенсируется перераспределением нагрузки между действующими сотрудниками. А, как известно, работа «на износ» в дальнейшем провоцирует профессиональное выгорание или же скорейшее увольнение сотрудника.

Эта книга может быть, безусловно, полезна специалистам, изучающим теорию и практику применения трудового потенциала, а также преподавателям социально-экономических дисциплин высших и средних специальных учебных заведений.

С. В. Козин, Р. Р. Закиева

Литература

1. *Горшков, М. К.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ: [монография] / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, И. О. Тюрина; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. ISBN 978-5-89697-413-0. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023.
2. Жизненный мир работников: устойчивость *versus* прекарность / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7.
3. *Козин, С. В., Жидяева, Т. П.* [Рец. на кн.] От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022 // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 177–191. DOI 10.19181/socjour.2023.29.1.10.
4. *Козин, С. В., Закиева, Р. Р., Жидяева, Т. П.* Прекариат — новый угнетённый класс XXI века? // Философия хозяйства. 2021. № 3 (134). С. 199–213. DOI 10.61726/8767.2024.85.98.001.

Для цитирования: *Козин, С. В., Жидяева, Т. П.* [Рец.] Коленникова, О. А. Социальные проблемы рабочей силы в современной России. ФНИСЦ РАН, 2024 // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 210–213.

Кальтенбруннер, Г-К.
Элиты. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации

Пер. с нем. А. В. Чёрного. М.: Silene Noctoflora, 2025. — 192 с.

«Элиты» — первое произведение немецкого консервативного мыслителя Г-К. Кальтенбруннера, переведённое на русский язык. Книга вышла в издательстве Silene Noctiflora в переводе А. В. Чёрного и снабжена подробной статьёй исследователя немецкой консервативной мысли Ф. М. Фомичёва.

Как следует из названия книги «Элиты. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации», эссе посвящено проблеме правящих слоёв и принципам формирования «аристократии» в государствах прошлого и современных обществах. Книга представляет собой расширенную версию эссе, подготовленного, по словам самого автора, для радиопередачи (с. 21), что обуславливает формат, по сути, краткого и понятного введения в тему, рассчитанного на широкий читательский круг.

Проблема элит, несмотря на преобладание в публичном пространстве эгалитаристских идей, никуда не исчезла. Напротив, настойчивость, с которой левые и либеральные интеллектуалы продвигают свои взгляды, зачастую наводит на мысль о необходимости иного концептуального видения проблемы современного общественно-политического устройства.

В этой связи реактуализация в широком публичном поле роли элит в формировании современных сообществ вне разнообразных «теорий заговора» способно дать новую оптику, позволяющую пролить свет на многослойность политических риторик, под которой может скрываться ядро, обладающее совершенно отличной от внешнего уровня сущностью.

Несмотря на то, что оригинальный текст был написан в 1980-е гг. XX в., актуальность поднятой в нём проблемы сегодня даже выше, нежели тогда, поскольку характерная ныне деполитизация, или, напротив, придание излишней политичности второстепенным вопросам, искажают представления людей о природе власти, вынуждая их обманываться утопичными схематизмами и устраивать «погоню за призраками». Чтобы понять, как функционируют элиты, автор старается комплексно представить суть этого понятия, проследить, как оно рассматривалось различными философами и социологами, а также концептуализировать элитизм, рассматривая общее и особенное в рамках культурно различных исторически сложившихся сообществ.

Эссе состоит из двух глав. Первая глава наиболее объёмная и разделена на ряд параграфов, посвящённых различным аспектам проблемы элит в современной демократической системе.

Автор ожидаемо противопоставляет *эгалитаризм* и *элитизм*, которые представляются ему взаимоисключающими явлениями (с. 39). Этот тезис имеет важное значение, поскольку одна из ключевых идей текста заключается в том, что всякое общество, в том числе и современное, фундаментально *элитистское* по своей сути, даже если на внешнем уровне элитизм решительно отвергается в пользу идеалов свободы и равенства. В этом смысле *эгалитаризм* неминуемо становится инструментом элит в борьбе за власть, поскольку сразу после победы над политическими конкурентами устанавливается жёсткая система господства (с. 55) и определяется ведущая роль победившего меньшинства, подобно тому, как сторонники марксизма апроприировали роль воспитателя нового человека, способного появиться лишь при руководстве марксистской партии (с. 47). В подобном взгляде мерцают элементы теории элит В. Парето: победа той или иной элиты возможна в случае «благосклонности» массы, не обладающей субъектностью как таковой, но способной к пассивной поддержке определённой стороны. Поэтому история представляется «не борьбой классов, но драматичным состязанием элит» (с. 85), поскольку классы сами по себе представляют лишь массу ведомых выделившимся из них меньшинством.

Г-К. Кальтенбруннер прибегает к наследию итальянского социолога и в ином контексте — при типологизации элит в современном обществе. Если ранее элиты были центром, несли весь груз ответственности за общество в целом и пользовались за это привилегией на свободное время (с. 78–79), то современная элита представляет из себя скорее разбитую по системам всё усложняющуюся структуру, в каждом из сегментов которой формируется собственная элита, отличающаяся успешностью в своём деле. Указанная фрагментация, по мнению немецкого мыслителя, ведёт к упадку общества, поскольку «массовость» элиты размывает границы ответственности, в результате чего «узлы власти» (с. 69) рассеиваются.

Это приводит к тому, что политические элиты трансформируются в «вето-группы», призванные лишь запрещать действия, противоречащие её интересам. (с. 72). В условиях, когда элиты становятся «функциональными» или «компетентными» (с. 50–51), занимающимися разными уровнями «администрирования», обществу не хватает, по выражению Г-К. Кальтенбруннера, «сверхэлит», которые были бы наделены политической волей и способностью формировать суверенную систему, подчинив всё идее общего блага. Именно это видится ему главной задачей и необходимостью для современных обществ.

Вторая глава эссе посвящена исторической ретроспективе проблемы элитных обществ. Г-К Кальтенбруннер отстаивает мысль

о том, что тайные влиятельные группы существовали во все эпохи, вплоть до первобытных обществ. В качестве подтверждения последнего тезиса он приводит наскальные рисунки в пещерах Испании и Франции (с. 95), что, конечно, является лишь предположением немецкого мыслителя. Вместе с тем, общая линия размышления ясна: воины культа Одина-Вотана, последователи культов Орфея и Диониса, митраисты, пифагорейцы, члены различных амфиктоний, тамплиеры, масоны, — все эти сообщества формировались либо вокруг религиозного культа, либо имели устойчивую внутреннюю эзотерическую систему.

Другой характерной чертой, предопределившей характер тайных обществ, стал экуменизм, выходящий за пределы политических и национальных границ (с. 99). По мнению Г-К. Кальтенбруннера, многие политические формы были созданы именно благодаря транснациональным по своему характеру сообществам, будь то Швейцарская Конфедерация, США или даже СССР. Безусловно, и от этого предостерегает сам автор, не стоит скатываться в различные теории заговора, однако и тот факт, что многие деятели, стоявшие у истоков указанных политических форм, состояли в тайных обществах, не может быть проигнорирован, поскольку именно такие организации как масоны, «Союз коммунистов», общество «Туле» и многие другие выступали в качестве «центров кристаллизации, резонаторов и идейно-политических барометров» (с. 120). Иными словами, такие организации служили формированию творческой элиты благодаря своему тайному статусу, выводившему их за пределы установленных социальных связей.

Ход размышлений немецкого мыслителя наводит на мысль о том, что в качестве современных тайных сообществ или организаций, обладающих относительно закрытым характером, могут выступать всевозможные экспертно-аналитические центры — т. н. «фабрики мыслей». Именно они создают необходимые условия для формирования и циркуляции элит в рамках современной демократической системы, а также поддерживают институт политических советников и экспертизы. Если раньше эти задачи выполняли выходцы из закрытых клубов, приближенные к власть имущим, то теперь их утилитарная функция перешла специально сформированным институтам, новым, «секуляризованным» вариантам тайных сообществ.

Стоит подчеркнуть, что речь здесь идёт не о политической журналистике, всё более явно претендующей на роль экспертно-аналитического сообщества, а о разного масштаба и сложности сети, состоящей из неформальных или полуформальных связей, работа которой оказывает малозаметное воздействие на политические элиты, в этом смысле функциональные по своей сути. Разумеется, признание наличия подобной структуры существенно затруднит процесс экспертно-аналитической работы, поскольку она не лежит на поверхности,

а лишь периодически мерцает в общем информационном потоке, но это также позволит иначе взглянуть на течение политических процессов, углубить понимание того, как работают эти механизмы.

Размышления Г-К. Кальтенбруннера относятся к германскому контексту 1970–1980-х гг. XX в., однако сформулированные им идеи могут быть полезны и при изучении архитектуры современного российского общества, которое, как и любое другое, не может существовать без элит. В этом смысле его текст, являясь очень кратким, но необходимым введением в элитологию, может стать подспорьем в понимании того, как функционирует российская элита.

Д. Д. Сушков

Для цитирования: *Сушков, Д. Д.* [Рец.] Кальтенбруннер, Г-К. Элиты. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / Пер. с нем. А. В. Чёрного. М.: Silene Noctoflora, 2025 // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 214–217.

Посадский, А. В., Булгаков, А. О. Народная армия в Прихопёрье: зелёные и белые летом 1919-го года

М.: Квадрига, 2024. — 344 с.

Рецензируемая книга А. В. Посадского и А. О. Булгакова о зелёном движении в Прихопёрье в середине 1919 года представляет собой развитие темы, которую эти исследователи затрагивали в некоторых своих предыдущих работах [Булгаков, 2015; Булгаков, 2019 (1); Булгаков, 2019 (2); Посадский, 2010 ; Посадский, 2024 и др.].

Авторы монографии предлагают ряд контекстов, в которых можно рассматривать феномен Народной армии в Прихопёрье. Среди них общая история Гражданской войны в России, история зелёного движения как такового, карательные и пропагандистские практики советской власти в период военного коммунизма, предыстория Антоновщины и др.

Цель книги «уяснить и доказать демонстрацию возможностей и ограничений крестьянского вооружённого участия в Гражданской войне на примере феномена „Народной армии“ и Народных полков в Прихопёрье весной-летом 1919 г» (с. 6). Прихопёрьем авторы именуют междуречье Хопра и Дона, стык Воронежской, Саратовской и Тамбовской губерний.

В основание своей научной методологии А. В. Посадский и А. О. Булгаков заявляют парадигму военно-исторического крестьяноведения. Такой методологический путь позволяет сочетать общеисторические, крестьяноведческие и демографические подходы, чтобы обнаружить новые связи между крестьянским укладом и военно-политическим участием крестьянства в Гражданской войне и оценить их роль в эффективности крестьянского сопротивления государству.

Монография состоит из введения, пяти глав, разбитых на параграфы, приложения с рядом документов и корпусом статистических данных и заключения. Во введении авторы знакомят читателя с методологическими основаниями своего исследования, его целью, историографической и источниковой базой. Первые две главы посвящены особенностям описания зелёного движения сторонними наблюдателями, которые не раз затрагивались А. В. Посадским в своих предыдущих работах [Посадский, 2018; Посадский, 2021] и непростым отношениям крестьянства Прихопёрья с белыми и красными соседями в 1918–1919 гг., которые способствовали постепенному развитию зелёного движения в регионе. Третья глава непосредственно посвящена истории Народных частей. В четвёртой главе анализируются существенные факторы зелёных восстаний, а также повстанческие

кадры и судьбы «зелёных хуторов» на основе военной археологии. Глава пятая посвящена спаду повстанчества, которое оказалось неготовым к длительному военному противостоянию с Красной армией в строю регулярных частей Белой армии, а также взаимоотношениям повстанцев и белых в Заволжье. Приложение иллюстрирует содержание монографии и предлагает читателям непосредственно ознакомиться с неизвестными ранее источниками. В заключении книги даётся оценка значения Народной армии в Прихопёрье в годы Гражданской войны, а также самого сюжета в историографии зелёного движения.

В центре внимания книги оказывается феномен Народной армии в Прихопёрье. 7-я Народная армия зародилась 8 (21) июня 1919 года предположительно в процессе слияния самостоятельных повстанческих образований шести районов Хопёрского округа. Трудно однозначно сказать, сколько человек находилось в её рядах, поскольку в различных районах Прихопёрья её отряды насчитывали разное количество зелёноармейцев, да и впоследствии её состав значительно менялся из-за потерь в боях, пополнений за счёт новых дезертиров и преобразования её в новые боевые части. Однако белая пресса полагала, что общее число людей в группировках Прихопёрья могло доходить до 10 000 бойцов (с. 121). Это военное формирование возникло в ходе крестьянской «самомобилизации», типичными чертами которой были массовое добровольчество, служба земляков в одной части, наличие командиров из земляков (причём таковых могли выдвигать и избирать вопреки их воле, по решению «мира»), следование семей за бойцами и специфическая дисциплина. 7-я Народная армия не только возникла самостоятельно, независимо от белого офицерства и соседствовавшего донского казачества, но и сумела добиться некоторых успехов в боях с регулярными частями РККА, а также сохранить организационную устойчивость вплоть до контакта с белой армией. С течением времени 7-я Народная армия стала контактировать с Донцами и Вооружёнными силами Юга России и эволюционировала сначала в более дисциплинированный Степной отряд, а затем разбилась на Народные полки. Некоторое время спустя её значение как самостоятельного военного формирования сошло на нет, поскольку один из её полков (наиболее боеспособное импровизированное повстанческое формирование) был расформирован, а остальные растворились в различных частях белой армии.

Упомянем одну из ярких иллюстраций феномена Народной армии — рассказ авторов об «артиллерийской батарее» при Георгиевском полку (с. 147–148). Исключительность данного эпизода связана в первую очередь с самим характером Гражданской войны, одной из главных отличительных черт которой считается динамичность, стремительное развёртывание военных действий на широких пространствах зачастую при незначительном составе отдельных боевых

единиц. Несмотря на то, что артиллерия использовалась различными участниками конфликта, в этой войне в качестве основного самостоятельного рода войск она в определённой степени отходила на второй план в силу своей беззащитности перед кавалерией при условии отсутствия оборонительных укреплений, а также низкой мобильности артиллерии в целом. Тем более поразительно находить свидетельства о наличии целых «артиллерийских взводов» у зелёных, в нерегулярных повстанческих формированиях, которые постоянно сталкивались с трудностями снабжения своих отрядов оружием и боеприпасами (о чём также упоминают авторы книги). Под «батареей» в донесениях зелёных и белых штабов подразумевались всего-навсего два лёгких орудия, доставшихся от красных[1]. С помощью такого выразительного примера авторы работы демонстрируют формирование самосознания повстанцев как «третьей силы», воспринимавших себя субъектами, акторами Гражданской войны, из чего проистекает видение пары лёгких орудий как «батареи» или «артиллерийского взвода», а отряда, собранного на территории одного уезда — как «армии».

Ключевыми сюжетами в истории Народных отрядов представляются нам условия их возникновения и прекращения существования. Источники свидетельствуют о том, что повстанческие отряды, объединившиеся в 7-ю Народную армию, возникли и успешно противостояли войскам РККА до своего первого контакта с донскими казаками, что указывает на самоорганизацию крестьянской стихии, независимости её от белого офицерства и соседствовавшего казачества (с. 121–122). Прекращение существования этой импровизированной армии стало следствием неравноправного взаимодействия с Вооружёнными силами Юга России. Неуспешность союза партизанских формирований с белой армией обусловливается главным образом усилиями белых «перекрасить» зелёную армию на свой регулярный лад, отчего она лишалась таким образом преимуществ повстанческих частей. Вместо того чтобы поддерживать повстанцев в качестве автономных союзников, белое командование в силу непонимания дальнейшего стратегического использования этих частей предпочло либо распустить их, либо поглотить в составе своих регулярных формирований.

Кроме того, нам представляется любопытным выявление в монографии различных факторов зелёного движения в Приходёнье. Не уделяя слишком много внимания таким хрестоматийным причинам повстанчества, как продовольственная развёрстка и мобилизация в РККА, авторы выявляют ряд новых факторов крестьянских

[1] В царской армии в годы Первой мировой войны, и позже, в различных армиях во время Гражданской войны в России, артиллерийская батарея из орудий такого вида как правило включала в себя 4–6 единиц.

выступлений, таких как однодворческое самосознание, вольно-казачья память, промысловый и религиозный факторы. Рассмотрение всех этих условий значительно обогащает наше представление как о повстанчестве в Прихопёрье, так и о зелёновщине в целом.

Выделим ряд сильных сторон этого научного труда. Несомненным достоинством работы оказывается структурированность: чётко очерченная композиция подчинена последовательному раскрытию исторического материала. Содержание монографии разворачивается по направлению от общего к частному, от вторжения Гражданской войны в крестьянский мир (во всех смыслах этого слова) к созданию самоорганизованных зелёных повстанческих формирований в Прихопёрье и их дальнейшего боевого пути, что наглядно показывает место Народной армии Прихопёрья в истории Гражданской войны.

Источнико-информационная база впечатляет своей обширностью (с. 318–341). Авторы ссылаются как на опубликованные источники, так и на архивные материалы, приводят сведения как из центральных архивов, таких как Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный военный архив (РГВА) и проч., так и из региональных архивов, например, Государственного архива Тамбовской области (ГАТО), исследователи обращаются как к зарубежным музеям (Музей Лейб-гвардии Казачьего полка в Курбевуа, Франция), так и к краеведческим и даже школьным (Балашовский краеведческий музей, Школьный музей с. Макашёвка).

Кроме того, работа носит междисциплинарный характер. В своей книге авторы не только сочетают различные подходы, ведут продуктивный диалог с другими концепциями, но и пользуются вспомогательными историческими дисциплинами, например, военной археологией, нумизматикой, фалеристикой и филобутонистикой. С их помощью авторы стараются по возможности заполнить белые пятна в изучении зелёного движения. В качестве наглядных примеров успешного применения военной археологии можно упомянуть обнаружение пуговиц с якорями, свидетельствующих о значительности матросского контингента в Прихопёрье, различных медалей, указывающих на политические убеждения жителей тех или иных хуторов Прихопёрья, подчас диаметрально противоположные, а также патронных кладов и деталей вооружения в некоторых хуторах, намекающих на их «зелёную» позицию.

Немаловажным на наш взгляд достоинством работы оказывается исключительная авторская объективность. Несмотря на то что академические исследователи обязаны стремиться к созданию объективной картины, независимой от их вкусов и убеждений, трагические события Гражданской войны в России весьма часто вызывают невероятно острые споры, отчего некоторые исследователи не удерживаются от соблазна из строго научного сочинения провалиться в публицистику, восхваляя

или, напротив, осуждая, порой даже демонизируя какую-нибудь из сторон конфликта в зависимости от своих предпочтений. Авторы же «Народной армии в Прихопёрье» искусно воздерживаются от оценочных суждений, подтверждая беспристрастность своей аналитики событий 1919 г. Хотя в монографии и ощущается определённая теплота авторского отношения к предмету своего исследования, она никак не преобладает над целью научного труда.

С другой стороны, при всех достоинствах этой книги, в ней возможно обнаружить некоторые недочёты. Одним из главных недостатков этого труда оказывается преобладание содержания источника над его осмыслением, авторы подчас приводят крупные выдержки из различных мемуаров или документов, констатируют их, или же пересказывают источники, на которые они опираются. Теоретические положения и выводы, сделанные на основе исследуемых материалов, могут быть неброскими или явными, рельефными, само же введение новых источников в научный оборот как будто служит не столько углублению представления о зелёном движении через поиск его новых концепций, сколько иллюстрированию прошлых научных моделей и подтверждению идей предшествующих исследователей. Иногда, кажется, необходимые выводы странным образом отсутствуют. В то же время некоторые положения, представляющие особый интерес своей новизной, порой не подкрепляются ни цитатами из источников, ни ссылками на соответствующую научную литературу. Такие примеры исключительны, но не исключены вовсе (с. 186).

Впрочем, эти недочёты нисколько не обесценивают значимости книги и её вклада в историографию зелёного движения в годы Гражданской войны. Рассматривая конкретную, частную проблему в широких контекстах, глубоко и подробно разбирая боевой путь Народной армии в Прихопёрье с точки зрения военной истории, при этом, хотя и в самых общих чертах, не обходя стороной вопросы миграционные, религиозные и многие другие, без которых история повстанчества и крестьянского сопротивления будет неполноценна, исследователи не только проясняют и обобщают обозначенные ранее темы, но и открывают новые горизонты для будущих исторических исследований в области крестьянских повстанческих движений.

К. А. Никулин

Литература

1. *Булгаков, А. О.* Балашов в кольце фронтов. 1917–1921 / Под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015.
1. *Булгаков, А. О.* «Зелёновщина» Прихопёрья в свете мемуарных источников: лидеры, организация, итоги // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI. 2019 (1).

1. *Булгаков, А. О.* «Народные армии» 1919 года на территории Балашовского Прихопёрья: первые результаты исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Саратов: «Техно-Декор», 2019 (2). Вып. 12–13.
1. *Посадский, А. В.* «Зелёновщина» 1919 года // Посадский, А. В. От Царицына до Сызрани. Очерки истории Гражданской войны в Поволжье. М.: АИРО-XXI, 2010.
1. *Посадский, А. В.* Зелёное движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2018.
1. *Посадский, А. В.* Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год) // Крестьяноведение. 2021. №4.

Для цитирования: Никулин, К. А. [Рец.] Посадский, А. В., Булгаков, А. О. Народная армия в Прихопёрье: зелёные и белые летом 1919-го года. М.: Квадрига, 2024 // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 218–223.

Пинчук, О.
Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих

М., Фонд Хамовники, Common Place, 2021. — 208 с.

Во времена борьбы за технологический суверенитет и импортозамещение нет ничего интереснее, чем понимание реального состояния нашего производственного потенциала, его человеческого капитала и организационного строения. Статистика и отчеты тут помогут мало, а вот свидетельства очевидцев — дорогого стоят! Ведь включённое наблюдение, или наблюдающее участие — жанр в этнографии и социологии хорошо известный и многократно прославленный выдающимися учёными мирового уровня. В современной России, увы, таких исследований проводится так мало, что можно сказать, совсем не проводится: нет времени! Нет денег! Нет желания! Тем ценнее опыт петербурженки Ольги Пинчук, которая по собственной воле сошла с накатанного пути написания диссертации по социологии, чтобы погрузиться в среду повседневности наших современников, российских промышленных рабочих. Этот опыт, затянувшийся почти на год (2016–2017), она и описывает в книге «Сбои и поломки». Название метафоричное, поскольку описывает не только реальность фабрики под придуманным названием IRISKI , но и реальность исследования, которое тоже пошло совершенно не по плану...

Первое открытие, совершённое автором благодаря погружению в фабричную жизнь, таково: мнение о том, что труд промышленных рабочих у нас в высокой степени автоматизирован, не соответствует действительности. Неквалифицированный и неавтоматизированный труд никуда не делся. Более того, пример фабрики IRISKI показывает, что даже переоборудование предприятия по современным стандартам не убережёт его от последующей деградации. Так, собственно, и случилось: в начале нулевых фабрику построили с нуля, завезя оборудование из Европы. Оно уже тогда было морально устаревшим, но для отечественной промышленности это был прорыв!

Увы, этот прорыв быстро закончился, ибо по мере эксплуатации и естественного старения оборудования случалось всё больше поломок и сбоев. Их число росло благодаря политике «эффективных менеджеров» (стремившихся выжать из оборудования всё возможное и невозможное, эксплуатируя его на предельных и запредельных режимах), с одной стороны, и иностранных акционеров (не желающих вкладываться в покупку новых машин), с другой. В итоге труд рабочих, который вначале был трудом операторов автоматизированных станков, превратился в постоянные попытки борьбы с поломками

и исправления брака, продуцируемого в растущих объёмах всё чаще выходящими из строя машинами.

Именно здесь вновь возникает фигура промышленного рабочего — когда-то «гегемона», а ныне — человека забытого, непрестижного, неинтересного широкой публике. Заводы ушли за пределы городов, а рабочие вышли из фокуса общественного внимания. Но они никуда не делись, их не заменили роботы, их много, а их образ жизни сильно отличается от наших представлений о нём. Ведь фабрика — это «машина по производству ритмов. Ритмы зависят от наличия и объёма заказов: производится столько товаров, сколько нужно, чтобы удовлетворить спрос». И от этого уже «зависит организация повседневности рабочих: образ жизни, режим сна и отдыха, даже характер досуга».

Как выяснила Пинчук, «монотонный труд» — это давно уже не про рабочего! На фабрике IRISKI удерживается и считается хорошим рабочим не тот, кто делает одно и то же строго по инструкции, наоборот, такие здесь не выживают. Вечный конвейер, вокруг которого стоят несчастные рабочие, которые после смены напиваются до чёртиков и не могут выражаться без мата? Ничего подобного! Разнообразная, плохо структурированная работа, где большинство занятых — женщины, головоломный график с частыми ночными сменами, постоянная необходимость «крутиться» и придумывать что-то новое, чтобы оборудование не остановилось окончательно, а тебя не лишили премии. Здесь выживают только те, кто имеет огромный спектр знаний, навыков и личных качеств, без которых быть рабочим просто невозможно!

Дело обстоит именно так, а не иначе, по причинам весьма прозаическим, а именно — исходя из интересов владельцев фабрики и её управляющих. «Износ оборудования преобразует характер труда, добавляя элемент креативности», он же «меняет ритмы и режимы труда, поломка оборудования становится штатной ситуацией, новой нормальностью... Рабочие привыкли к тому, что сбои и поломки — это обыденность». Так поломка стала нормой, а отсутствие поломок превратилось в экстраординарное событие. Ирония в том, что когда-то машины вытеснили человека из цеха, но... «затем изрядно износились, и вновь возникла потребность в огромном количестве рабочих рук». Не правда ли, отличная метафора всей нашей современной жизни? Мы грезим о роботах, в то время как наша реальность — это ручной труд. Негласные, не прописанные в инструкциях задачи по поддержке работоспособности оборудования стоят перед каждым «оператором», и требуют от него особой гибкости и изобретательности. По сути, операторы — это создатели «костылей» (по терминологии Дэвида Гребера), и их работа часто напоминает решение логической задачи. И пока человеческий труд стоит дешевле капремонта и модернизации оборудования, потеря работы из-за нашествия роботов нам точно не грозит...

Интересно, что качества, требующиеся сегодня от рабочих, сильно отличаются от тех, что были характерны для прошлой эпохи расцвета индустриального труда. Теперь востребованы «смекалка и изобретательность, быстрота реакции, внимательность, аккуратность.., мелкая моторика, острое зрение». Эти качества сложно приобрести на рабочем месте, «это то, с чем работник уже приходит». Таким образом, именно постиндустриальное общество в целом создает такого рабочего, который требуется его индустриальной составляющей. А производственный процесс вновь ставится в зависимость от человека. «Объективная машина завода становится зависимой от рабочего — от его личных качеств, способностей, желаний, настроения». И труд такого рабочего — уже не просто физический, но комбинированный — умственно-физический. Теоретические выкладки Андре Горца, рассматривавшего «нематериальный труд» как производную не от научно-технических знаний работника, а от его общего культурного багажа, тут получают абсолютно материальное подтверждение. Успех рабочего фабрики IRISKI зависит от его собственного «живого знания», т.е. опыта, навыков и личных качеств, и именно от них же зависит ритмичность работы всего предприятия.

Ещё интереснее, что инструкции и правила, действующие на фабрике, при её вхождении в эпоху «сбоев и поломок» действовать перестают — де-факто, но не де-юре. Рабочие вынуждены изобретать новые, собственные правила и нормы, но «эффективным менеджерам» до них, как правило, дела нет, они живут в своей реальности, где сбои и поломки — это досадное исключение, редкий эксцесс, а не повседневность производственного процесса. Так углубляется и расширяется пропасть между рабочими и управленцами, которых всё больше разделяет не только характер их труда, но и понимание и восприятие реальности. Формальным, но неадекватным правилам управленцев противостоят правила рабочие, адекватные, но не признанные и неписаные. Отсюда всего шаг до рабочей солидарности и возникновения рабочих организаций, но этот шаг пока не сделан. Если какая-то солидарность между рабочими и существует, то это солидарность вокруг признания того факта, что «все мы работаем на сломанном оборудовании». Так сбои и поломки становятся основой для... коллективной идентичности рабочих!

Труд исследователя-социолога, замечает Пинчук, тоже сильно зависит от объективных условий. Если для рабочего фабрики IRISKI такими условиями стало постоянно ломающееся оборудование, то для социологов — особенности академической организации научной работы. Среди них: «сжатые сроки для подготовки исследования, множество проектов, отсутствие или ограниченность финансирования». Итог — дефицит времени на глубокое погружение в социальную реальность и на теоретическое осмысление полученных эмпирических данных. Научный успех в такой неэкологичной ситуации

приходит скорее «вопреки, а не благодаря». И главные его составляющие, как полагает автор, — «исследовательский энтузиазм, авантюризм и вера в науку».

В.В. Фёдоров

Для цитирования: *Фёдоров В.В.* [Рец.] Пинчук, О. Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М., Фонд Хамовники, Common Place, 2021. // Пути России. 2025. Т. 3. № 3. С. 224–227.

Канунников, С.
Хочу машину! Личный автомобиль в советской повседневности (1917–1991)

М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 376 с.

«*Словосочетания „хочу машину“, „купил машину“, „продал машину“, „отремонтировал машину“ в СССР описывали не совсем то, а иногда совсем не то, что теперь*». Так что же стояло за этими словами в советских реалиях?

Сергей Канунников — обозреватель журнала «За рулём», автор и соавтор книг об истории автотранспорта. Архив журнала, который выходит с 1928 г., стал летописью, в том числе на материалах которой написана «Хочу машину!» — книга о любительском автомобилизме в СССР, об автолюбителях, не просто интересовавшихся автомобилями, а о владельцах личных машин. Ожидаемо, что история советских автолюбителей рассказана хронологически, но выдел яются три переплетающихся канвы, на которые нанизано повествование:

— техническая: о сменяемости моделей легковых автомобилей, о советском автопроме;
— инфраструктурная: обо всём, что создавало среду автолюбительства — гаражи, станции техобслуживания (СТО), автозаправочные станции (АЗС), магазины запчастей, та же печать, ориентированная на владельцев и водителей автотранспорта, общественные организации;
— институциональная: о том, как ограничивали и регулировали владение личными автомобилями.

А так как два институционально-экономических обстоятельства — примат государственного над частным и дефицит товаров для населения — определяли среду автолюбительства, то у каждой канвы есть формальная и неформальная составляющие. Последняя была способом решить свои частные проблемы в условиях дефицита автотоваров и услуг.

В чём проявлялся примат государственного над частным, если говорить о владении автомобилем? В первые годы существования нового государства «*советская автомобильная промышленность … была ориентирована на решение государственных и военных задач. Поэтому в первую очередь стране и нужны были грузовики. Даже автобусы в те годы не были в приоритете. А потребность в легковых автомобилях для партийно-государственных чиновников в этот период удовлетворяли за счет импорта*» (с. 15). Частные лица могли стать обладателями легкового автомобиля, если получали его в качестве награды от государства, либо, будучи «не рядовыми» гражданами, просили разреше-

ние у руководителей государства. Первая глава книги насыщена примерами обращений, например, в Наркомат внешней и внутренней торговли, чтобы получить разрешение на покупку автомобиля, если автомобиль покупали за рубежом (к примеру, как Владимир Маяковский) или к председателю Совнаркома, если покупали внутри страны. «*Во второй половине 1930-х государство по-прежнему дарило автомобили за особые заслуги, но основу личного, пока очень небольшого парка всё-таки составляли купленные машины. Правда, и они, по сути, были подарками — ведь только правительство могло разрешить гражданину потратить на автомобиль честно заработанные деньги*» (с. 67).

Когда после Великой Отечественной войны началось производство серийных легковых автомобилей, предназначенных для продажи частным лицам, это была простая модель «Москвича». Параллельно выпускалась «Победа», которая «имела репутацию прочного и долговечного автомобиля», но «*в основном машины поступали в государственные и партийные структуры, в такси*» (с. 295–296). Советская автомобильная иерархия была организована так, что самые престижные, «стилистически пафосные» модели не предназначались для продажи населению в личную собственность, а были доступны в пользовании государственным лицам, деятелям науки и культуры в качестве служебных машин как атрибут должности и статуса. Собственно, из этого государственного автопарка автомобили «*сильно или предельно изношенные, попадали в качестве поощрения в руки первых советских частников*» (с. 47), то есть с 1930-ых гг. «частники» «донашивали» автомобили за государством.

И забавна, и наглядна советская автомобильная иерархия, представленная в стихотворении С. Михалкова. С. Канунников цитирует две его версии, конца и начала 1950-х гг., с разными моделями автомобилей, но теми же социальными типажами. И в авторском комментарии уточняется не только, с чем связаны изменения в стихотворном тексте, но и кто, скорее всего, едет на служебной машине, а кто на машине попроще, личной.

В более позднее время приоритет государственного над частным в автомобильной жизни проявлялся, среди прочего, в разделении автозаправочных станций или колонок на них на предназначенные для государственного и частного автотранспорта: когда вы видели на автотрассе АЗС с нужной маркой бензина, ещё не факт, что вашу частную машину там заправят.

Если в экономике рынка деньги являются условием доступа к благу, то в экономике дефицита механизм доступа к желаемому — очередь: вы платите не только деньгами, но и временем. «*На автомобиль можно было записаться в автомагазинах, некоторое время запись вели по месту жительства в ЖЭКах. Но чаще всего на покупку машины стали записываться на предприятиях. Документальных подтверждений, способных достоверно и тем более точно отразить продолжительность*

ожидания права на покупку, найти практически невозможно. ... Чаще „стояние“ в очереди продолжалось год-полтора, иной раз — несколько месяцев» (с. 165). Время ожидания можно было сэкономить, если стоять не в общей, а в льготной очереди для тех, у кого есть особые заслуги перед государством. Либо можно было приобрести автомобиль на имя родственника, обладающего такой льготой, и пользоваться автомобилем по доверенности. Однако в условиях, когда возможности приобрести автомобиль ограничены и регулируются плановыми принципами, «*понятие „выбор“ по-прежнему было достаточно условным. Даже если человек записывался на определенную модель, то покупал часто иную, поскольку именно её выделили предприятию в данный момент и предлагали очереднику*» (с. 167).

Отстояв несколько месяцев или лет в очереди и купив желанный автомобиль, советский гражданин переходил на следующий уровень в игре добычи дефицита: гаражей, услуг автосервиса, запчастей, а во второй половине 1980-х — ещё и бензина. Практически вся третья глава о советском автомобильном буме, началом которого можно считать выпуск первых серийных автомобилей «Жигули» в 1970 г., — это история о том, как инфраструктура автовладения не успевала за ростом числа автовладельцев, ни количественно, ни качественно, как в ответ множились теневые практики, ресурсы для которых зачастую были государственными. Но интересна глава «Умелые руки» о легальной неформальности, частью которой был самодеятельный ремонт автомобилей, хотя, как метко замечено, «*самостоятельный кустарный ремонт противоречил европейским принципам, заложенным при строительстве Волжского автозавода*» (с. 168). Тем не менее в «Хочу машину!» несколько раз упоминается популярная среди советских автовладельцев книга «Взаимозаменяемость агрегатов и деталей автомобилей „Москвич“», «*подготовленная специалистами завода и выдержавшая несколько изданий. В ней подробно рассказывали, как установить на снятые с производства „Москвичи“ комплектующие более новых моделей и модификаций*» (с. 203). В этом можно увидеть «сберегающее», «долгое» потребление, но это и признание со стороны формальной экономики, что она не справляется со спросом на новые машины, что автовладельцы вынуждены продлевать жизнь своего автомобиля.

Более серьёзное народное техническое творчество — создание простыми гражданами самодельных автомобилей. Явление, получившее название «самавто», возникло в СССР на рубеже 1920–1930-х годов, но стало развиваться в 1950-ые гг. В 1959 г. «*появились первые официальные правила, регламентирующие требования к автомобилям для их легализации и государственной регистрации*» (с. 214), а легализация осуществлялась через ВДОАМ — Всероссийское добровольное общество автомотолюбителей.

Когда читаешь «Хочу машину!», трудно избежать параллелей с жильём советских граждан. Неявно эта связка задаётся уже во введе-

нии, когда С. Канунников отмечает вдохновляющую роль в работе над книгой Наталии Лебиной, автора многих книг о советской истории, в том числе недавно вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение» «Хрущёвка. Советское и несоветское в пространстве повседневности» [Лебина, 2024].

Впервые в советской истории производство автомобилей, предназначенных для продажи гражданам, началось в 1947 г. Но в 1947 г. работникам совхозов [Постановление Совета министров СССР..., 1947], а в 1948 г. — всем гражданам предоставили «право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом»; земля для строительства предоставлялась в бессрочное пользование [Указ Президиума Верховного Совета..., 1948]. В совокупности эти события можно рассматривать как «разворот» к личной собственности, сделанный советским государством в послевоенное время, после достаточно репрессивного отношения к частной и личной собственности в первые советские десятилетия. Но оба объекта *личной* собственности лингвистически маркированы в повседневной речи как *частные*: «*частный* сектор» как жильё в городах для отдельных семей в виде одно- двухэтажных домов и «*частник*» как владелец личного автомобиля.

В книге озвучивается мнение, что «резкий рост производства и продаж машин гражданам» после строительства в СССР большого автозавода, которое обсуждалось с середины 1960-х гг., «*позволил бы компенсировать выросшие доходы населения, которые всё меньше соответствовали количеству товаров*» (с. 153). Но этим же — необходимостью перенаправить «избыточные» сбережения населения, не обеспеченные потребительскими товарами, на очень дорогое благо — объясняют, почему после неприятия всё-таки в конце 1988 г. государство решает продавать гражданам квартиры в домах государственного и общественного фонда [Постановление Совета Министров СССР..., 1988].

Но самая явная параллель между личным автомобилем и жильём в том, что «*автомобиль стал примерно тем же, чем отдельная квартира в хрущёвке — пусть и тесная, но со всеми удобствами и на одну семью; или тем же, что и собственный садовый участок с домиком — пусть крошечным, убогим с точки зрения удобств, иногда стоящим в неуютном голом поле*» (с. 119–120). Личный автомобиль, как и хрущёвка, стал не столько символом, как это позиционируется в книге, сколько условием приватности, физической «капсулой» личного пространства.

Автовладение как катализатор неформальной экономики в условиях дефицита, вписанность автомобиля в отношения собственности и в практики государственного контроля — вряд ли это единственно возможные прочтения «Хочу машину!». Можно было бы читать эту книгу, акцентируя технологическую канву, тем более, что в 50-страничном приложении хронологически представлены советские автомобили, продававшиеся частным лицам. Можно было бы интерпретировать некоторые практики как конструирование единого автомобильного

пространства, например, введение в 1960 г. единых всесоюзных правил дорожного движения (до этого правила отличались не только в союзных республиках, но и в регионах); обновляемый и переиздаваемый «Атлас автомобильных дорог СССР»; автотуризм, позволяющий быть свободным в выборе направлений поездок, свободным от билетов на поезд или самолёт, от путёвок в санаторий или пансионат (правда, требующий соответствующей дорожной инфраструктуры).

В энциклопедической по содержанию книге об «автомобильном поведении советских граждан» представлена и другая антитеза обладанию личным автомобилем, помимо пользования служебной машиной, — десятилетняя история советского проката автомобилей. Но если служебный автомобиль не исключал собственного, то по правилам проката в некоторых союзных республиках автомобили не выдавались напрокат гражданам, имеющим собственные автомобили [Левенсон, 1966]. А закончился советский «каршеринг» банально из-за износа автопарка.

Автор прослеживает советскую историю миноритарных групп автолюбителей — водителей с инвалидностью, для которых с конца 1940-х начали выпускать мотоколяски, а с середины 1950-х — автомобили, конструктивно разработанные специально для имеющих физические ограничения, и владельцев иностранных автомобилей. Эти машины разными способами попадали в СССР: государство покупало их за границей в 1920–1930-ые, легализовало трофейные автомобили по окончанию Великой Отечественной войны; но самый большой поток автомобильного импорта возник в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Как человеку, имеющему дело с данными социологических опросов, мне было интересно узнать, как и с какими результатами журнал «За рулём» использовался в качестве канала доступа к целевой аудитории при проведении опросов. К примеру, согласно опросу более восьми тысяч автолюбителей, проведенному Научным автомоторным институтом НАМИ совместно с журналом, в 1976–1977 гг. 56,2% парка личных автомобилей составляли «Жигули» (то есть 6–7-летние автомобили), но каждый пятый респондент (20,9%) ездил на одной из уже снятых с производства моделей «Москвичей», «Запорожцев», «Волг» (с. 204)[1].

В советской истории административные ограничения на владение легковым автомобилем сменились экономическими в виде дефицита денег — при невысоких доходах большинства советских граждан «государственных кредитов на покупку автомобиля за всю историю СССР на было» (с. 116), дефицита самих автомобилей и расходных материалов и услуг для их содержания. В целом послевоенная

[1] Думаю, в этом случае корректно говорить о доле среди респондентов опроса, а не о всём парке личных автомобилей.

экономика СССР определяется в книге через дефицит. Парадоксально заключение автора о советских владельцах машин в таких условиях: «большинство автолюбителей очень берегли свои с трудом добытые машины, … [несмотря на то, что] для горожанина личный автомобиль был, строго говоря, постоянным источником убытков» (с. 207). Видимо, такова была цена повседневной приватности и независимости, а также статуса, которые давал личный автомобиль.

Т. Ю. Черкашина

Литература

1. *Лебина, Н.* Хрущёвка. Советское и несоветское в пространстве повседневности. Издательство «Новое литературное обозрение», 2024. – 424 с.
2. *Левенсон Д.С.* В собственность или напрокат? (договор проката легковых автомобилей). М.: Юридическая литература, 1966. С. 11.
3. Постановление Совета министров СССР от 17 июня 1947 г. № 2060 «О наделении приусадебными участками постоянных рабочих, специалистов и служащих совхозов и об оказании им помощи в строительстве собственных жилых домов».
4. Постановление Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 г. № 1400 «О продаже гражданам в личную собственность квартир в домах государственного и общественного жилищного фонда»
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов».

Для цитирования: *Черкашина, Т.Ю.* [Рец.] Канунников, С. Хочу машину! Личный автомобиль в советской повседневности (1917–1991). М.: Новое литературное обозрение, 2025 // Пути России. 2025. Т. 3. № 3. С. 228–233.

Сафронова, А.
Блеск и нищета российской кооперации. Как народ приучали к современности, 1860–1930

Пер. с фр. А. Сафроновой. М.: НЛО, 2024 — 448 с.

Оригинальное издание: Histoire des coopératives russes et soviétique (1860–1930). Moderniser Le Peuple (= Problematiques de traduction 34). Paris: Classique Garnier 2023. — 553 p.

The history of cooperatives in Russia and the Soviet Union is of special interest: Did the character of cooperatives changed with the Bolshevik revolution, and would the further development of cooperatives have been an alternative to Stalin's collectivization and its terrible consequences for the country? Anna Safronova asserts with her study (defended 2022 as a Ph.D. dissertation in Paris at the Sorbonne) to provide new insight in the history of Russian cooperatives until 1930 by an alleged new approach[1]. She claims the unity of the Russian cooperative movement after 1905, based on its opposition to the Czarist regime and its orientation to social reforms (p. 58–60). And she asserts that the situation was principally the same under Czarist and under Bolshevik rule: Long before the Bolsheviks took power, the cooperatives had become a variable tool with which the 'agents of modernization' tried to direct the urban and rural people on a special rail, predetermined by them (p. 23): The cooperative unions under Czarist and Soviet rule were part of the control organization against the local people (p. 240). These are provocative assertions, but are they convincingly documented?

Safronova separates between the history of the cooperatives and the history of the cooperative movement[2], and presents in her book both as different topics. But her approach suffers from ignoring that there was a third important and independent factor: the interests and demands of the possible members, in her language: "the simple people". She pays most attention to what she constructs as a "cooperative discourse" but gives no detailed

[1] She claims to look for the first time at the total history of cooperatives in Russia, from its starting to Stalin's great turn. But she ignores studies doing just this, as, for example, the anthology edited by T. Lorenz (2008) Cooperatives in Ethnic conflicts. Eastern Europe in the 19th and early 20th century. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag.

[2] She defines the "cooperative movement" as a group of people, uniting by the idea of social reform, forming a central organization, and organizing by curators local consumer, rural and production cooperatives with shareholder members (p. 239).

information on what the members expected from joining, and whether the cooperatives provided them advantages and worked to their satisfaction.

In my review, I like to argue that her presentation of the movement provides challenging new insights, while her presentation of the history of the cooperatives suffers from severe shortcomings of knowledge and in addition from using an unacceptable definition of what a cooperative is, neglecting the basic specifics.

The first part of her study (chapters 2–5) is on Imperial Russia, the second on Soviet rule until 1930 (chapters 6–8). Chapter 1 focuses on the term "cooperative" and the political use made of it (p. 31–56). In the discourse of the "agents of modernization", the term cooperative in the 1890s replaced the term association (p. 49–53). Chapter 2 presents the leading propagandists, starting from nobles and spreading to a wider group of social reformers (p. 57–77): How people from different social estates and professions, directed by different motives, developed a united cooperative movement? (p. 59). Chapter 3 looks on the rural cooperatives and present them as "targeting on making the Russian countryside modern", and as a reform instrument of the government (p. 78–105). She touches the question whether rural cooperatives were the place where peasants learned to be citizens (p. 95–105). Chapter 4 looks on the consumer cooperatives asking whether the participation holds protest or creative character (p. 106–131). She argues that instead of "teaching and forming" the members, they contributed to the birth of the consumer in Russia (p. 121–130). It is disturbing that she ignores the rural consumer cooperatives. A few pages are devoted to crafts' "producer" cooperatives, which hardly spread until 1914 (p. 126–129). Chapter 5 presents the role of cooperatives during the world war and after the February Revolution, before the Bolsheviks took power (p. 131–152). This is the strongest chapter and reveals how the claim of unity now split the movement and caused its end. The "crisis of supply" provided a new field of activity for the consumer cooperatives and contributed to make them to a mass organization (p. 132–140). The concept of "inclusion of the citizens" transferred the power to the experts, not to the simple members. Loosing with the February revolution their main enemy, the autocracy, the central cooperative unions came closer to state power revealing the real goal of the leading cadres — according to Safronova — to win access to power: The discourse on "the public interest" was only a pretext to take overrule (p. 139). "Society" started to accuse the farmers of egoism and of being speculators, the gap between the city and the countryside widened (p. 135–137). The movement split even within the cities: most curators stood on the side of the temporary government, workers and soldiers were closer to the soviets. Nobody represented the interests of the petty farmers (p. 139). In August 1917, the cooperative movement split finally (p. 144–145).

Chapter 6 describes the start of "Soviet cooperatives" between October 1917 and 1924 (157–182). Although there was no longer a cooperative movement, cooperatives existed further. She describes mutual mistrust

and adaptation (p. 158–167). With the nationalization of the cooperatives, the Bolsheviks took over control. Membership became obligatory. The situation of the rural cooperatives is presented (p.168–173), the renewing of the cadres and the new institutions (174–182). Although the Bolsheviks lacked people, they exercised control effectively via the cooperative unions. Chapter 7 presents the fate of the different types of cooperatives under Soviet rule (p. 183–207). Most cooperatives had problems providing advantages to their members, causing disappointment. The government provided neither credit nor industrial goods to the cooperative unions. Only temporary, normal work restarted in the mid-1920s: Rural cooperatives got some support, and "voluntary consumer cooperatives" were allowed. Chapter 8 presents the increasing state violence against the cooperatives in the second half of the 1920 (p. 208–239). The cooperatives finally lost the right to decide on membership, and were forced to bargains against the interests of their members causing losses. **(**The Bolsheviks exploited the cooperative discourse for their political targets to oust private trade.) Lost trust could not be won back. Since 1927, the instructors primarily had to watch over the social composition of the members. Safronova argues that the loss of reputation made the socialization of the cooperatives under Stalin in 1930 more easy (p. 235).

Some comments on the shortcomings of the study:

1. Were the Russian cooperatives "centrally run"?

Safronova's assertion that the cooperatives in Czarist Russia were centrally run, is not correct. Due to this, her basic thesis, that "control" over the cooperatives was the same under Czarist as later under Soviet rule does not work. She claims that in the mid-1890s "central organs" were established and that "administrative and financial support for cooperatives started" (p. 59), although she should be aware that the Ministry of the Interior blocked the formation of unions in fear of revolutionary forces and of losing control. A central organization of the cooperatives in Czarist Russia did not exist. The conviction that there must have been a "central organization", Safronova derives from present French studies in sociology and organization theory (p. 60–61)[3]. Referring to Érik Neveu (2019)[4], she

[3] She refers (p. 14–15) to Hanspeter Kriesi, Political Mobilization and Social Change: The Dutch Case in Comparative Perspective, Aldershot 1993. He argues that to be successful a movement needed an organization which coordinates the activities, collects the resources and defines common things.

[4] Sociologie des mouvements sociaux, Paris 2019.

speaks of central and regional cooperative unions and affirms that the Russian cooperatives were connected with a central organization by propagandists, spreading the cooperative discourse and its ideology[5].)

Safronova suggests that the "Petersburg committee" (that means: The Petersburg branch of the Moscow agricultural society, with its „Committee of Rural Savings and Loans and Industrial Associations") played the role of a central control organization. This is absurd. The "committee" was a societal institution, as they existed in other countries, for example with the "Verein für Socialpolitik" in Germany or the „social museum" in France. Its function before the First World War was to bring together different leading groups of society as entrepreneurs, scientists, academics, and civil servants in a voluntary association. It could direct "societal" attention to problems. The role of the committee with promoting cooperatives was important. Leading cooperative representatives since November 1905 were active in the committee: Prokopovich, Tugan-Baranovski, Chaykovskiy and Totomiants (p. 64). But it holds no instruments to "control" the cooperatives, nor did it dispose of any administrative or financial resources. Nobody was obliged to report to it.

Only very few unions existed before 1912, and they organized a negligible share of the cooperatives. The Moscow Union of consumer cooperatives was founded already in 1898, but it organized only consumer cooperatives and until 1912 only about 5 percent of them (p. 62–63). The only spectacular exception was the Siberian union of diary cooperatives, founded in 1907: It underlined how successful the cooperatives could have worked if their organization in unions would have been allowed. It developed in a short time even the selling of butter abroad, on the London market.

None of the both "big centers" of the cooperative movement — according to Safronova –, the committee in Petersburg and the Moscow Union of consumer cooperatives (p. 64–65), were able to provide "central lead". The Moscow People's Bank as central organization of the credit cooperatives was founded only in 1912.

Despite the lack of central lead, however, something like "the unity of the cooperative movement" developed. This was a special feature of Russia, as the promoters of cooperatives found themselves united in their opposition to the Czarist autocracy. The actors started to understand each other after 1905 as parts of a united movement (p. 59–60). This felt unity reached larger groups with the cooperative congresses 1908 in Moscow and

[5] According to Safronova, these "organs of power and the unions" employed administrative workers to secure the trade and the administrative work of the cooperatives (accounting, wholesale purchases). They provided non-commercial links between the cooperatives (congresses, courses for employees). "Agents of influence" spread the cooperative discourse by publishing books and journals, and by using their circles of friends (p. 20).

1913 in Kiev. While the fight against the autocracy had united the movement, the fall of the autocracy split it in groups standing against each other with different interests during the First World War.

2. Does it make sense it to include every enterprise using the term "cooperative"?

Safronova does not provide an acceptable definition of the term "cooperative". She even speaks of including all enterprises which claim themselves to be a "cooperative", to avoid the idealization of the cooperative movement (p. 16–17). Somewhat enigmatic therefore is, why she then excluded other types of artels, housing cooperatives, "standing in no connection to the cooperative movement" (p. 12). Making the connection to the cooperative movement to a criterion, would require excluding all Soviet cooperatives, as they stood — according to the author — not in connection with a "cooperative movement", and primarily had to serve state demands. When she describes the cooperative as "a juristic person, officially registered and regulated by a statute" (p. 10), this brings no further clarity, as it includes nothing specific for a cooperative.

She mentions more specific definitions: The international union of cooperatives in 1895 classified as features of a genuine cooperative: voluntary membership, openness to all, democratic self-administration, the principle of equality (one man one vote), political neutrality, equal participation in the economic activity, and independence from the local authorities (p. 17, 70).

For writing on the development of the cooperatives and for coming to conclusions on them, some minimum criteria specific for a cooperative must be given. In my view, the autonomy of members in decisions-making, the voluntary membership and the intention to provide advantage to the members are such minimum criteria, all not fulfilled for example by "Soviet" consumer cooperatives working on obligatory membership and providing no special advantages to the members. Soviet rural cooperatives since 1927 were enforced to "class criteria" for the membership and had to fulfill obligatory state orders in procuring agricultural products to the disadvantage of the members. They should not be classified as cooperatives.

That most Russian (urban) consumer cooperatives did not keep to the Rochdale principles does not justify — as Safronova proposes — to forget about specific criteria (p. 17). The development of genuine consumer cooperatives in Russia strongly suffered from the suppression of the workers movement, and the mistrust of the Ministry of the Interior. Therefore, most existing consumer cooperatives were initiated and run by the enterprises as a form of entrepreneurial paternalism (p. 106–131). They worked as indirect instruments for controlling the workers (p. 113–120). Only after

1905, some independent cooperatives for workers were organized. The special situation with consumer cooperatives does not prove that all cooperatives were organized from above to control and discipline their members.

Even Safronova admits that the rural credit cooperatives worked closer to the cooperatives principles. She hints to positive effects of the membership (p. 97–98., 100–105): freeing the members from usurers, improving production by credits, spreading the use of machinery, improved seed: A new generation of peasants showed interest in improving their field work and their living, and showed hunger for knowledge. Participation was no sign of politicization, but of interest in improvements. In Siberia, dairy cooperatives contributed to the technical modernization, the members profited from additional incomes (p. 102).

Safronova's refusal to use any more specific definition devalues her study. But it is a precondition for her target to bring cooperatives and "cooperative movement" together. She declares the cooperatives to be „a flexible instrument to transform society, justified by the discourse of modernity" (p. 23). While in Czarist Russia the "cooperative discourse" related to self-help and class reconciliation, the Bolsheviks gave the discourse a new meaning, (p. 239–240).

3. Types of cooperatives

Safronova speaks of three directions of cooperative work: associations of consumers in the field of petty trade; associations of agricultural producers and associations of independent workers in the field of services or handicraft production (p. 11). This is disturbing: Most handicrafts joined saving and loan cooperatives to develop their independent production. Safronova declares the "associations of independent workers" as „a new type of artel in connection with the mechanization of production", spreading only after 1905 often without the participation of a curator (p. 30). She devotes only small sections in her book to them and demonstrates that this type never was accepted by the artisans, neither under Czarist nor under Soviet rule (p. 126–129, 221–225).

The origin of cooperatives in the mid-19th century related to ideas of enlightenment expecting that it would be possible to "educate and improve people". In the middle of the century also ideas of self-help were popular. In Great Britain (Rochdale) the first consumer cooperative for the working people arose, in Germany credit cooperatives were concepted, orientated to production, to strengthen small scale farmers or handicrafts, to free them from their dependency of usurers and intermediators. Schulze-Delitzsch proposed Saving and Loan cooperatives, Raiffeisen credit cooperatives for less strong farmers. (There was no concept of joint production from handicrafts.)

In countries with stronger farmers, in addition to credit, agricultural cooperatives soon specialized for the favorable supply with means of production, the offering of processing (starting with milk and potatoes) and the selling of the products developed. Everything was directed to strengthen individual producers and free them from unfavorable dependency regarding supply, processing and selling. In Russia, a country with predominant weak and poor farmers, credit cooperatives were allowed by statute to provide such services as side activities, without founding directly specialized cooperatives. They functioned here as "universal cooperatives". Only special diary cooperatives arose in suitable Russian regions, focusing on processing and selling products as butter or cheese.

Safronova ignores that the credit cooperatives in Russia were split in two organizations: The economically quite strong saving and loan cooperatives worked according to the Schulze-Delitzsch principles with membership shares and organized crafts and farmers. They won importance in the Western parts of the empire, the Baltic provinces and Poland. Raiffeisen credit cooperatives in Russia — different from Safronova's assertion — did not claim membership shares. They headed to provide help to the bulk of weaker farmers on the Russian territory, which could not afford shares to follow the idea of "self-help". The Ministry of Finances allowed in 1895 credit cooperatives according to the Raiffeisen principles. After the Mini try in 1904 copied the "Preußenkasse", only they, not saving and loan cooperatives, got a state loan in their capital stock. This allowed their quick spread afterwards. As they hold no membership shares, they were put under supervision of state bank inspectors.

Safronova's construction of the cooperatives as 'suitable levers of social reforms in the hands of the agents of modernization" to change the conduct of the "lower classes" and to control them (p. 23, 56–57), does not fit together with our knowledge about the Russian cooperatives: the mass of the cooperatives was not initiated from above by "curators" on order of "agents of modernization". Safronova ignores in her study just those cooperatives, which were organized from below and were run with success by their members. The reason for omitting them might be that the high number of rural consumer cooperatives (a type existing only in Russia), and the Saving and Loan Cooperatives, working with membership shares, did not provide "reports" above. Consumer cooperatives spread in the countryside from below, often next to successfully working dairy or credit cooperatives.

4. The state: Enemy or promoter of cooperatives? The case of the credit cooperatives

With putting the view that the state stood antagonist to cooperatives in question, Safronova is right.

But under Czarist rule, there was no homogeneous state action towards the cooperatives. The Ministry of the Interior mistrusted any form of cooperative, often refusing even their registration and blocking their organization in unions. The Ministry of Finance, on the contrary, started to look positive at the founding of rural credit cooperatives to strengthen small-scale farmers and increase agricultural production. It supported them with state loans into their capital stock. The situation under Soviet power was different. The Bolsheviks followed primarily the previous policy of the Ministry of the Interior to keep the cooperatives under control. But different from before, they used the now existent unions as efficient means of control to suppress any autonomous acting of the cooperatives. Only between 1924 and 1927, under the policy of *Litsom k derevne* (turning the face to the countryside), for a short time rural cooperatives were supported, copying the policy of the Imperial Ministry of Finance, with the same target: to improve and increase the agricultural production.

Safronova is silent about the preconditions for the spread of credit cooperatives in the countryside, likely she is not aware of them. The initiative did not come from curators or state bank inspectors (p. 86–94). The founding of credit cooperatives after 1904 was initiated by a special group of intermediaries, primarily (male) teachers and priests, living in direct contract with the peasants in the villages. In their vast majority, they did not belong to the (urban) intelligentsia and were not part of the cooperative movement. Daily confronted with the misery of the local people, they tried to organize a credit cooperative for the local farmers after they learned about the financial support by the Ministry of Finance. In addition, they provided the precondition for the work of cooperatives: competence in accounting, not in the view of earlier initiatives of the intelligentsia.

The Ministry of Finance was aware for the need of such local initiators in close contact to the peasants. It executed pressure on the Orthodox Church and the Ministry of Education, unwilling to allow priests and teachers to locally engage for the organization of a cooperative, and to allow the teachers to take over the paid job as accountant to make the cooperatives run.

5. "Control" of the cooperatives or supervision of the finances to spread trust?

The reason for the widespread failure of the cooperatives until the 1890s was that the farmers neither saw a need for them, nor trusted in cooperatives. The first initiators, landowners and then especially people from the intelligentsia, did not pay attention to the severe problem of the misuse of finances and embezzlement. The promoters from the intelligentsia also ignored that it was necessary to secure the repayment of the credits:

Most cooperatives, founded by them, stopped working after they gave out their money for credits: Nobody cared about repayment. Only some saving and loan associations, founded by urban crafts in the Western part of the empire worked with success based on membership shares. The situation changed only after the famine of 1891: some farmers now developed the desire to improve their farming and were willing to make use of offers of help in that direction.

As the Raiffeisen credit cooperatives did not claim membership shares, but got a state loan in their capital stock, the bank prescribed control over their finances. The state bank inspectors also instructed the members how to run a cooperative correctly and to keep to the rules of the statue, alien to the farmers. The inspectors themselves were bound by the cooperative rules. After the registration of the cooperative, they could only make proposals and present them for voting to the cooperative assembly. Their work thus did not hurt the cooperative principle of the sovereignty of the cooperative assembly, but it helped to reveal mismanagement, corruption and embezzlement.

As paradox as it may sound, just the prescribed control over the finances by inspectors had a positive effect and contributed to winning trust in the credit cooperatives. It provided security. The members started to give their small free money as deposits to their cooperative, thus strengthening their work. In other countries, cooperative unions, not existing in Russia, took over the necessary control over the finances.

Different from Safronova's suggestion, "control" in both periods had a totally different meaning in concept and in practice. Under Czarist rule, the cooperatives preserved autonomy from the state, even if they profited from state loans. Rural cooperatives worked for the advantage of their members. The Bolsheviks, on the contrary, did not respecting the autonomy of the members. They enforced the fulfillment of state orders, hurting the interest of the members, and bound the cooperatives to their class policy by excluding "class aliens" (p. 208–239). They turned the unions into organizations of control over the cooperatives and their members. Several previous members, connecting positive experiences with the rural cooperatives, restarted from below to organize rural cooperatives under the policy of *Litsom k derevne* in the mid-1920. In reaction to Soviet control they tried to protect their cooperatives with staying "wild", meaning not to join the state-controlled unions (p. 227–232).

The attitude of the states towards existing networks of cooperatives in interwar Europe not only changed in the Soviet Union. During the First World War, practically all European countries practiced state intervention into the economy. After Soviet Russia, especially authoritarian regimes started to use cooperative unions to control cooperatives and their members, for example in Germany in 1934. This is a different story. It was a sign of rupture, not, as Safronova affirms, of continuity.

Overall assessment

This is an interesting book with presenting new, challenging theses, but with significant shortcomings as well: The author lacks the necessary knowledge of rural credit cooperatives, ignores the rural consumer cooperatives and presents a hardly existing form of craft "producer cooperatives" as part of the movement. The focus is on the cooperative discourse, a lot of attention is spent on the visions of the leaders of the movement and the intelligentsia, while the real interests of the "simple" members remain a white spot.

The assertion that the members were not actively involved and only were profiteers of the movement (p. 15), in this general form wrong. There is enough evidence that the members in all types of rural cooperatives formed the work according to their needs. That simple members connected a different meaning with the cooperatives than the agents of modernization (p. 23), does not come by surprise: The far-reaching expectations of these "agents" concerning a social reform and the changing of the simple people to the better were disappointed. This is the fate of most Utopian dreams. More interesting would-be representative information on the satisfaction of the "simple" members. Farmers and handicrafts primarily expected to get advantages and help from the cooperatives for improving and strengthening their individual small-scale production. That this was provided is visible from the phenomenon of "wild cooperatives" under Soviet rule. Dissatisfaction with consumer cooperatives, the crafts "production artels" and state controlled rural cooperatives, the author documents in chapters 6 to 8.

Until now, I was impressed by the attempt of the local self-administration to take over the running of state affairs during the First World War. But this overlooks, as Safronova correctly stresses, that urban people and ideas won dominance in the cooperative movement. In the name of the "common good", urban interests were set above those of the farmers. Providing army and cities with food was given priority. The leading representatives of the movement first blamed "private trade and intermediaries" for the failure, and then the "egoism" of the farmers claiming that they had to produce in the public interest (p. 135–136). The Bolsheviks shared the conviction of the intelligentsia that the farmers were stupid, infantile and had to be patronized to provide what they required from them.

Paying special attention to the "cooperative movement" thus provides shocking results. It makes evident how close this movement — dominated by views of Russia's urban intelligentsia — was to Stalin's attack on the farmers after 1927. With "taking grain" Stalin returned to the widespread conviction of the intelligentsia during the First World War that it was the obligation of the rural people and their cooperatives to provide food to the urban people as "common good" for the development of the country.

Safronova's study is welcome as well as it forces us to be more careful with assessing the "success" of the cooperatives. The strong spread of consumer cooperatives in Russia during the War was no sign of success, but only a reaction to the crisis of supply and the lack of any other working trade network. They did not keep to cooperative principles and should not be classified as "cooperatives". That the international alliance of cooperatives admitted in 1921 the Soviet consumer cooperatives although they hurt cooperatives principles was a further sign of the attitude of cooperative officials (p. 181), blamed by Safronova. They were more interested in success reports than in keeping to cooperative principles. Her study should also contribute to revising the negative picture of state support in cooperative literature: If the state paid attention to autonomy, limited state support in the initial phase could show positive effects and allow the development of genuine cooperatives.

S. Merl

Для цитирования: *Merl, S.* [Рец.] Сафронова, А. Блеск и нищета российской кооперации. Как народ приучали к современности, 1860–1930 / Пер. с фр. А. Сафроновой. М.: НЛО, 2024 (Histoire des coopératives russes et soviétique (1860-1930). Moderniser Le Peuple (= Problematiques de traduction 34). Paris: Classique Garnier 2023) // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 234–244.

М. В. Григоренко

25 книг об исследовательском университете

Исследовательский университет — это высшее учебное заведение, в котором научные исследования становятся центральным элементом деятельности, интегрированным с образовательным процессом. Концепция современного исследовательского университета зародилась в Германии в начале XIX века, её основоположником был Вильгельм фон Гумбольдт, который разработал идею единства преподавания и исследований. В понимании современных авторов, исследовательский университет — это не просто образовательное учреждение, а комплексный центр генерации, распространения и применения знаний, играющий важную роль в развитии общества и экономики. Сейчас в концепции исследовательского университета можно найти ответы на многие вызовы, в том числе те, которые стоят перед отечественными вузами.

Современные исследовательские университеты переживают глубокие трансформационные процессы. Анализу этих процессов посвящена работа **«Векторы трансформации современного университета»** под редакцией Е. А. Иванова (2024), в которой последовательно рассматриваются изменения работы университетов как в российском, так и в международном контексте. Книга **«Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования»** (2020), изучает опыт университетов США, представляющий по мнению авторов книги пример успешной трансформации. Монография А. Е. Шашурина и соавторов **«Инновационное развитие образования в современной России. Экосистемный подход»** (2024) акцентирует внимание на инновационном развитии в образовательных системах России. Историко-аналитические исследования *C. M. Vest* **The American Research University from World War II to World Wide Web** (2018) и **The Rise of the Research University. A Sourcebook** (2017) дополняют картину, показывая эволюцию университетов от классических к многофункциональным институтам, способным интегрировать научную и образовательную деятельность.

Указанные работы составляют комплексную картину современных процессов изменения и развития исследовательских университетов, включающую вызовы цифровой экономики, глобализации,

новые принципы управления и инновации. Отечественные авторы уделяют внимание российскому контексту, при этом выявляя параллели с мировыми тенденциями и перспективы их адаптации в отечественной системе высшего образования.

Один из главных факторов модернизации университетов — цифровизация. Работы *A. Bermejo, G. Gallardo, E. Guerrero-Lopez* **Handbook of Research on Digital Transformation Management and Tools** (2023) и **Digital Transformation and Disruption of Higher Education** (2022) подробно анализируют инструменты и менеджмент цифровой трансформации, рассматривают, как цифровые технологии влияют на учебный процесс, научные исследования и внутренние управленческие модели университетов. В указанной книге A. Bermejo, G. Gallardo, E. Guerrero-Lopez авторы рассматривают новые концепции, стратегии и инструменты цифровой трансформации организаций. Это руководство предлагает исследователям и практикамиспользовать как стратегические, так и оперативные преимущества цифровизации и перехода к цифровой экономике. Практические кейсы, рассмотренные в исследовании **Handbook of research on digital transformation, industry use cases, and the impact of disruptive technologies** (2021) подчёркивают важность взаимосвязи цифровых инноваций с промышленной сферой. Эта работа расширяет границы традиционной академической деятельности.

Таким образом, данные исследования формируют комплексное понимание роли цифровых технологий в развитии исследовательских университетов, подчеркивая необходимость комплексного и системного подхода к цифровой трансформации научно-образовательного пространства.

Для становления исследовательского университета и достижения высокого уровня научных и образовательных результатов важно эффективное управление и развитие академического персонала. Развитие кадрового потенциала исследовательских университетов рассматривается в книге *L. Cassuto, R. Weisbuch* **The New PhD: How to Build a Better Graduate Education** (2021). Авторы этой работы предлагают пути реформирования аспирантского образования. Практическое руководство *C. Brookfield, J. Lewis* **Completing Your Research Project: A Guide for the Social Sciences** (2025) предлагает шаги по реализации научных проектов. Книга *D.A. Arcarazo* **How to Navigate Academia: 33 Short and Actionable Lessons to Succeed** (2025) поможет читателю сфокусироваться на развитии профессиональной академической карьеры. Исследования *E.L. Boyer* **Scholarship Reconsidered: Priorities of the Professoriate** (2022) и *C.M. Golde, G.E. Walker* **Envisioning the Future of Doctoral Education** (2022) говорят о важности поддержки профессуры и формирования новых стандартов, так как это является ключевым фактором устойчивого развития университетов как центров научной и образовательной деятельности. В книге *B.R. Clark* **Creating**

Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation (2022) особое внимание уделяется управлению в контексте формирования «предпринимательских» университетов. Автор рассматривает организационные пути трансформации, способствующие развитию инноваций, предпринимательства и интеграции университетских структур с экономическими и социальными экосистемами.

Указанные работы формируют представление о современных подходах к управлению исследовательскими университетами, подчеркивая значимость стратегического развития персонала и адаптации управленческих технологий к вызовам времени.

Осмыслению места исследовательских университетов в глобальной академической среде посвящена работа *P. G. Altbach* **The Global Future of Higher Education and the Academic Profession** (2022). В ней рассматриваются ключевые мировые тенденции в сфере высшего образования, подчеркивая влияние глобализации и технологических изменений на академическую профессию и университетскую структуру. Классическая работа *C. Kerr* **The Uses of the University** (2001) посвящена фундаментальной роли университета в обществе, она рассматривает его функции и задачи в условиях быстро меняющегося мира. Книга *T. Becher* **Academic Tribes and Territories** (2023) изучает культурные особенности академической жизни, автор анализирует внутренние сообщества и их влияние на процессы научного творчества и образовательной деятельности. Книга *A. Schwittay* **Creative Universities: Reimagining Education for Global Challenges and Alternative Futures** (2021) рассматривает развитие университетов в условиях глобальных вызовов в креативном ключе и формирует альтернативные модели будущего университета. Историко-культурный анализ исследовательского университета читатель найдёт в книге **Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education** (2017). Исторический обзор развития американских исследовательских университетов представлен в работе *C. M. Vest* **The American Research University from World War II to World Wide Web** (2018), которая прослеживает эволюцию университетской системы США с точки зрения научных и образовательных изменений.

Данные работы обеспечивают комплексное понимание места исследовательских университетов в глобальном образовательном ландшафте, сочетая исторический, культурный и социальный анализ с оценкой современных тенденций и вызов

В завершение данного краткого обзора обратимся к исследованиям, посвящённым особенностям моделей и рейтингам исследовательских университетов. В них рассматриваются вопросы оценки качества научной работы и образовательных результатов, инструменты формирования рейтингов, вопросы конкурентоспособности и интеграции науки и образования в университетах различных стран. В книге *E. Hazelkorn* **Rankings and the Reshaping of Higher Education** (2022)

анализируется влияние глобальных рейтингов на развитие университетов, их стратегическое позиционирование и политику оценки качества. Автор исследует, каким образом рейтинги формируют конкурентное поле и стандарты оценки вузов на международной арене. Работа *D. Watson* **The Research Excellence Framework and the Future of British Universities** (2022) освещает британский опыт оценки исследовательской деятельности университетов, раскрывая методологические подходы и влияние результатов оценок на финансирование и управленческие решения вузов. Анализ рынка труда и механизмы перехода образовательных результатов в карьерный рост представлены в работе *M. Jelonek* **Universities and the Labour Market: Graduate Transitions from Education to Employment** (2022).

Эти работы выявляют важность адаптации университетских моделей к внешним социально-экономическим и политическим реалиям. Они формируют комплексное представление о современных инструментах оценки и стратегиях развития исследовательских университетов в глобальном и национальном контекстах.

Таким образом, современное понимание исследовательского университета определяется через призму цифровой трансформации, глобальной интеграции и инновационного развития, что предполагает комплексный подход к управлению, кадровой политике и научно-образовательной деятельности.

В подготовке этого обзора использованы данные, полученные с помощью нейросети «Алиса», разработка «Яндекса», и нейросети Perplexity AI. С помощью этих нейросетей был осуществлен первичный поиск и отбор книг, посвященных теме исследовательского университета. Сетям давалось задание подобрать книги на русском и английском языках в равной пропорции. В англоязычном сегменте Интернета обе сети искали книги лучше, чем в русскоязычном, поэтому англоязычных книг в обзоре больше, чем русскоязычных. Полученный список был сокращён вручную до 25 работ. Отбор прошли только те книги, которые доступны на сайтах издательств, в книжных магазинах и библиотеках. Отбирались книги, изданные за последние 10 лет, однако для одной, изданнной ранее, но значимой для обзора книги было сделано исключение. С помощью поисковой системы Perplexity AI проведена систематизация отобранных книг, было выделено пять групп: «Трансформация и развитие исследовательских университетов», «Цифровая трансформация и инновации в исследовательских университетах», «Управление и развитие персонала исследовательского университета», «Глобальный контекст, история и культурные аспекты исследовательских университетов», «Особенности моделей и рейтинги исследовательских университетов». Тексты описания книг делались посредством нейросети Perplexity AI. Финальная редактура текста проводилась вручную.

1. Векторы трансформации современного университета / Под ред. Е. А. Иванова. М.: Проспект, 2024.
2. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / Под ред. В. Б. Супян. Москва: Магистр, 2020.
3. Шашурин, А. Е. и др. Инновационное развитие образования в современной России. Экосистемный подход: монография / А. Е. Шашурин, Е. Г. Семенова, М. С. Смирнова. СПб. : БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2024.
4. *Altbach*, P. G. The Global Future of Higher Education and the Academic Profession. Oxford: Oxford University Press, 2022.
5. *Arcarazo*, D. A. How to Navigate Academia: 33 Short and Actionable Lessons to Succeed. Independently published, 2025.
6. *Becher*, T. Academic Tribes and Territories. London: Routledge, 2023.
7. *Bermejo*, A., *Gallardo*, G., *Guerrero-Lopez*, E. Handbook of Research on Digital Transformation Management and Tools. IGI Global, 2023.
8. *Boyer*, E. L. Scholarship Reconsidered: Priorities of the Professoriate. Princeton: Carnegie Foundation, 2022.
9. *Brookfield*, C., *Lewis*, J. Completing Your Research Project: A Guide for the Social Sciences. SAGE Publications Ltd, 2025.
10. *Cassuto*, L., *Weisbuch*, R. The New PhD: How to Build a Better Graduate Education. Johns Hopkins University Press, 2021.
11. *Clark*, B. R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford: Elsevier, 2022.
12. Digital Transformation and Disruption of Higher Education / Ed. A. Kaplan. Cambridge University Press, 2022.
13. Digital Transformation, Perspective Development, and Value Creation: Research Case Studies / Ed. by D. Pankowska. Routledge, 2025.
14. *Golde*, C. M., *Walker*, G. E. Envisioning the Future of Doctoral Education. Jossey-Bass, 2022.
15. *Hazelkorn*, E. Rankings and the Reshaping of Higher Education. London: Palgrave Macmillan, 2022.
16. *Jelonek*, M. Universities and the Labour Market: Graduate Transitions from Education to Employment. Routledge, 2022.
17. *Kerr*, C. The Uses of the University. Cambridge: Harvard University Press, 2001.
18. *Kogan*, M. The European University in the Knowledge Society. London: Palgrave Macmillan, 2023.
19. Research Handbook on the Transformation of Higher Education / Ed by L. Leišytė, J. R. Dee, B. J. R. van der Meulen. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023.
20. Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education / Ed. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. Palgrave Macmillan, 2017.

21. Handbook of research on digital transformation, industry use cases, and the impact of disruptive technologies / Ed. by M. G. Wynn. IGI Global, 2021.

22. *Schwittay*, A. Creative Universities: Reimagining Education for Global Challenges and Alternative Futures. Bristol University Press, 2021.

23. The Rise of the Research University. A Sourcebook / Ed. by L. Menand, P. Reitter, C. Wellmon. Chicago & Llondon: University of Chicago Press, 2017.

24. *Vest*, C. M. The American Research University from World War II to World Wide Web. University of California Press, 2018.

25. *Watson*, D. The Research Excellence Framework and the Future of British Universities. London: UUK, 2022.

Для цитирования: Григоренко, М.В. 25 книг об исследовательском университете // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 245–250.

Авторы номера

Абел Гезевич Аганбегян — доктор экономических наук, академик РАН, член-корреспондент Британской академии, с 1989 по 2002 г. ректор Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР/Правительстве РФ. Один из создателей Московской высшей школы социальных и экономических наук. **Электронная почта**: aganbegyan@ranepa.ru.

Александр Алексеевич Артамонов — ведущий специалист научно-исследовательского отдела Интерцентр МВШСЭН, редактор сайта журнала «Пути России»; ведущий специалист редакции журнала «Крестьяноведение» РАНХиГС при Президенте РФ. **Адрес:** Москва, пр. Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003. **Электронная почта:** aartamonov@yandex.ru.

Валерий Георгиевич Виноградский — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Выпускник МВШСЭН 1998 года. **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 84, корпус 9. **Электронная почта**: vgrape47@yandex.ru.

Ольга Яковлевна Виноградская — старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Выпускница МВШСЭН 1997 года **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 84, корпус 9. **Электронная почта**: vgrape58@yandex.ru.

Максим Валерьевич Григоренко — Руководитель Редакционно-издательского отдела МВШСЭН (Шанинка), секретарь журнала «Пути России». **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** grigorenko-mv@universitas.ru.

Ирина Васильевна Дуденкова — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии ИОН РАНХиГС, декан факультета социальных наук МВШСЭН (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный переулок 3, стр. 5. **Электронная почта:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Татьяна Павловна Жидяева — старший преподаватель, Алатырский филиал федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». **Author ID РИНЦ:** 623229; **ORCID ID:** 0000-0002-8238-193X; **Researcher ID:** GVT-2580-2022; **Scopus Author ID:** 58681336300. **Адрес:** 429820, г. Алатырь, ул. Первомайская, д. 70. **Электронная почта:** tanya21_84@mail.ru.

Рафина Рафкатовна Закиева — доктор педагогически наук, доцент, профессор кафедры промышленная электроника, «Казанский государственный энергетический университет». **Author ID РИНЦ:** 941381; **ORCID ID:** 0000-0001-9513-7672; **Researcher ID:** T-2047-2019; **Scopus Author ID:** 57205611148. **Адрес:** 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51. **E-mail:** rafina@bk.ru.

Татьяна Ивановна Заславская (урождённая Карпова; 9 апреля 1927 — 23 августа 2013) — советский и российский социолог и экономист. Стояла у истоков конференции «Куда идёт Россия?», которая в дальнейшем стала называться «Пути России», была редактором ежегодника конференции, преемником которого является журнал «Пути России».

Сергей Эдуардович Зуев — кандидат искусствоведения, профессор, научный руководитель МВШСЭН, ректор МВШСЭН в 2011–2023 гг.. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** zuev-sergey@yandex.ru.

Владимир Владимирович Картавцев (выпускник 2013 года) — MA in Sociology, проректор МВШСЭН по научному развитию. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** kartavtsev.vladimir@gmail.com.

Сергей Владимирович Козин — кандидат социологических наук, доцент, «Южный федеральный университет». **Author ID РИНЦ:** 346402; **ORCID ID:** 0000-0002-8398-8805; **Researcher ID:** D-9529-2019; **Scopus Author ID:** 59185152600. **Адрес:** г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. **Электронная почта:** mister.svk92@yandex.ru.

Елена Анатольевна Ленская — кандидат педагогических наук, автор множества российских и международных публикаций по вопросам образования, сооснователь и декан факультета менеджмента в сфере образования МВШСЭН. **Электронная почта:** lenskaya@universitas.ru.

Штефан Мерль — доктор философии, университет Билефельд, Германия. **Scopus AuthorID:** 52164307300. **Электронная почта:** stephan.merl@uni-bielefeld.de.

Александр Михайлович Никулин — на момент проведения интервью сотрудник Интерцентра/МВШСЭН, на настоящий момент кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС, главный редактор журнала «Крестьяноведение». **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 82–84, корпус 9, офис 2003. **Электронная почта:** nikulin@ranepa.ru.

Константин Александрович Никулин — студент-бакалавр кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. **Адрес:** Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4. **Электронная почта:** konstantinnikulin1186@gmail.com.

Илья Павлович Новиков — Студент магистратуры в МВШСЭН (Шанинка) и в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** bulvionn@gmail.com.

Илья Валерьевич Пресняков — Ph. D Student, School of Historical Studies, Tel Aviv University. **Адрес:** Gilman Bldg., Ramat Aviv, Tel Aviv, 6997801, Israel. **Электронная почта:** presnyakoviliaval@gmail.com. **Телеграм:** @iliapresnyakov.

Вадим Валерьевич Радаев — доктор экономических наук, профессор, первый проректор НИУ ВШЭ, заведующий кафедрой экономической социологии, заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований, главный редактор журнала «Экономическая социология» **Адрес:** Г. Москва, АУК «Покровский бульвар», Покровский бульвар, д. 11. **Электронная почта:** radaev@hse.ru.

Владимир Станиславович Роговский — кандидат медицинских наук, магистр политологии. Выпускник МВШСЭН 2023 года. **Электронная почта:** alderqwerry@yandex.ru.

Дмитрий Михайлович Рогозин (выпускник 2002 года) — кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, главный редактор журнала «Пути России». **Адрес:** Москва, Пречистенская набережная, д. 11, корп. 1, ком. 404. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru.

Ольга Борисовна Солодовникова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская набережная, д. 11, корп. 1, ком. 404. **Электронная почта:** olga.ogoniok@gmail.com.

Павел Михайлович Степанцов (выпускник 2009 года) — MA in sociology, социолог, преподаватель МВШСЭН и Сколково, сооснователь исследовательского агентства Synopsis Group. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** Pavel.Stepantsov@gmail.com.

Даниил Дмитриевич Сушков — аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ. Адрес: Москва, ул. Рождественская, 4. Электронная почта: d.d.sushkov@gmail.com.

Ася Александровна Терехова — студентка программы профпереподготовки по направлению «Социология» МВШСЭН, редакторка, продюсерка в медиа и образовании. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** asya.terehova@gmail.com.

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, научный руководитель НОЦ «Центр исследований русской мысли» ИОиГН БФУ им. И. Канта (Калининград). **ORCID:** 0000-0003-2437-5002; **Scopus AuthorID:** 57191265840; **Researcher ID:** E-9127-2015; **РИНЦ AuthorID:** 616154. **Адрес:** г. Калининград, ул. Чернышевского, 56. **Электронная почта:** mestr81@gmail.com.

Анна Васильевна Турчик (выпускница 2006 года) — кандидат социологических наук, проректор по международному сотрудничеству МВШСЭН. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3-5. стр. 1. **Электронная почта:** annaturchik@gmail.com.

Валерий Валерьевич Фёдоров — кандидат политических наук, профессор, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения, главный редактор журнала «Мониторинг. Социальные и экономические перемены». **Адрес:** Москва, ул. Пречистенка, д. 38. **Электронная почта:** fedorov@wciom.com.

Константин Сергеевич Фурсов (выпускник 2006 года) — кандидат социологических наук, доцент-исследователь, ведущий эксперт Центра научной коммуникации Национального исследовательского университета ИТМО. **Адрес:** Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49. **Электронная почта:** konstantin.fursov@gmail.com.

Татьяна Юрьевна Черкашина — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета. **Адрес:** Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, каб. 3338. **Электронная почта:** touch@nsu.ru.

Пути России
2025. Том 3. №3

Учредитель и издатель:
ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

Адрес редакции и издателя:
125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3–5, стр. 1

jrsre@universitas.ru

www.jrsre.ru

Цена свободная

Подписано в печать: 22.09.2025.
Формат 70×100/16.

Пути России

Том 3 № 3

2025